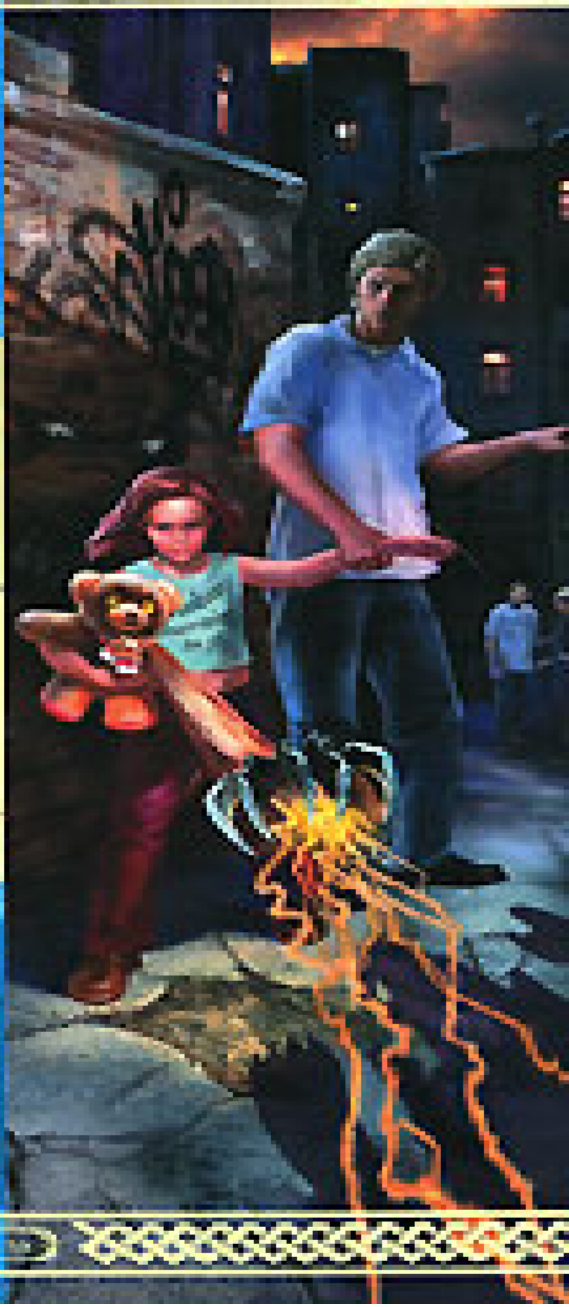
МИРЫ М. и С. ДЯЧЕНКО

МАРИНА И СЕРГЕЙ

ДЯЧЕНКО

АЛЕНА И АСПИРИН

ГОРОДСКАЯ ФЭНТЕЗИ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Спешите творить добро! Но, встретив ночью в подворотне испуганную маленькую девочку с плюшевым медведем, задумайтесь на минутку. Возможно, под плюшем скрывается чудовище. А за обликом ребенка скрывается целеустремленный демон, готовый взломать вашу налаженную жизнь и сыграть на ней, как на скрипке, чьи струны-нервы рвутся во время игры…

Ах, эта девочка с мишкой… Разве вы сторож брату ее?!

- Марина и Сергей Дяченко
  -
  - Часть первая
  - Часть вторая
  - Часть третья

Марина и Сергей Дяченко
Алена и Аспирин

* * *

Часть первая

Воскресенье

Хрустнул осколок под каблуком.

Во всем районе не горели фонари. При свете звезд Аспирин шагал от гаража к дому.

Можно было выбрать длинный и относительно безопасный путь вдоль улицы, но Аспирин не был девицей и не боялся ночных разбойников. В подворотнях воняло, но он и к этому относился философски. Через несколько минут за ним закроется железная дверь подъезда. Консьерж Вася знает, что по воскресеньям Аспирин возвращается не в три и не в четыре, а всего лишь в полвторого, и, возможно, выйдет встречать…

Он включил карандаш-фонарик, свернул в подворотню и почти сразу остановился, увидев ее.

Поначалу ему показалось, что девочка нарисована на стене – такой неподвижной и плоской она казалась на фоне красно-сине-черных граффити. Но вот луч света упал ей на лицо, она зажмурилась, загородилась ладонью и плотнее прижала к себе плюшевую игрушку – вероятно, медведя.

– Ты что здесь делаешь? – вырвалось у Аспирина.

Он посветил фонарем туда и сюда: подворотня-тоннель была пуста. Тогда он снова перевел луч света на девочку – не на лицо, а на руки, крепко обхватившие неведому зверушку.

– Ты что здесь делаешь? – повторил он уже строго.

Девочка молчала.

На вид ей было лет десять. Никак нельзя было сказать, что это бродяжка, или нищенка, или несчастный ребенок, позабытый на улице пьяными родителями. Она не казалась даже испуганной. В движении, каким она обнимала игрушку, было больше застенчивости, нежели страха.

– Что, поссорилась с родителями? – предположил Аспирин и сразу почувствовал себя идиотом.

Девочка молчала.

– Что, так и будешь здесь стоять? – Аспирин злился все больше. – Сейчас придет злой дядя, насадит тебя на ножик… Где твои «шнурки»?

Девочка казалась удивленной. Не то перспективой встречи со «злым дядей», не то внезапным интересом, который Аспирин проявил к ее обуви.

– Ну пошли, – сказал Аспирин, в раздражении готовый

отвесить девчонке оплеуху. – Пошли, сдам тебя в милицию, пусть они ищут твоих предков. Кретины, смотреть надо лучше за детьми…

Аспирин боялся, что девочка заплачет и тогда глупая ситуация перерастет в критическую. На самом деле он думал сдать находку консьержу Васе: тот был добрым человеком, раздавал в хорошие руки приблудных котят и щенков, а прошлой зимой устроил даже судьбу какого-то беспризорника.

Девочка смотрела ясным, внимательным, совершенно взрослым взглядом.

– Испугался? – спросила она наконец.

– Я?!

Он тут же понял, что девочка права. Он в самом деле испугался – не то ответственности, непонятно как свалившейся на него в этой подворотне, не то чего-то другого. Девочкиной тени проверх уродливых граффити?

– Ты что здесь стоишь совсем одна? – спросил он тоном ниже.

– Я не одна. Я с Мишуткой, – она оторвала наконец от груди и показала Аспирину светло-коричневого медвежонка с пластмассовыми глазами.

– С Мишуткой – другое дело, – устало пробормотал Аспирин. – Где твой дом?

Девочка неопределенно пожала плечами.

– Нельзя детям по ночам стоять в подворотне, – Аспирин сам себе казался старым безмозглым занудой. – Здесь опасно.

– Да, – согласилась девочка. – Он меня ищет. Он пришел за мной.

– Кто?

Девочка не ответила.

Аспирин прокрутил в голове вероятный расклад. Родители в ссоре, возможно, разведены. Или мать-алкоголичка, а ребенка отсудили отцу. Маловероятно, но мало ли. Короче, отец за ней пришел, а она с отцом почему-то идти не хочет. Бытовуха в полный рост. Ранне-подростковые проблемы.

– Так, – сказал он решительно. – Или ты со мной идешь, или… стой себе. Так что?

Девочка молча смотрела на него круглыми, как с открытки, голубыми глазищами.

– Я пошел, – сказал Аспирин с облегчением. – Семейные разборки – не по моей части.

Он направил луч света на щербатый асфальт под ногами и зашагал к выходу из подворотни. Впереди, в проеме арки, мерцали звезды. Как хорошо, что у меня нет детей, думал Аспирин, выходя под чистое летнее небо. Как хорошо, что я не

женился тогда на Люське, думал он, сворачивая в проходной двор. Как хорошо, что я…

Мысль оборвалась. На детской площадке – где же еще? – под умирающей от удушья липой гнездились обкурившиеся малолетки.

А может, не обкурившиеся. А может, совершеннолетние. В темноте не разобрать. Не сосчитать огоньки сигарет, не спросить документы.

– Эй, ты! Иди сюда!

Аспирин мазнул по компании фонарем. Человек шесть. Одна девица. И, что самое неприятное – бультерьер.

– Не слепи, падла!

Рычание.

Аспирин погасил фонарь и тихонько отступил к выходу со двора. Может, сами отсохнут и сами отвалятся?

Не тут-то было.

– Иди сюда, говорят! Лучше будет!

– Что надо, ребята? – осведомился Аспирин по-деловому. – Я – ди-джей Аспирин…

Ржание. Эти дети либо не верили ему, либо не слушали радио.

– Аспирин-пидорин, прикурить не найдется? – звонко спросила девица.

Он отступал, не сводя глаз с собаки. У одного его приятеля когда-то была такая. Отгрызла средний палец на левой руке – собственному хозяину…

– Держи пса, – предложил он холодно.

Ржание. Девица заливалась громче всех. Какое неприятное сочетание, подумал Аспирин, – бабец и собака…

– Абель, фас! Оторви ему яйца!

Аспирин повернулся и побежал. Палку мне, палку, лучше железную, лучше заточку… Нет времени подобрать кирпич… темно… а баллончик, который целый год провалялся в сумке, сегодня остался в багажнике – лежит в гараже, полеживает…

Тускло вспыхнул фонарь у входа в подворотню. Этого света как раз хватило Аспирину, чтобы не налететь в темноте на мусорный бак. Он в последний момент вильнул в сторону, оглянулся и увидел в свете фонаря, как бультерьер, похожий на фаршированный бледный чулок, несется через двор, а вслед за ним бежит чудище о восьми ногах, четыре рта что-то вопят, восемь рук месят воздух…

Только теперь Аспирин вспомнил о девочке, которая по-прежнему стоит, наверное, в этой самой подворотне и прижимает к груди медвежонка.

Он подхватил с земли осколок кирпича, кинул в пса и почти попал. Тварь замедлила движение, но ненадолго.

– Скотина! Ты что делаешь! – орала девица. – Абель, взять!

Аспирин кинулся в подворотню. Свет фонаря насквозь простреливал бетонный коридор. Девочка, вопреки надеждам Аспирина, не убежала, услышав крики, топот и рычание, а только плотнее вжалась в стену.

Аспирин схватил ее за руку и потащил за собой. Зря, наверное. Он и сам, без балласта, бегал куда медленнее коротконогой собаки.

Подворотня закончилась. Девочка вырвала руку из руки Аспирина, обернулась и бросила медвежонка обратно, в проем арки, где на стенах прыгали тени.

Сначала он услышал крик – визг, вопль, разрывающий чьи-то голосовые связки.

И секундой спустя увидел огромную тень, выросшую на бетонной стенке поверх побледневших в страхе граффити.

Глухо ухнула собака. Что-то шлепнуло о стену и о пол. И сделалось тихо. Только топот ног, затихающий далеко-далеко…

В соседних домах стали зажигаться окна.

– Уходим, – сказал Аспирин, плохо соображая, ведомый инстинктом.

– Сейчас, – сказала девочка. – Мне надо забрать Мишутку.

Она вошла в проем арки, подняла что-то с асфальта, бережно отряхнула, прижала к груди. Аспирин глянул поверх ее склоненной головы: в подворотне было пусто. Далеко, у противоположного входа, лежал наполовину разорванный труп собаки.

– Идем, – сказала девочка.

Он схватил ее за руку и потащил прочь, стараясь держаться в тени и ни в коем случае не попадаться на глаза растревоженным сонным обывателям, чьи головы то здесь, то там выглядывали в окна, в форточки, с балконов.

* * *

– Неспокойно сегодня, – сказал консьерж Вася. – По всему району собаки, слышишь, разгавкались… Визжал кто-то – прямо жуть… Ты как дошел?

– Нормально, – соврал Аспирин. – Девочку вот… встретил…

Девочка смотрела на консьержа с приветливым интересом.

– Ночью? – удивился Вася. – Одна?

– С Мишуткой, – уточнила девочка.

Подошел лифт. К счастью, сквозь проем в сдвигающихся дверях Аспирин успел заметить Васино лицо: шагнул обратно и помешал дверным створкам сойтись.

– Ребенок потерялся, – сказал он Васе. – Завтра с утра буду звонить в милицию… искать родителей… не бросать же на улице, да?

Взгляд консьержа потеплел:

– Да… Это… Оставляют детей, где ни попадя… Расстреливать бы таких родителей на площадях…

Аспирин перевел дух и снова нажал на кнопку с цифрой «пять». Девочка молчала, поглядывала снизу вверх, гладила мишку по голове.

Лифт скрежетнул, останавливаясь на пятом. Аспирину пришлось несколько раз глубоко вздохнуть, прежде чем руки хоть немного успокоились и прыгающий ключ нашел замочную скважину.

– Заходи…

Зажегся свет. Девочка стояла посреди большой прихожей и щурилась – совсем как тогда в подворотне. Аспирина передернуло.

Не разуваясь, он прошел на кухню. Открыл навесной шкаф, отыскал початую бутылку коньяка. Плеснул в чайную чашку. Выпил. Если и отпустило, то совсем чуть-чуть.

Девочка по-прежнему стояла посреди прихожей – уже без туфель. Аспирин поразился, какие у нее чистенькие носки. Новые, в мелкую красную полоску.

– Как тебя зовут? – спросил он, прерывая паузу.

Она посмотрела на него укоризненно:

– А тебя как зовут?

– Ас… – он вовремя прикусил язык, потому что «Аспирин» – это непедагогично. – Алексей. Вот, надень тапки.

Она сунула ноги в «гостевые» женские шлепанцы, которые были на пять размеров больше ее ступни.

– Ты голодная? – спросил он равнодушно и чуть не взвыл от неестественности, фальши во всех этих бытовых манипуляциях. Тапки-кухня-пельмени-чай…

– Я не голодная, Мишутка голодный, – сказала девочка серьезно. – У тебя есть мед?

– Есть…

В кухне она уселась на табуретку, усадила мишку на край стола и сложила руки на коленях. Мишка сидел, скособочившись, глядя перед собой пуговичными глазами, свесив ватные лапы.

На одной был осколок стекла.

Аспирин, внутренне передернувшись, снял осколок при

помощи салфетки. Выбросил в мусорное ведро.

– Так что насчет меда? – спросила девочка.

– Сейчас… Ему в блюдце положить или он может из банки?

– Все равно, – покладисто решила девочка.

– Ему гречневый, липовый или цветочный? – осведомился Аспирин.

Девочка мельком глянула на игрушку.

– Цветочный лучше. Но это не принципиально.

Аспирин чуть не выронил чашку, которую только что снял с полки.

– А ложку ему надо? – поинтересовался хрипло.

Девочка усмехнулась:

– Где ты видел, чтобы медведи ели ложками? Только в мультиках!

– А-а, – неопределенно сказал Аспирин. Поставил на стол перед мишкой стограммовую баночку цветочного меда. С усилием отвернул крышку. Отошел к мойке, встал, скрестив руки на груди, уставился, будто ожидая, что пуговичные глаза мигнут, игрушка потянется ватной лапой к баночке, зачерпнет мед и понесет, роняя капли, к вышитому на плюше рту…

Игрушка не шевельнулась. Девочка взяла медвежонка за лапу, засопела за него, наморщила нос:

– Мишутке нравится. Спасибо.

– Пожалуйста, – вздохнул Аспирин. – Ну а теперь, когда он поел…

– Где же он поел? Он только начал!

Аспирин посмотрел на часы. Половина третьего ночи. Пока удирали с места проишествия, пока плутали переулками, пока Аспирин решал, что делать дальше…

– У тебя есть домашний телефон? – спросил он безнадежно.

– Нет, – отозвалась девочка, «зачерпывая» медвежьей лапой мед и чавкая от воображаемого удовольствия.

– Ты вообще думаешь возвращаться домой?

Девочка взяла со стола салфетку и начисто вытерла мишкину морду. У нее были коротко остриженные розовые ногти. Чистые незагорелые руки. На свежей футболке – два летящих дракона, большой и маленький, и надпись: «Krakow. Learning to fly».

– Ты бывала в Кракове?

Девочка не ответила.

Аспирин плеснул себе еще коньяка. Руки почти перестали трястись.

– Что там было? – спросил он, глядя на полосатые гостьины носки.

– Где?

– Там.

Девочка вздохнула.

– Он за мной пришел… А я не хочу идти с ним.

– Отец?

– Нет. Он мне не отец.

– Отчим?

– Он.

– Кто?

Девочка вздохнула снова. Аспирин нервно потер ладони:

– Кто убил собаку?

Девочка кивнула на игрушечного медведя. Аспирин вспомнил полуразорванного бледного бультерьера.

– Вообще-то, – сказала девочка раздумчиво, – это они ее убили. Давно. Когда она гналась за тобой, она была уже мертвая.

– Взрыва вроде не было, – сам себе сказал Аспирин. – Может… у них оказалось с собой что-то вроде… ну… упало собаке под ноги и взорвалось.

– Мышка бежала, хвостиком махнула, – сказала девочка без улыбки, – яичко упало и взорвалось… Ты хочешь спать?

– Я шесть часов травил в эфире байки, – признался Аспирин. – Разговаривал с какими-то идиотами по телефону. Ставил на заказ идиотские песенки. Потом малолетние кретины подстерегли меня в подворотне и натравили бультерьера. А он возьми да и сдохни на бегу. Да не просто сдохни – разорвись…

– Ничего, – сказала девочка примирительно. – Ты выпьешь еще и заснешь.

– И когда проснусь, тебя уже здесь не будет, – мечтательно предположил Аспирин.

– Это вряд ли, – сказала девочка и обняла медвежонка.

Понедельник

Чудес не бывает, и потому в девять утра, когда Аспирин вышел, прихрамывая, на кухню, девочка сидела, скрестив ноги, на стуле перед идеально вымытым столом, смотрела в окно и еле слышно напевала сквозь зубы. Перед ней на металлическом подносе лежал обложкой вверх раскрытый паспорт Аспирина.

– Ты что?! – от возмущения Аспирин выругался, как не принято ругаться при детях, устыдился своей несдержанности и потому разозлился еще больше.

Девочка обернулась. На коленях у нее – вернее, на скрещенных пятках – сидел светло-коричневый медвежонок, смотрел на Аспирина пластмассовыми зенками. На полу у ножки

стула стояла пустая баночка из-под меда.

– Значит, ты Гримальский Алексей Игоревич, тебе тридцать четыре года, – прокурорским тоном сообщила девочка.

– Слушай, ты, – выдавил Аспирин сквозь зубы. – Забирай… своего медведя и уходи. Чтобы духу твоего здесь не было. Считаю до десяти.

– Иначе что? – уточнила девочка.

– Проявил, блин, милосердие, – горько пробормотал Аспирин. – Приютил на ночь потерявшегося ребенка…

После вчерашнего ночного забега болели ноги и спина. Во рту было сухо и противно. В правом виске медленно и торжественно бухал миниатюрный кузнечный молот.

– Иначе, – он обогнул сидящую гостью, взял свой паспорт с подноса и почувствовал себя увереннее, – я вызову милицию.

– И что, ты скажешь, я делала у тебя в квартире ночью?

Аспирин позволил, наконец, ватным коленям подогнуться и тяжело опустился на табуретку. Девочка смотрела на него с интересом.

– Слушай, – глухо сказал Аспирин. – Я не знаю, кто и зачем научил тебя таким гадостям, но… есть же экспертиза, понимаешь? Мне не хочется этой грязи, но… Всем же будет ясно, что ты просто маленькая дряная испорченная вымогательница… понимаешь?

Девочка пересадила медведя на стол рядом с собой. Поудобнее сложила ему ватные лапы.

– Значит, это правда, – сказала отстраненно.

– Что? – почти выкрикнул Аспирин.

– Он говорил… он всегда говорит правду, – девочка задумалась, ее светлые брови стали похожи на два недорисованных значка «бесконечность».

– Детка, – сказал он с отвращением. – Убирайся. Иначе я никогда в жизни не совершу больше ни одного доброго дела. Даже котенку сосиску не дам.

– Напугал ежа голой задницей, – она ухмыльнулась. – Можно подумать, ты прямо мастер добрых дел! Прямо дедушка-Мороз!

Аспирин встал. Ему захотелось схватить маленькую дрянь за «хвостик» на затылке и, волоча за собой, доставить к входной двери и дальше; вместо этого он, выждав секунду, расхохотался.

Что за цирк, в самом деле. Почему он должен пугаться малолетней оторвы, которой, наверное, и одиннадцати лет еще не исполнилось?

Все еще посмеиваясь, он вернулся в комнату и поднял с постели телефонную трубку.

* * *

– Я не понял, – сказал Витя Сомов по прозвищу Вискас. – Ты притащил с улицы малолетку – в дом?

– Она ребенок совсем… Мне показалось…

– Ты притащил ее в дом?

– Ну, в общем, да.

Пауза.

– Не понял, – повторил Вискас угрюмо. – Нафига?

– Я был не в себе, – признался Аспирин. – Сперва на меня натравили бультерьера, а потом…

Он запнулся, не зная, как сказать рационально мыслящему Вискасу об иррациональном ужасе, случившемся в подворотне.

– Ты был трезвый? – уточнил Вискас.

– Я был за рулем. Я за рулем не пью.

– Молодец, – похвалил Вискас. – С охраны квартиру при девке снимал?

– Я вчера на охрану не брал.

– Почему?

– Ну… Не знаю. Забыл.

– Умница, – в голосе Вискаса было отрешенное удивление: рожает же земля таких идиотов. – Аспирин, я на тебя как-нибудь бомбил наведу. В воспитательных целях.

– Не надо, – сказал Аспирин и прислушался: девчонка в гостиной открыла, мерзавка, пианино и теперь бренчала по клавишам. – Слушай… По-моему, она ненормальная.

– Нормальнее тебя, – желчно заверил Вискас. – Присмотри там, что у тебя плохо лежит… А я приеду минут через двадцать.

– Ага, – сказал Аспирин с облегчением.

В соседней комнате девчонка беспорядочно давила на клавиши, как человек, впервые увидевший пианино. Аспирин посмотрел на часы, будто решая, успеет мерзавка разломать инструмент за двадцать минут или не успеет.

Витя Сомов заведовал службой безопасности в ночном клубе «Куклабак», где Аспирин «зажигал» по вторникам и пятницам. Однажды Витя по-дружески помог разрешить весьма щекотливую ситуацию – Аспирин въехал тогда в чей-то навороченный джип. Вискас считался интеллектуалом и всех без исключения штатных вышибал заставлял читать Мураками, но Аспирин ценил его не за это: Витя Сомов был идеальным собеседником, внимательным, немного медлительным, вокруг него, будто запах, распространялись уверенность и спокойствие, а дерганному после рабочего дня Аспирину спокойствия как раз не хватало.

Вызывать профессионала для встречи с ребенком – перебор.

Аспирин проявил слабость и сам это понимал; ему было неудобно перед Сомовым. С другой стороны, девчонка по своей воле уходить отказывается, значит, надо брать ее… за руки? За плечи? За горло?.. Брать и тащить, а она, конечно же, будет визжать, и этот визг услышат соседи… Через несколько лет Аспирин поднарубит серьезных бабок и купит, наконец, дом за городом, обнесет высоким забором и посадит пса… только не бультерьера. Кавказскую овчарку. Будет жить без телефона, без телевизора, только музыкальный центр и компьютер.

Он снова прислушался: в соседней комнате звучала мелодия. Неискушенному слушателю показалось бы, что девчонка по-прежнему тупо перебирает клавиши, но Аспирин услышал: рваная, неумело исполняемая, полная странного обаяния мелодия. Несколько тактов – стоп – повтор, уже увереннее. Новые несколько тактов…

Он заглянул в комнату. Девчонка стояла перед инструментом, подбирала мелодию явно на слух, но не так, как это обычно делают дети. Не молотила одним пальцем – скользила левой рукой над октавами, а правой едва касалась клавиатуры, как слепая, читающая текстом Брайля.

Медвежонок сидел на пианино между антикварными часами и фарфоровой куклой, привезенной Аспирином из Германии.

– Ага, – сказала девчонка будто сама себе. Положила обе руки на клавиатуру. Взяла левой аккорд, правой повела мелодию – у Аспирина на секунду закружилась голова. Увиделась жизнь впереди – так безмятежно и радостно, как если бы он был школьником, отпущенным на пожизненные каникулы. Он шагнул к пианино, собираясь обнять и расцеловать эту чудесную девчонку, которая пришла, чтобы научить его по-настоящему жить – без депрессии и без страха, без мелочей, без накладок, жить и слышать музыку, жить и радоваться. Он положил ей руки на плечи; в этот момент фарфоровая кукла, надежно закрепленная на подставке, вдруг шагнула вперед, потеряла равновесие и грянулась прямо на клавиши.

Мелодия смолкла. Осколки рассыпались по ковру. Аспирин отдернул руки; кукольная голова, кудрявая и равнодушная, осталась лежать между «ми» и «фа» второй октавы.

– Это не я, – виновато сказала девчонка. – Она сама.

Аспирин потер виски. Голова все еще немного кружилась.

– Ты умеешь играть?

– Ну… нет, – призналась девчонка. – Я просто подбираю… А клавиши тут по порядку, так что ничего сложного нет.

– Что ты играла?

Девчонка присела на корточки и стала собирать черепки. Он

увидел ее шею под светлым «хвостом» на затылке, позвоночник и острые лопатки.

– Это его песня, – сказала девочка, не разгибаясь. – Если ее сыграть правильно – уводит навсегда. Но сыграть правильно ее можно только на его дудке… Или, может, большим оркестром. Наверное. Если собрать виртуозов со свего мира, чтобы их было несколько тысяч человек… Тогда, наверное, получится. Наверное. Понимаешь?

Она выпрямилась. Остатки куклы лежали у нее на ладонях.

– Прости, – сказала она, глядя Аспирину в глаза. – Я тебя не очень огорчила?

– Брось в ведро, – сказал Аспирин.

Девчонка послушно прошла на кухню, и черепки грохнули о стенки полупустого мусорного ведра. Она вернулась, осторожно неся двумя пальцами голубое кукольное платье.

– Можно, я возьму себе?

– Возьми, – согласился Аспирин. – Ты кто?

– Ты бы сразу меня спросил, – девчонка робко улыбнулась.

– То есть?

– Ну, я все ждала, когда ты меня спросишь, кто я… А ты решил, что я попрошайка, или вымогательница, или еще чего похуже…

Аспирин уселся на диван. Закинул ногу на ногу.

– Ты кто?

– Я…

Она открыла рот, будто собираясь ответить тщательно выученный, давно приготовленный урок – и вдруг запнулась. Улыбка сошла с ее лица.

– Что это? – спросила она испуганно.

– Где?

– Звук…

За секунду до этого соседи сверху включили аудиосистему, и стены завибрировали, сотрясаемые басовитым «бух-бух».

– Соседи. Музыку слушают.

– Они глухие? – пробормотала девчонка после паузы.

– Они любят крутой драйв… Говори, от кого ты сбежала.

– Я не то чтобы сбежала, – девочка снова наморщила брови. – Я просто ушла.

– Что, из музыкальной школы тюремного типа?

– Нет. Из одного… очень хорошего места.

– Хорошего?

– Да. Я бы хотела когда-нибудь вернуться.

– Возвращайся сейчас!

Девочка вздохнула:

– Не могу. У нас с Мишуткой важное дело.

Она взяла медведя на руки и прижалась лицом к короткому светло-коричневому меху. Через секунду Аспирин с ужасом обнаружил, что она плачет.

– Ты чего?!

– Здесь… страшно, – пробормотала девочка. – Там, ночью… я очень… испугалась.

– Оно и понятно, – сказал Аспирин после паузы. – Я тоже. Но мы ведь… все в порядке, так?

– Нет, – девочка помотала головой, по-прежнему пряча лицо за Мишуткиной мордочкой. – Не в порядке… Ты меня боишься.

– Ерунда, – Аспирин подошел, присел рядом на корточки. – Слушай… Перестань. Хочешь, выпьем чая? У меня есть печенье…

Она кивнула, не поднимая глаз. Аспирин пошел на кухню, плеснул в чайник питьевой воды из пластикового баллона; в конце концов, его совести будет комфортнее, если нежелательная гостья уйдет накормленная и напоенная.

Чайник закипел, заурчал и громко щелкнул, выключаясь. Аспирин вытащил и картонную коробочку с пакетиками на нитках, бросил по одному в каждую чашку, залил кипятком. Выставил на стол тарелку с остатками позавчерашнего печенья.

– А Мишутке? – слабым от слез голосом спросила девочка.

Аспирин, помедлив, взял с полки третью чашку. Девочка усадила медведя на стол. Аспирин вздохнул – и плеснул ему тоже кипяточка.

– Видишь ли, – сказал, придвигая к девочке сахарницу, – я тебя не боюсь. Что за ерунда – почему я должен тебя бояться? Ты пей… Просто я разозлился, когда ты взяла мой паспорт.

– А он в коридоре под зеркалом лежал.

Аспирин вспомнил: в самом деле, получал позавчера на почте заказное письмо и потом бросил паспорт куда придется.

– Это не причина, – сказал он с нажимом. – Документы брать нельзя, особенно чужие, в чужой квартире, чужого человека…

– Мне нужно было узнать, кто ты.

Аспирин покачал головой, дивясь ее наивности:

– Разве об этом пишут в паспорте? Ну вот ты прочитала – и знаешь, кто я?

Девчонка опустила голову.

– Не обижайся, но есть же правила, – сказал Аспирин, довольный своей маленькой победой. – У тебя должны быть родители… или я не знаю, опекуны какие-то… и ты должна жить с ними. Такие правила.

– Они очень далеко, мои опекуны, – сказала девочка и странно улыбнулась. Такая улыбка пришлась бы впору

морщинистой, умудренной опытом старухе. Аспирин насторожился.

– Где?

Девочка взялась за картонный «язычок» заварочного пакетика, с удивлением подняла коричневый мокрый мешочек над янтарной поверхностью чая.

– Ух ты…

Опустила и снова подняла.

– Ты что, никогда чай в пакетиках не заваривала? – тихо спросил Аспирин. – Из какой же ты глуши?

– Алеша, – девочка хлопнула сосульками слипшихся ресниц. – Не прогоняйте меня.

Аспирин едва не поперхнулся чаем.

– Я не прогоняю! Допивай себе спокойно… Ешь печенье… Но мы же не в лесу живем! У тебя должны быть документы… Свидетельство о рождении… И мне надо срочно уехать в командировку, – придумал он вдруг и загорелся этой идеей. – Да. Уехать. Надолго. Поезд через час.

Пока он говорил, девочка, кажется, внезапно потеряла к нему интерес. Ее глаза смотрели, не отрываясь, на серебряный колокольчик, украшавший кухонную полку.

– А что это?

И, не спрашивая разрешения, она протянула руку и взяла колокольчик за ушко.

– Поставь, – Аспирин нахмурился. – Ты что… тебя не учили, что надо сначала… это же чужая вещь! А ну-ка…

Девочка тряхнула колокольчиком. По кухне разнесся звон, слабенький, но чистый.

– Ля, – сказала девочка.

И тут же грянул дверной звонок – как будто раскудахталась сумасшедшая курица.

– Ну вот, – Аспирин встал. – Это пришел один человек, он тебе поможет.

Шагая к двери, он малодушно подумал, что в крайнем случае можно подарить ей колокольчик. Пусть только уйдет поскорей.

– Привет, – сказал Вискас, шагая через порог.

– Привет, – Аспирин старался не суетиться. – Чаю хочешь?

– Чаю? – Вискас подозрительно на него покосился. – Давай сначала решим твою проблему…

Они вошли на кухню, когда девочка, подняв острый локоть, осторожно наливала свой чай в блюдечко.

Вискас резко остановился, так что Аспирин едва не налетел на него, как Пятачок на Винни-Пуха.

– Чаепитие? – спросил удивленно.

– Она была голодная, – извиняющимся тоном пробормотал Аспирин.

– Вовсе нет, – тихо сказала девочка. – Просто… мы пьем чай. С Мишуткой.

И погладила медведя, отчего тот едва не упал тяжелой мордой в кипяток.

Вискас поглядел на Аспирина. Тот отвел глаза, будто говоря: ну, идиот, знаю…

– Как тебя зовут? – спросил Вискас девчонку.

Та низко склонилась над блюдцем, так что светлый волосок, выбившийся из-за уха, упал в чай и ужом поплыл по поверхности.

– Как ее зовут? – спросил Вискас Аспирина. Тот пожал плечами. – Что, даже имени не спросил?

– Н-не успел.

Вискас саркастически хмыкнул:

– Мало времени было?

– Да так как-то… – Аспирин взял с блюдца печенье и принялся лихорадочно его поедать.

– Ладно… Допивай, – сказал Вискас девчонке. – Поедем в детприемник.

– Куда?

– Если ты сейчас не скажешь, кто родители и где живешь, я отвезу тебя в приемник-распределитель, и там с тобой поговорят специалисты… педагоги, – Вискас нехорошо усмехнулся.

– Я не здесь живу, – сказала девочка тихо.

– «Сами мы люди не местные», – прогнусавил Вискас. – Значит, отправят домой. Если будут деньги. Давай, дохлебывай…

– Если надо денег на билет, я дам денег, – предложил Аспирин. Вискас покосился на него без уважения:

– Нам того и надо… Присосется и будет клянчить, клянчить, вымогать…

– Не буду, – сказала девочка еще тише. – Мне от него ничего не надо. Пусть только признает, что он мой отец.

Аспирин, жевавший печенье, все-таки поперхнулся и зашелся кашлем.

Вискас сел верхом на стул. Некоторое время смотрел на девчонку, которая прихлебывала чай, как ни в чем ни бывало. Перевел взгляд на Аспирина. Тот не мог говорить – давился печеньем.

– Че сказала-то? – спросил Вискас, буравя девочку глазами.

– Я его дочь, – девочка с достоинством выпрямилась на стуле. – Они с мамой… расстались. Я еще не родилась тогда. Вы его спросите – он помнит Любу из Первомайска, должен помнить…

– Какая Люба? – Аспирин наконец-то обрел дар речи. – Какой Первомайск?

– Люба Кальченко. Вы вместе в Крыму отдыхали.

– Какой Крым? Витя, это кошмар какой-то, она же все врет…

Профессионально-свинцовые глаза Вискаса сделались еще угрюмее.

– Алексей Игоревич, – сказала девочка тонко и жалобно. – Мне от вас ничего не надо. Мы проживем… Мама на инвалидности, работала тяжело, на вредном производстве, и у нее диабет… У бабушки пенсия… мне не надо никаких денег! Я только хотела приехать, посмотреть…

– Витя, она врет, – Аспирин нервно засмеялся. – Это… просто смешно. Просто балаган какой-то.

На широком лице Вискаса явно обозначилось отвращение.

– Эдак кто угодно может прийти и что угодно сказать, – сквозь зубы сообщил он девчонке. – Может, ты вообще моя дочь? Или Папы Римского?

По девочкиному лицу покатились слезы. Она сунула руку в задний карман джинсов и вытащила маленькую черно-белую фотографию; фото шлепнулось на стол, как козырная карта. Вискас и Аспирин одновременно над ней склонились. На когда-то глянцевой, а теперь потертой и поцарапанной карточке обнимались мужчина и женщина. Лицо женщины виделось четко, она была брюнетка лет двадцати, не красавица, но очень веселая. Лицо мужчины получилось смазанным – видно, он поворачивал голову в момент съемки. За спинами влюбленных пенилось барашками море.

– Это он, – сказала девочка и слизнула самую крупную слезу, докатившуюся уже до губ.

– Да тут же невозможно разобрать, кто это! – выкрикнул Аспирин. – И потом… – добавил он тоном ниже, – мало ли кто с кем когда обнимался… Это же не доказательство!

Вискас смотрел на фотографию. Свинцовые глаза не выражали ничего.

– Чего тебе от меня надо? – Аспирин отступил к окну. – Денег… сколько тебе надо, чтобы ты ушла?

– Ни копейки, – сказала девочка твердо.

– Леха, – Вискас поднялся со стула. – Можно тебя на минуточку?

Аспирин пошел за ним в прихожую.

– Какого хрена? – устало поинтересовался Вискас.

– Она врет, – прошептал Аспирин. – Я клянусь тебе. Не было никакой Любы из Первомайска.

– Можно подумать, ты всех их помнишь, – пробормотал

Вискас. – Как она оказалась у тебя в квартире?

– Я привел…

– Ах, привел, ну так и уводи, – бросил Вискас через плечо и взялся за дверную ручку. – Сам решай свои семейные проблемы. Привет.

Дверь захлопнулась.

В кухне серебристо прозвонил колокольчик – «ля», как справедливо заметила девочка.

Аспирин поплелся в комнату. Лег на диван и закинул ногу на ногу.

Как с ним могла приключиться эта идиотская история?

Мама всегда говорила: характер – это судьба. Стоит один раз, только один раз проявить слабость, и в образовавшуюся щель потоком врываются несчастья. Аспирин даже нищим старушкам на улице никогда не подавал – навсегда исключил их из своего поля зрения. Аспирин спокойно съедал свой пляжный шашлык на глазах у шатающегося по берегу пацана-попрошайки. Как могло случиться, что он притащил в дом, в свой дом-крепость, куда не ступала нога постороннего, – приволок чужого ребенка?

Наглого. Невоспитанного. Прожорливого. Грязного. Ну ладно, пусть чистого – но это временно…

Аспирин полежал немного и поднялся. Болезнь надо лечить, пока она свежая, как бы неприятно это ни было. Проблему надо решать, не затягивая. И он, Алексей Игоревич Гримальский, вполне способен о себе позаботиться.

Он вошел на кухню. Девочка сидела, баюкала медведя, смотрела в окно. Фотография по-прежнему лежала на столе. Присмотревшись, Аспирин понял, что смазанный молодой человек на снимке не имеет с ним ничего общего – знакомые черты, проступившие на фото под взглядом Вискаса, были наваждением, самовнушением или – кто знает? – уверенный голос этой маленькой ведьмы внушил Аспирину ложное чувство вины…

– Зря ты так переживаешь, – сказала девочка, по-прежнему глядя в окно.

– Пошли, – Аспирин взял ее за локоть. Маленькая тонкая рука, теплая, безволосая, чуть напряглась под его пальцами.

– Я останусь, – она повернула голову, но вставать не спешила. – Есть такой закон. Под чьей крышей проведешь первую ночь – того потом приходится держаться. Мы теперь связаны. И ни тебе, ни мне не порвать эту связь.

– Посмотрим…

Он дернул ее за руку, намереваясь оторвать от стула и отбуксировать в прихожую. И тут же выпустил; по кухне

раскатилось глухое утробное рычание. Аспирин разжал пальцы прежде, чем вспомнил, где слышал его раньше.

– Тихо, ш-ш-ш, – девочка прижимала к себе игрушку, баюкала, гладила. – Не бойся, Мишенька, все будет хорошо…

Аспирин глядел на них минуты три. Потом взял с полки початую бутылку коньяка, со стола чашку с остатками чая – и ушел в гостиную.

* * *

Он проснулся от раската грома. Во сне ему померещилось рычание, дикие крики людей, разрываемых пополам, игра теней на разрисованной грязной стене…

Он проснулся и понял, что это всего лишь гроза. За окном было серо; занавеска не колыхалась – кто-то предусмотрительно закрыл форточку. И горела настольная лампа.

Аспирин лежал на диване, тяжелый и рыхлый, как умирающая медуза. Рядом на журнальном столике стоял поднос; Аспирин приподнялся на локте, почуяв запах мяса.

Над куриной отбивной кружился пар. Тремя красными выпученными глазами лежали помидоры. В стороне стояла огромная чашка кофе.

– Ешь, – сказали из полумрака. – А ведь даже не завтракал.

– Который час? – сипло спросил Аспирин.

– Уже почти пять.

– Сколько же я спал?

Ответа не последовало. Аспирин сел, поморщился. Пустая бутылка из-под коньяка стояла, боязливо прижимаясь к ножке дивана.

Он взял вилку и нож. Отбивная была нежная, в меру посоленная, в меру поперченная, в меру румяная.

– Вижу, ты уже готова замуж, – сказал он, жуя. – Шить-вязать, небось, умеешь? А сколько тебе лет?

Молчание. Девочка сидела, скрестив ноги, прижав Мишутку к груди.

– И как зовут тебя, кстати? И где ты взяла мясо? Я куриных битков в холодильнике не держу…

– Ты и овощей не держишь, – отозвалась девочка. – И картошки… Пошла и купила. На базаре возле метро.

– А-а-а, – сказал Аспирин и потянулся за кофе. – А в аптеку за клофелином ты не заходила, случайно?

– В аптеку за клофелином, – повторила девочка, будто оценивая масштаб шутки. – Зачем? Ты и так продрых весь день,

как убитый… Это у тебя такой способ уходить от проблем, да?

Аспирин проглотил издевку вместе с огромным глотком кофе. Любимый напиток, надо сказать, был достоин всяческих похвал – сам Аспирин так не сумел бы сварить.

За окном вспыхнула молния и почти сразу же рявкнул гром. От удара включилась сигнализация оставленных во дворе машин. Бедняги завопили на разные голоса. Аспирин поставил чашку на поднос.

– И что ты еще делала?

– Читала. Я тут журналы нашла…

Аспирин поднял голову и увидел, что на ковре лежат, привольно раскинув станицы, два номера журнала «Мачо» и три номера «Люли-Леди».

– «Доктор Аспирин» – это же твоя подпись? – серьезно спросила девочка.

Аспирин застонал. Лег, поудобнее пристроил под головой подушку.

– Я догадалась, – сказала девочка. – «Сто рецептов здорового секса», «Как познакомиться с блондинкой», «Как безболезненно расстаться с блондинкой»…

– Кто тебя прислал?

– Никто. Я сама. Потому что ты мне нужен.

– Зачем?

– Одна я ничего не могу. Я ничего не знаю… Всего боюсь…

– Я заметил, – процедил Аспирин сквозь зубы.

– Правда, – девочка вздохнула. – У меня никого нет. Кроме Мишутки.

Аспирин вздрогнул. Девочка неслышно подошла. Взяла поднос с грязной посудой, двинулась на кухню.

– Погоди! – крикнул Аспирин ей в спину. – Как тебя все-таки зовут?

Снова грохнул гром. За секунду до этого молния осветила темную комнату, японский календарь на стене, корешки книг на полках и бледное девочкино лицо.

– Алена, – сказала она осторожно, как человек, который только что выдумал себе имя и не уверен, годится ли оно.

– Врешь, – сказал Аспирин.

Девочка пожала плечами и вышла из комнаты.

Аспирин потряс головой. Наваждение продолжалось. Подрагивали стекла под порывами ветра. На кухне деликатно позвякивали посудой.

Как он мог заснуть? Вот так все бросить, напиться… Она привела бы кого угодно… своих хозяев, или кто там ее послал…

– Эй! – хрипло крикнул Аспирин, стараясь, чтобы голос

дотянулся до кухни. – А ключи от квартиры ты где взяла?

– У тебя в кармане куртки, – ответил невозмутимый голос. – В прихожей.

Он преодолел головокружение и встал.

– А сейчас они где? Где, я спрашиваю?

– Там же. Я их обратно положила…

Шум воды из крана, звук вилки, которую уронили в железную раковину.

– Учти, – сказал Аспирин сквозь зубы. – Замки я завтра поменяю – оба. А квартира будет на сигнализации, и кода ты не знаешь… А деньги? Где ты взяла деньги?!

– Сорок пять.

– Что – сорок пять?

– Код сигнализации – сорок пять, ты так и оставил, забыл перевести на нули… А деньги я взяла там же, в кармане, сдачу положила обратно.

Шум воды прекратился. Аспирин вошел в кухню. Девочка стояла перед опустевшей и очень чистой раковиной, небрежно вытирала руки полотенцем.

– Там консьержка, которая сегодня дежурит, другая, тетя Света. Мы с ней познакомились. Я сказала, что я твоя дочка из Первомайска. Она очень удивилась…

– Сейчас ты уйдешь, – тихо и твердо сказал Аспирин.

– Куда? В дождь? В грозу?

– К чертям под задницу! Меня не волнует.

Алена улыбнулась:

– У тебя большая двухкомнатная квартира… Некоторые люди годами в коммуналках живут. По четверо в одной каморке. А тебе жалко бездомного ребенка пустить. Хотя живешь один, и места у тебя – завались.

– Все. Я вызываю милицию, – Аспирин развернулся, чтобы идти в комнату.

– Звони, – пробормотала Алена ему в спину. – Я скажу, что ты заставлял меня ходить перед тобой голой. И принимать всякие позы. А за это кормил. И еще…

Он развернулся и влепил ей пощечину – так, что мерзавка отлетела и врезалась спиной в кухонную мойку. Больше ничего не слушая и ни на что не глядя, Аспирин почти бегом бросился в ванную, включил горячую воду и сунул руки под кран – смыть, стереть ощущение ее лица под ладонью.

В кухне было тихо. Снаружи молотил дождь по жестяным козырькам. Аспирин сорвал с крючка полотенце:

– Заслужила! А не уберешься сейчас, получишь еще!

Девочка стояла там, где он ее оставил. На футболку с

надписью «Krakow. Learning to fly» уже упали – и продолжали падать – крупные капли крови из носа и почти невидимые капли слез.

Вот так и ловят идиотов, подумал Аспирин. Сидят в переходах с младенцами. Подсылают маленьких аленушек, а ты, считающий себя умным, на поверку оказываешься простаком и лохом…

За окном грохнуло так, что снова заверещали насколько машин у подъезда.

– Чего тебе от меня надо? – рявкнул Аспирин, пытаясь злостью вытеснить все другие чувства. – Дочка, да? От Любы из Первомайска? Да как твой язык поганый повернулся! Тварь ты брехливая! Пошла вон!

– Очень хорошо, – сказала девочка сдавленным от слез голосом. – Давай… я спущусь к тете Свете, скажу, что ты напился, избил меня и выгнал… Пусть хоть в каморке меня приютит…

У Аспирина пол качнулся под ногами. Несколько секунд он стоял, с ненавистью глядя в ее бледное, залитое слезами и кровью лицо, потом побрел в комнату и взял телефонную трубку.

Куда звонить? Кому звонить? Что объяснять?

В квартире сделалось темно, как поздним вечером. Аспирин, решившись, уже почти набрал ноль-два, когда вслед за очередным ударом грома послышался звонок в дверь.

Вискас вернулся?

А эта стерва стоит на кухне с разбитым носом, в футболке, испачканной кровью, стоит и ревет…

А вдруг это хозяева девчонки, те самые, что ее подослали?

Аспирин метнулся к двери и задвинул засов. Пусть у них дрель, пусть дубликаты ключей, пусть автоген, в конце концов – он успеет позвонить ноль-два и достать пистолет. Пусть приходят…

Звонок повторился. Аспирин, поднявшись на цыпочки, шарил рукой по верхней полке шкафа. Где?! Вот, вот он… пыльная рукоятка… давно не тренировался… Не ко времени, да и духу не всегда хватает – пистолет нелегальный, разрешения нет, купил сдуру…

Или не сдуру?

– Не открывай, – сказали у Аспирина за спиной. Он вдруг вспомнил – идиот! – что девчонка стоит и наблюдает за его манипуляциями, и если увидит оружие – стукнет ментам при первой же возможности: «Дяденьки милиционеры, у него ствол припрятан!».

Он быстро отдернул руку. Вытер о штаны. Девчонка прожженная – наверное, уже догадалась… «Дяденьки

милиционеры, посмотрите у него на антресолях!»

Звонок прозвучал в третий раз – длинно и настойчиво. Что со мной стало за прошедшие сутки, подумал Аспирин. Я совсем слетел с катушек. Может, это пришел почтальон. Или консьержка тетя Света. Что такое есть в этой девчонке, что из-за нее я глупею: вместо того, чтобы поскорее выбраться из дерьма, все глубже в него забираюсь…

Он поднял стальной язычок, прикрывающий стеклышко «глазка», и тут же вообразил, как пришелец снаружи подносит к стеклышку дуло пистолета. Он мигнул; увидел искаженный линзами коридор и человеческую фигуру в двух шагах от двери. Уже хорошо – пластырем «глазок» не заклеили и ладонью не прикрыли, и лампу в коридоре не выкрутили…

Пришел незнакомый мужчина. Это все, что Аспирин смог определить.

– Кто там? – спросил он тоном человека, которого побеспокоили понапрасну.

– Я за вашей гостьей, – послышалось снаружи. – Она вам еще не надоела?

Аспирин оглянулся.

– Не открывай! – девчонка стояла в дверях кухни, прижимая к груди медведя, глядя на Аспирина снизу вверх. Она не боялась ни темной подворотни, ни наступающей шпаны, ни Вискаса с его угрозами, ни тем более Аспирина. Сейчас в ее голубых глазах был ужас.

– Я заберу у вас Алену, – сказали из-за двери. – Она совсем отбилась от рук, извините.

– Не открывай… – девчонка сгорбилась у дверного косяка. – Это он. Он меня нашел.

Вот и все, подумал Аспирин с угрюмым облегчением. Кто бы ни был этот пришелец, какие бы отношения ни связывали его и девчонку – приключение, кажется, подошло к концу, и завтра я поверю, что никакой Алены здесь не было.

Он отодвинул засов.

– Алеша, – сказала девчонка глухо. – Не только ради меня… Не открывай, пожалуйста. Он не войдет, пока сам ты его не впустишь.

Аспирин щелкнул верхним замком. Он боялся, что девчонка повиснет на нем, начнет рыдать и клянчить, но она стояла, как приклеенная, в дверях кухни, и только ниже и ниже сгибалась, будто у нее болел живот.

Может, это ловушка, неуверенно подумал Аспирин. Может, они сговорились? Может, они только и ждут, чтобы я открыл дверь?

– Кто вы такой? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал начальственно.

– Вам паспорт показать? – за дверью послышался смешок.

– Покажите, – предложил Аспирин. – Я хочу знать, кто вы такой, кем вы приходитесь этой девочке, и почему вы не смотрите, как следует, за ребенком… вы ее отец?

– Алексей Игоревич, вас это в самом деле волнует?

Аспирин снова посмотрел в глазок. Пришелец ухмылялся.

– Не открывай, – прошептала Алена, сползая вниз по дверному косяку. – Пожалуйста…

Она выглядела плохо. Нос и губы в засохшей крови, лицо бледное, в глазах паника, под глазами круги. Вряд ли так можно притворяться.

– Откуда вы меня знаете? – спросил Аспирин. – Впрочем, не важно… Девочка не хочет с вами идти. Я звоню в милицию.

– Да что вы как попугай, – устало сказали снаружи. – Надеялись бы, что поможет – пять раз бы уже позвонили.

Он был прав. Аспирину стало стыдно.

Я хозяин в своей квартире, сказал он себе и расправил плечи. Какого черта я должен чего-то бояться, стесняться, дрожать, как пенсионерка? Я мужчина, я в своем праве. Вокруг соседи, внизу консьержка…

– Чего ты трясешься? – грубо спросил он девчонку. – Не хочешь с ним идти – и не пойдешь. Только объясни мне, наконец-то, кто он такой!

Девочка слабо помотала головой.

– Так и будем через дверь разговаривать? – спросили снаружи.

Аспирин сжал зубы и щелкнул нижним замком. Открыл дверь – рывком, демонстрируя, что ничего не боится.

Пришелец все так же стоял посреди коридора. Он был высок, выше Аспирина, в сером свитере грубой ручной вязки и камуфляжных штанах. Секунду спустя, когда гость шагнул через порог, Аспирин увидел, что он без обуви. На кафельном полу прихожей отпечатались один за другим мокрые следы узких босых ступней.

– Мир этому дому, – заметил пришелец, оглядываясь и будто бы не замечая ни хозяина, ни сидящей на полу девочки.

В подтверждение его слов за окном сверкнуло и грохнуло ярче и громче прежнего. Аспирин невольно вздрогнул.

Пришелец повернул голову, наконец-то удостаивая хозяина прямого взгляда. Чекист, подумал Аспирин. Или очень крутой пахан. У незваного гостя были голубые с прозеленью глаза, холодные, безучастные и одновременно цепкие; Аспирину

неизвестно зачем пришло на память слово «кишкодер». А ведь не отдам ему девчонку, подумал он, и живот его подобрался сам собой. Лучше подкину ментам, лучше выброшу на вокзале… Ему не отдам; приняв решение, Аспирин вдруг понял, что дерьмо, в котором он барахтался последние сутки, поднялось выше ватерлинии и вот-вот хлынет в иллюминаторы.

Тем временем гость перевел взгляд на девочку. Алена сидела на полу, и остекленевшие глаза ее были очень похожи на глаза пришельца. Да ведь они родственники, подумал Аспирин. Господи, пронеси…

В этот момент Алена вдруг заговорила. Глядя прямо в лицо босому незнакомцу, она говорила жестко, яростно, с угрозой. Аспирин не понимал ни слова, более того, он мог поклясться, что никогда в жизни не слышал этого языка.

Пришелец слушал. Свитер у него был совершенно сухой, камуфляжные брюки влажные по колено, а ступни чистые и мокрые. Как будто гость подкатил на машине к самому подъезду, опустив при этом ноги в тазик с водой.

Девчонка говорила все громче. Когда она перешла на крик, пришелец резко осадил ее на том же языке; девчонка перевела дух и снова заговорила, на этот раз тихо, сдавленно, сквозь зубы.

Не цыгане, подумал Аспирин. Не арабы… Средняя Азия? Чушь… Что за язык? Кто они? Что они делают в моей квартире?

– Одну минуту, – начал он, но на него не обратили внимания. Девочка говорила и говорила, испепеляя пришельца взглядом – вернее, замораживая, потому что глаза у нее сделались как два ледяных шарика. Гость слушал; Аспирин почувствовал, как холодно стало вдруг в прихожей. Как будто мощный кондиционер включился вдруг на полную катушку – плюс восемнадцать… семнадцать… шестнадцать…

Пришелец сказал что-то коротко и властно. Шагнул вперед, явно намереваясь взять девчонку за ворот грязной футболки. Девчонка отшатнулась, быстро посмотрела на Аспирина: их взгляды встретились.

– Погодите, – сказал Аспирин (температура воздуха в прихожей к этому моменту опустилась, наверное, до плюс десяти). – Вы не объяснили мне, кем приходитесь… и куда хотите забрать. И не показали паспорт. И…

Гость обернулся, и еще не сказанные слова вмерзли Аспирину в глотку.

– Он тебя бил, – сказал пришелец по-русски.

– Он меня привел! Я провела у него ночь!

– Он ошибся, – пришелец смотрел на Аспирина, и тому хотелось стать тараканом и залезть под плинтус. – Вы ведь

ошиблись, Алексей Игоревич?

– Я… – выдавил Аспирин.

Девочка снова заговорила на чужом языке. Пришелец отвел взгляд от Аспирина (тот облегченно отступил спиной в темную гостиную) и подошел к зеркалу в прихожей. Аспирину в какую-то секунду показалось, что поверхность зеркала покрывается ледяными игольчатыми узорами.

Пришелец поправил шнурок на шее – красно-желтый шнурок, чуть выбившийся из-под воротника. На груди под свитером угадывался продолговатый предмет, слишком большой для обыкновенного мобильника.

– Включите свет, Алексей Игоревич.

– А…что?

– Я говорю, включите свет в гостиной. Раз уж намечается разговор.

Щелкнул выключатель. Явились из темноты смятый плед на диване, пустая бутылка коньяка, разбросанные по полу журналы и диски.

Антикварные настенные часы цокнули в последний раз и стали. Аспирин даже не удивился, глядя, как подергивается, сокращая амплитуду, маятник.

– Можно мне сесть на диван? – босоногий ухмыльнулся. Он явно ни у кого никогда не спрашивал разрешения; Аспирин изобразил вялую попытку прибрать плед, но гость распорядился сам – отбросил клетчатую ткань в угол дивана, уселся, закинув ногу на ногу.

Девчонка не стала входить в комнату – опустилась на пол в дверном проеме.

– Она в самом деле провела у вас ночь?

Аспирин оскалился:

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что наступило утро, а девочка все еще находилась здесь, под этой крышей. Больше ничего я не имею в виду, не надо сверкать на меня глазами… Алексей Игоревич, зачем вы это сделали?

– Что я сделал?!

– Зачем вы ночью привели в дом совершенно чужого ребенка?

– Потому что там нарки! – рявкнул Аспирин. – Алкаши! Просто пьяная шпана! Что, непонятно?

– Непонятно, – печально подтвердил незнакомец.

Аспирин подумал, что по-русски он говорит без малейшего акцента. Как и Алена.

– Помочь ребенку – нормальная человеческая реакция, – сказал он, внутренне перекосившись от стыда.

Пришелец вздохнул. Поджал губы. Спросил о чем-то у девочки. Та ответила жестко, почти грубо.

– Дорогой друг, – незнакомец качнул босой ступней, поглядывая то на Аспирина, то на сидящую в углу Алену, – вы знаете, сколько детей в это самое время мерзнут под дождем? Или их бьют, например. Или насилуют. Вас это хоть каким-то местом цепляет?

– А кто вы такой, чтобы читать мне мораль? – Аспирину захотелось завернуться в плед. Или хотя бы обхватить себя за плечи – так в комнате сделалось холодно. Но он удержался, не желая показывать слабость. – Я не звал вас в гости. Или вы говорите, кто вы такой, и уводите девочку, или…

– Не отдавай меня! – крикнула Алена.

– Или? – с интересом спросил незнакомец.

– Или просто уходите, – тихо закончил Аспирин.

Раздумывая, гость дотянулся ступней до пустой бутылки. Потрогал пальцами крышку; в один сумасшедший миг Аспирину показалось, что сейчас он легко и непринужденно свернет колпачок – ногой. Вместо этого незнакомец толкнул бутылку, и она упала на ковер, как кегля.

– Дело затягивается, – сказал пришелец. – Хорошо, я скажу вам: я директор детдома, из которого эта мерзавка сбежала, никого не предупредив. И теперь я водворю ее на место… Вопросы будут?

– Вы врете, – сказал Аспирин. – Вы не директор детдома.

– А кто я?

Хотел бы я знать, подумал Аспирин.

– Гримальский, вам нет до нее дела, – сказал незнакомец. – Куда я ее уведу, будет ей хорошо или плохо… Она не будет больше отягощать вас и втягивать в авантюры. Да?

Аспирин молчал.

– Перед моим приходом вы собирались ее выкинуть? Да?

– Я сам с ней разбирусь, – сказал Аспирин тихо, – и сам за нее отвечу. Куда я ее отдам, будет ей там хорошо или плохо…

– Он сказал! – девчонка подпрыгнула. – Слышишь?

Еще раз бабахнуло за окном.

– Гримальский, вы *попали*, – печально заметил сидящий на диване незнакомец. – Я честно хотел вам помочь, но в вашем исполнении даже потуга на доброе дело оканчивается, гм… Возьмите, – он сунул руку за пазуху, вытащил сумку-«ксивник», висящую на одном шнурке с длинным кожаным футляром. Извлек из сумки ламинированную гербовую бумагу. Уронил рядом с собой на диван.

– Свидетельство о рождении Гримальской Алены Алексеевны,

тысяча девятьсот девяносто пятого года рождения, мать – Кальченко Любовь Витальевна, отец – Гримальский Алексей Игоревич. Денег не предлагаю – вы человек обеспеченный, а Алена скромный, неприхотливый ребенок.

– Как… – выдохнул Аспирин.

Пришелец поднялся, убирая «ксивник» за пазуху – вместе с футляром.

– А вот так, Алексей Игоревич. Были пути к отступлению, но вы отказались. Теперь прощайте, надеюсь, надолго.

– Это фальшивка! – Аспирин кинулся к дивану и схватил бумажку. Имена и даты были не вписаны чернилами, как когда-то в метрике самого Аспирина, а впечатаны на скверной печатной машинке, и только подпись начальника ЗАГСа – от руки.

– Это фальшивка. Это просто смешно.

– Не смешно, – пришелец остановился перед раскрытым пианино, где на клавиатуре все еще покоилась голова фарфоровой куклы. – Потому что это подлинный документ – во всяком случае, в книге гражданского состояния города Первомайска сделана соответствующая запись.

– Не было… – Аспирин от возмущения захлебнулся. – Я никогда не был в Первомайске…

– Были в Крыму. Вместе с Любой.

– Ложь! Подстава! Я эту, – Аспирин завертел головой в поисках девчонки, но ее уже не было в комнате, – я ее… перестаньте! Забирайте! Убирайтесь оба!

Гость положил руки на клавиши. Возник аккорд. Аспирин вздрогнул. Пальцы гостя, длинные и загорелые, с белыми шишками суставов, метнулись по клавиатуре, и Аспирин замолчал, потому что от этих разрозненных звуков у него мороз продрал по коже.

– Я ведь предупреждал, – тихо сказал пришелец. – Она, конечно, не подарок. Но теперь, если вы каким-то образом обидите новоявленную Алену Алексеевну… Слышали у Земфиры – «Но у тебя СПИД, а значит, мы умрем»? Слышали, вы ведь диждей…

Он снова коснулся клавиатуры. Аккорд; антикварные часы конвульсивно дернули маятником и пошли быстрее обычного – будто демонстрируя усердие.

– Вы ее тут не пропишете! – выкрикнул Аспирин. – Ясно? Я квартиру специально завещаю… детскому фонду! Вы ее не получите!

– Заткнитесь, – устало бросил босоногий, выходя в прихожую.

Девчонка стояла спиной к зеркалу, по-прежнему бледная как смерть, в залитой кровью футболке. Губы ее шевельнулись. Слов

Аспирин не понял.

– Да, – сказал босоногий. – Держи.

Снова сунул руку за пазуху и вытащил маленький прозрачный пакет. Протянул девчонке. Зависла длинная пауза; Аспирин видел, что в протянутой руке пришельца – запаянные в полиэтилен струны. И что девчонка хочет взять их, но почему-то боится подойти к человеку в свитере и принять пакет из его рук.

Босоногий разжал пальцы. Пакет медленно – или так показалось Аспирину – упал на облицованный плиткой пол.

– Прощай, мелкая, – сказал босоногий. – Счастливого краха иллюзий.

Он вышел, прикрыв за собой дверь, и в квартире сразу же потеплело.

* * *

– Мне там все пришлось постирать, – сказала Алена. – Футболку… и штаны тоже. Я там на батарее повесила… Ничего?

Она стояла перед Аспирином, завернувшись в белое полотенце, и казалась младше своих лет.

– Ничего, – сказал Аспирин отстраненно. Он сидел на полу и бездумно перебирал диски. Музыкальный центр ждал, терпеливо выдвинув пустой язык.

– Я могу в кресле спать. Как вчера, – пробормотала Алена.

– Зачем же в кресле, – все так же отстраненно отозвался Аспирин. – Выбирай лучшую кровать… Все твое, чего стесняться, – он обвел рукой комнату. – Твоя квартира… вернее, не твоя, а твоих хозяев. Тебя-то, наверное, дальше служить пошлют…

– Ты ничего не понял, – шепотом сказала Алена.

Он посмотрел на нее. Девочка плотнее запахнула полотенце.

– Я немножко есть хочу, – сказала еще тише. – Можно, возьму себе хлеб с маслом? Там на кухне есть, я купила…

– Алена, – Аспирин оставил диски, потянулся к девчонке, почти коснулся ее плеча, но в последний момент задержал руку. – Давай по-хорошему.

– Давай, – она улыбнулась с готовностью, как будто этих слов и ждала.

– Прости, что я тебя ударил, – сказал Аспирин через силу.

– Ничего, – девчонка покладисто кивнула. – Я понимаю. Ты испугался…

– Испугался?!

– Ты все время боишься. И не мудрено. Здесь плохо у вас.

Даже Мишутка чувствует, он такой грустный… Можно, я и для него возьму меда?

– Можно, – меланхолично отозвался Аспирин. – Вот скажи мне, Алена… Тебя, наверное, запугали? Не зря ты так трясешься при виде этого…

– Не надо о нем, – тихо попросила Алена. – Не сейчас.

– Значит, ты тоже боишься…

– Боюсь, – грустно призналась девочка.

– Что там у них, банда? Секта? – осторожно предположил Аспирин. – Гипноз? Демонов вызывают, нет?

Алена взобралась на кресло и села, укрыв полотенцем колени, похожая на маленький махровый сугроб.

– А ты демонов боишься? – спросила, глядя Аспирину в глаза.

– Да чего их бояться, – Аспирин хихикнул. – Людей бояться надо. Таких, как этот твой…

– А он не человек.

– Демон? – Аспирин хихикнул снова. – И ты с ним говорила на языке демонов?

Девочка помолчала, разглядывая свою левую руку с заусеницей на указательном пальце.

– У тебя маленькие ножницы есть?

– В ванной, – механически ответил Аспирин. – Признайся, вы с ним все разыграли? Он бы тебя все равно не забрал, ведь так?

Девочка боком слезла с кресла и направилась в ванную. Край полотенца волочился по полу.

– Забрал бы, – сказала, не оборачиваясь. – Ты, конечно, трус и предатель, но ты мне еще раз помог.

И дверь ванной закрылась на защелку.

Вторник

– Итак, дорогие мои, утро вторника – это утро вторника, это всегда печально, потому что начинается рабочий день, но есть одно маленькое обстоятельство, которое должно вас и меня утешить – утро вторника это все-таки не утро понедельника, а значит, на один маленький шаг – на один день – мы стали ближе к нашей заветной цели, то есть к субботе…

Такую пургу он гнал на автомате, не задумываясь. Он мог бы болтать то же самое во сне или под наркозом. Кто-то из его приятелей-завистников однажды заметил, что словоиспускание Аспирина не имеет отношения к высшей нервной деятельности – это акт физиологический, как чихание или дефекация, и приносит поэтому чисто плотское наслаждение.

В чем-то приятель-завистник был прав.

– Во-от, у нас есть первый звоночек… Так… Кто у нас на линии? Инночка у нас на линии, здравствуйте, Инна. Вы сейчас дома или на работе? Дома? Видите как, вся страна вам завидует, потому что страна как раз на работе… Правила игры вам известны. Я напомню для наших слушателей: Инна должна отгадать слово, которое я задумал. Инночка, у вас есть минута, вы задаете мне вопросы, я отвечаю… Итак, время пошло!

Сегодня был вторник, с восьми вечера предполагался «Куклабак». Накануне Аспирин думал, что не уснет, тем не менее отключился уже в полпервого – и в шесть утра вскочил, как ошпаренный.

Алена спала в кресле, завернувшись в полотенце, прижав к груди светло-коричнего медведя с пластмассовыми глазами. В ванной сушились на батарее футболка, джинсы, полосатые носочки и белые трусики. Аспирин долго стоял, глядя на все эти тряпки, пытаясь понять, что теперь делать, куда бежать и к кому обращаться…

В восемь утра у него был эфир. В полвосьмого удалось переговорить по телефону с Вискасом.

– Правду надо было выкладывать с самого начала, – Вискас был раздражен и не скрывал этого. – А то придумал какую-то вроде чужую девчонку, которую ты вроде как из жалости подобрал…

– Она мне не дочка! Говорю тебе – подстава… Ксива поддельная… Говорят по-тарабарски… Албанцы какие-то… Они меня прикончат, а квартиру унаследуют – через нее…

– Параноик, – Вискас угрюмо сопел в трубку. – Ты ж не забытый пенсионер, ты на виду, какого черта им так рисковать?

– А вот когда ты в морге увидишь мой труп…

– Съешь тазепама и дай мне поспать. Я ночью работал, блин.

И Витя Сомов бросил трубку.

Аспирин чувствовал себя ужасно и потому не стал садиться за руль – вызвал такси. До эфира оставалось двадцать минут; девочка, завернутая в полотенце, проснулась и подняла голову.

– Я ухожу, – сказал ей Аспирин. – Одевайся и марш на улицу. Одну в квартире я тебя не оставлю.

– А куда мне? – спросила она сонно.

– Куда хочешь. Гуляй на детской площадке. Детям полезен свежий воздух… Быстрее, у меня машина под домом!

– Можно мне с тобой? – спросила девочка из ванной.

– Нет. Я иду на работу.

– Ой, у меня брюки не высохли…

– Надевай как есть. Или иди без штанов.

– Можно, я останусь…

– Нет.

– А можно, я посижу у тебя на работе? Тихо-тихо…

– Я сказал, где ты будешь сидеть! – рявкнул Аспирин, нащупывая в кармане куртки ключи. – Во дворе на лавочке!

Девочка вышла из ванной. Темные пятна на футболке отстирались не совсем – если присмотреться, было видно, куда капала кровь из разбитого носа. Аспирин поморщился.

– Что стоишь?

Он вытолкал ее из квартиры и мысленно вздохнул с облегчением: какая-никакая, а подвижка. Девчонка за дверью, ее сомнительное свидетельство о рождении у Аспирина в сумке. Какие есть рычаги давления на него? Да никаких… Почти.

– Погоди! Я Мишутку забыла…

– Перетопчешься! – Аспирин уже вызывал лифт.

До эфира оставалось двенадцать минут. Машина ждала у подъезда.

– Сиди здесь, – он подтолкнул девчонку к лавочке.

– Можно мне все-таки с тобой?

– Нельзя!

Он захлопнул дверцу машины. Водитель ехал лихо, где надо, выезжал на встречную, где надо, разворачивался через двойную осевую – сам Аспирин никогда бы так не решился. На студии его встретили упреками; он захлопнул за собой звуконепроницаемую дверь, упал в кресло перед микрофоном, натянул наушники и с ходу забарабанил:

– Ну, с добрым утречком, мои любимые! С вами ди-джей Аспирин, а это значит, что скучные часы в офисе, за монитором, за рулем, за рабочим столом, на трудовом, короче, посту станут чуть менее серыми, чуть более цветными, потому что с вами «Лапа-Радио»! Лапа-Радио протягивает мягкую лапу, касается ваших ушей, и вот первая ласточка нового часа… глоток энергии в начале дня: Верка Сердючка уверяет вас: все будет хорошо…

Он отключил микрофон и выслушал поток брани от режиссерши. Велел принести себе кофе. Сказал, не удержавшись:

– Если бы ты знала, Юлька, что со мной было, ты бы не матюкалась…

На закономерный Юлькин вопрос, что было, Аспирин только вздохнул и покачал головой.

Шло время. Крутилась попса. Звонили ПТУшники и требовали еще попсы. Аспирин жевал бутерброды, пил кофе и думал, что попса накрыла всех, даже молодежь, и что вечером к «Куклабаке» будет прикольная команда, поймавшая модную хип-хоповую волну. Ребята сняли два клипа, но на телевидение им не

пробиться никогда, потому что попса накрыла всех… И мысль его пошла по кругу, как трамвай.

К концу четвертого часа он забыл о девчонке и о своих проблемах. Он вообще ни о чем не думал. Слова лились из него, как подслащенная вода.

– Ваш первый вопрос, Инночка?

– Это мужского рода или женского?

– Браво! Вы настоящий филолог! Это среднего рода, это «оно».

– Это на улице или дома?

– И там и там, бывает, попадается, случается и там, и там… Дальше?

– Это твердое или мягкое?

– Хм… Смотря как. Бывает твердое. Но не очень. Ножом его можно резать, поддается.

– Это одушевленное или нет?

– Ого, Инночка… Как же вы одушевленное будете резать ножом? Скажем так: это было когда-то одушевленным, а теперь нет… Дальше?

– Это стоит или лежит?

– Обычно лежит…

Пауза. Сопение.

– Инночка, время истекает, мы все ждем вашего ответа – или новых вопросов… Если вы угадаете – сегодня сможете пойти в кино, вас уже ждут два билета… Осталось немного… О, я слышу сигнал! Время истекло! Что я задумал? Что это?

– Может, скамейка? – предположила невидимая Инночка.

Даже режиссерша, ко всему привычная, закатила глаза.

– Гм, – сказал Аспирин. – Инна, я все-таки думаю, что вы заслужили эти билеты. Дорог не результат, дорого старание. Кроме того, вы знаете слово «одушевленное»… Я задумал сало, сало я задумал, вот так просто, так просто… Оставайтесь на линии, сейчас вам объяснят, где вы сможете забрать ваш выигрыш!

Включился прогноз погоды. Опять грозы и ливни. После прогноза пойдет блок рекламы на пять минут, и Аспирин сможет выкурить сигаретку под кофе…

Телефон в кармане рубашки задергался и заиграл тему из «Звездных войн».

– Аспирин, мать твою! Ты что, не выключил мобилу?

– Не ори, Юлька, мы не в эфире, – пробормотал он, выуживая трубку из кармана. Номер на табло был незнакомый. – Алло!

– Леша, – Аспирин не сразу узнал голос консьержа Васи. – Тут у вас… короче, такое у вас в квартире, надо, чтобы вы приехали…

– Что? – прошептал Аспирин, обмирая.

– Вроде воры…

Аспирин вспомнил, что опять забыл включить сигнализацию.

– Вызывайте ментов, если воры…

– Они так кричат…

– Воры?!

– Да… Я думал… вы там никого в квартире не оставляли?

Перед глазами у Аспирина мелькнуло жалобное лицо Алены – как она смотрит вслед отъезжающей машине…

– Девочка… – пробормотал он.

– Девочка ваша здесь, я ее к себе забрал… в будку… А там… так вызывать милицию?

– Вызывай! – рявкнул Аспирин. – Сразу надо было!

«Конец разговора», высветила трубка.

* * *

У подъезда стояла милицейская машина и «Скорая помощь». И толпа любопытных – как же без них.

– Алеша, это у вас?

– Что случилось?

Из дверей парадного как раз выносили носилки, накрытые простыней. В первую секунду Аспирину показалось – все, труп. Потом он разглядел желтоватое, залитое кровью лицо. «Труп» вполголоса ругался и стонал.

– Это ваша пятьдесят четвертая?

Дверь в квартиру оказалась приоткрытой, на пороге стояла Алена, и она вовсе не казалась испуганной. Наоборот, заулыбалась, увидев Аспирина:

– А тут такое было!

Коврик перед дверью был усыпан не то стружками, не то опилками. Высверлили замок?

Дверь приоткрылась. Выглянул круглощекий милиционер:

– Вы хозяин?

– Я хозяин, что случилось?

– Войдите…

Аспирин вошел – и чуть не грохнулся в обморок. Прихожая была заляпана кровью. Кровь на зеркале, на полу, на стенах, на мебели… Алена стояла тут же, ничуть не смущаясь.

– Убрали бы ребенка, – буркнул мент. – Все-таки…

– Иди на улицу, – сказал Аспирин резиновыми губами.

– Я там весь день проторчала, – огрызнулась Алена. – И чего я тут не видела? Ну, кровища…

Аспирин поймал взгляд мента.

– Современные дети, – пробормотал сипло. – Фильмы, игры… кровища…

– Документы, – потребовал мент нелюбезно.

Аспирин отыскал в куртке водительские права. Мент изучал их долго и подробно, скептически хмурился, будто не желая верить подлинности документа.

– Документы на ребенка есть?

Аспирин едва не взвыл. Переглянулся с Аленой (та улыбалась). Нашел в сумке свидетельство о рождении, запаянное в ламинат. Мент и его внимательно изучил.

– Документы на квартиру?

– Что здесь произошло? – сказал Аспирин чуть громче и чуть тоньше, чем хотел бы. – Что здесь, у меня в квартире… что случилось?

Из гостиной показался человек в светло-синем халате – он тащил еще одни носилки, на которых тоже кто-то лежал. Носилки с трудом развернулись, оттеснив Аспирина к заляпанной кровью стенке. Аспирин разглядел молодое, с признаками вырождения лицо лежащего – парень был без сознания, поперек щеки его тянулись три глубокие борозды, ухо болталось на лоскутке кожи.

– Мы поехали? – спросил второй человек в халате, ногой придерживая входную дверь.

– Давайте, – сказал мент.

Дверь закрылась.

* * *

– А может, они психически ненормальные? – с надеждой спросил Аспирин.

Старший опер брезгливо поморщился. Младший спросил:

– А орудие?

Аспирин в который раз оглядел комнату. Стеллаж с дисками опрокинут, как если бы за него цеплялись, пытаясь подняться. Диван в крови, ковер в бурых пятнах. Все остальное как прежде – книги, картины на стенах, сувенирный подсвечник из Венеции. Ничего не тронуто, не разбито, не сдвинуто с места.

– Вы тут не трогайте до экспертизы, – в который раз сказал младший мент.

– Что же мне, так и ночевать?

– А вы в спальне ночуйте. Там чисто.

– Спасибо, – вздохнул Аспирин.

«Куклабак» на сегодня накрылся. Аспирин перезвонил Фоме,

коллеге-сопернику, слезно просил подменить, как-то выкрутиться и что-то придумать. Расписал события сегодняшнего дня в таких красках, что даже Фома, кажется, поверил. Во всяком случае, подменить обещал.

– Подумайте сами, – опер вздохнул. – Мы приезжаем, квартира взломана, крови по колено и два истошных голоса орут из комнаты, что, мол, спасите… У вас дверь в комнату дубовая, хорошая, на двери защелка… Ну, открыли. Шок. Множественные раны, нанесенные острыми предметами – такое впечатление, что их шинковкой полосовали…

– Кто?

– Вот именно, кто?

– Я был в эфире, – быстро сказал Аспирин.

Опер удивленно на него покосился.

– А они что говорят? – спросил Аспирин, желая загладить неловкость.

Опер пожал плечами:

– Один никак в сознание не приходит… А другой говорит, что да, решили взять квартиру, открыли дверь, вошли, и тут на них напало чудовище. Так и говорит – чудовище. С клыками, с когтями. Мохнатое. На задних лапах – ростом с человека.

– Это же белая горячка.

– А орудие? – снова спросил молодой мент.

– Не волнуйся, – звонко сказала Алена, стоящая, по своему обыкновению, в дверях. – Я все вымою, уберу, будет как новенькое.

И крепче прижала к себе любимого медвежонка.

– Боевая девочка, – пробормотал старший опер. – Хорошо, что она была во дворе…

– У вас квартира на сигнализации? – спросил младший.

– Да. Только я забыл включить.

– А зря, – осуждающе заметил старший. – Из-за таких вот забывчивых… А где ваша собака?

– У меня никогда не было ни собак, ни кошек, ни хомячков, – отчеканил Аспирин.

– Не любите животных?

– Я занятой человек. Я чувствую ответственность за живое существо, не хочу запирать в пустой квартире, – Аспирин потер ладони. – Консьержу платим каждый месяц… И куда смотрел?

– Один мужик себе охрану поставил на машину, – пробормотал младший, будто вспоминая. – При несанкционированном запуске мотора из водительского сиденья выскакивал шип сантиметров десять… Ну и угораздило одного пацана, сломал замок, залез в тачку, заводит мотор…

– А вы поищите чудовище, – резко сказал Аспирин. – Клочья шерсти. Отпечатки лап. Может, соседи видели или консьерж, как оно тут бегало… У меня несчастье, мне взломали квартиру, нагадили… И я еще и виноват?!

– Никто вас не обвиняет, – пробормотал старший опер.

А младший отвел глаза.

* * *

– Я отказываюсь в это верить.

– Почему?

– Потому что если допустить хоть на минутку, что игрушечный медвежонок убивает собаку в подворотне и потом кромсает грабителей… Тогда надо верить во все, что угодно. В ведьм, экстрасенсов, Гарри Поттера, Деда Мороза…

– Никто тебя не заставляет верить в Деда Мороза, – сказала Алена. – Можно… я на кухне съем чего-нибудь? А то я с утра – только две конфеты «Тузик»… Меня дядя Вася угостил.

Аспирин отыскал в морозилке пакет пельменей, поставил на огонь кастрюлю с водой. Уселся за чисто вытертый стол – слишком чисто. Сам он такого блеска никогда не устраивал.

– Можно еще меда? – тихо попросила Алена.

– Для Мишутки? – ухмыльнулся Аспирин. – Чтобы ему сподручнее было людей потрошить?

– Не надо, – Алена отвела глаза. – Если бы они не закрылись в комнате, он бы точно распотрошил. У него инстинкт.

– Странно, что он на ментов не напал, – Аспирин забросил пельмени в кипящую воду. – Он у тебя сотрудникам милиции сопротивление не оказывает?

– Я рядом была, когда они вошли в квартиру, – сказала Алена. – И кричала – Мишутка, не бойся… Я понимаю, тебе смешно…

– Мне *смешно*?!

– Ты не веришь в обыкновенную вещь. А настоящее чудо, которое случилось на твоих глазах… не заметил. И не удивился. А… *он* не увел меня за собой. Он меня отпустил. Позволил остаться здесь. И он дал мне струны! Это чудо. Еще и потому чудо, что доброе.

На кухне сделалось тихо.

Был поздний вечер. Час назад закрылась дверь за ментами, проводившими следственные действия долго и дотошно. В конце концов Аспирин подписал протокол и получил разрешение затереть наконец кровь на полу собственной квартиры. Убирать

вызвалась Алена; она работала тряпкой молча и умело. Прихожая и гостиная понемногу теряли сходство с мясницкой. Ковер Аспирин скатал и вынес в коридор. Не знал, что делать с диваном, но Алена ухитрилась снять чехлы с диванных подушек и затолкать их в стиральную машину. Машина, получив задание на долгую стирку, катала и пережевывала красные тряпки, выполаскивала и снова принималась жевать. Все равно придется выбросить, думал Аспирин, слушая приглушенное хлюпанье пены.

– А я так устала, что даже радоваться как следует не могу, – пробормотала Алена.

Аспирин выудил пельмени из кипящего бульона. Нашел в холодильнике масло, уронил желтый ломтик поверх исходящих паром пельменных тушек:

– Ешь.

– Спасибо, – у нее дрожали ноздри, она в самом деле была очень голодна. – А ты?

– А меня тошнит, – сообщил он.

Алена не стала задавать вопросов. Склонилась над тарелкой, принялась сперва дуть изо всех сил, а потом есть. Полтора десятка пельменей исчезли, не успев как следует остынуть.

– Ты крови совсем не боишься? – вполголоса спросил Аспирин.

Девчонка помотала головой.

– Почему? – Аспирин уперся в стол локтями.

– Потому что я совсем не боюсь смерти, – спокойно отозвалась Алена. – А ты что подумал?

Аспирин молчал минуты три. Алена успела отрезать себе ломоть хлеба и начисто вылизать тарелку.

– А я что, боюсь? – спросил он наконец совсем тихо.

– Конечно, – Алена откинулась на спинку стула, блаженно перевела дыхание. – Ты боишься. Здесь все боятся. Почти все. Все знают, что умрут.

– А ты?

– А я не умру, – Алена улыбнулась. – Я знаю, что все живые. Все живое. И смерти нет. Нигде.

– Кто тебе такое сказал? Расскажи мне подробнее… Почему ты говоришь – «здесь»? Может, вы… там, со своими… товарищами… ждете конца света? И перехода в иной мир?

Алена больше не улыбалась. Взяла тарелку, отнесла к раковине, потом вернулась и смахнула со стола крошки.

– Там у тебя диски, – сказала, откручивая горячий кран. – Я, когда убирала, видела… Ты много слушаешь музыку?

– На вопросы старших надо отвечать, – сообщил Аспирин. –

Не увиливай. Кто этот твой… «не человек»? Сэнсей? Учитель? Наставник? И что у него за право – отпускать тебя или не отпускать? И на каком, черт возьми, языке вы говорили?

Алена вымыла тарелку. Сняла с полки баночку меда, поставила на стол:

– Я сейчас Мишутку принесу…

– Не смей! – рявкнул Аспирин.

Алена остановилась в дверях:

– Что?

– Он весь в кровище, – тоном ниже сказал Аспирин.

– Он чистый. На нем ни пятнышка. Ты же видел.

– Я не хочу его больше видеть, – сказал Аспирин. – Сделай так, чтобы он не попадался мне на глаза. Иначе я его выкину в мусоропровод.

Алена помолчала. Ни слова ни говоря, взяла мед со стола, ложку из посудного ящика, бросила укоризненный взгляд на Аспирина и удалилась из кухни.

Аспирин включил телевизор. Ведущий программы новостей молол какую-то чушь; Аспирин переключился на музыкальный канал, сделал звук погромче и почти сразу ощутил облегчение.

Он хорошо знал этих ребят. Команда была настолько непопсовая, что никак не могла нормально раскрутиться. Лидер их, Костя, брал вдохновение всюду, где плохо лежало: этнические напевы, сыгранные на глиняной свистульке в сопровождении жесткого металлического бэк-граунда, обретали в Костином исполнении почти симфоническую глубину. Энергия, изливавшаяся со сцены в зал, топила публику в волнах экстаза. В «Куклабаке» команду приняли хорошо, но только один раз. Говорят, хозяин, сам поколбасившись от души, наутро обронил что-то вроде: «Это для маргиналов»…

Вот и прайм-тайма им не видать. Первый час ночи: маргиналы бодрствуют…

Соседи стукнули в батарею. Аспирин сосчитал до десяти и убрал звук. Опустил голову на ладони, почти физически ощущая, как проблемы всей тяжестью наваливаются на основание черепа.

Прошло всего двое суток с тех пор, как он подобрал в подворотне Алену Алексеевну. Новоявленную Алену Алексеевну, как выразился потом ее босоногий наставник.

(Один из ментов спросил между прочим, где комната ребенка. Аспирин объяснил, что девочка приехала от матери всего на несколько дней, и мент тогда сознался: его удивило, что в доме нет ни детских книг, ни вещей, ни игрушек – ничего…)

Надо признать: Аспирин сам себе навредил. Первый раз – когда не оставил девочку стоять, где стояла. Второй раз – когда

отказался сразу же, безо всяких объяснений, выдать ее гостю в камуфляжных штанах…

Гостю, под чьим взглядом зеркала берутся инеем.

В гостиной вдруг грянул музыкальный центр. «Кармина Бурана»; соседи, озверев, затарабанили по батарее чем-то тяжелым.

– Выключи! – крикнул Аспирин. Ответа не последовало; кряхтя, он встал, вошел в гостиную (аудиосистема была его гордостью, даже на такой бешеной громкости почти не ощущалось искажения звука) и нажал на «Стоп».

Алена преспокойно сидела в кресле и «кормила» своего медведя медом из баночки.

Соседи продолжали тарабанить. Не исключено, что сейчас и в дверь позвонят.

А, вот оно. Телефон.

– Возьми трубку, – сказал Аспирин Алене.

Та как ни в чем ни бывало потянулась за трубкой:

– Алло? Нет, вы туда попали… Я его дочь. Что? Да, это я включила музыку. Нет, он дома. Нет, не спит. Ну ладно. Я скажу… Спокойной ночи.

И нажала «отбой».

– Ругаются, – пробормотала будто сама себе.

– Ты знаешь, который час?

– Но ты же телевизор включал?

Медвежонок лежал на ее коленях – маленький, пушистый, мягкий и трогательный.

Среда

Аспирина разбудила мусорная машина. Ревела, рычала, опрокидывая баки и как всегда промахиваясь. Скрежет металла и вой мотора стояли такие, будто во дворе шло танковое сражение. Аспирин посмотрел на часы – без четверти шесть.

Прошлое утро подарило ему счастливых десять секунд, когда он верил спросонья, что девочка ему приснилась. Сегодня наркоза не получилось – открывая глаза, он все помнил и все понимал.

Мусорная машина убралась, но из приоткрытой форточки еще долго тянуло вонючим выхлопом. Аспирин лежал, слушая шум ветра во дворе, отдаленный собачий лай, звуки просыпающегося дома; в соседней комнате тоже не спали. Он мог различить движение, дыхание, мягкие шаги по ламинату…

Он встал, стараясь не шуметь. Дверь в гостиную была прикрыта, но не закрыта полностью (менты вчера выломали

защелку). Аспирин заглянул в щель между дверью и косяком.

Алена – в трусах и футболке, с радионаушниками на голове – расхаживала по комнате, двигаясь в неслышном Аспирину ритме. То опускалась на пол, то тянулась к потолку, то начинала плясать – бесшумно; ее ноги взлетали выше головы, Аспирин подумал, что она, наверное, занималась гимнастикой. А потом Алена вдруг села на пятки, уткнулась лбом в пол и так замерла.

Аспирин подождал минуту, другую. Вошел в комнату. Покосился на медвежонка, сидящего в кресле среди разбросанных дисков. Выключил аудиосистему.

Алена не пошевелилась.

Диски валялись вперемешку – Григ и Вагнер, Прокофьев и Моцарт. То, что слушала Алена, оказалось шестой симфонией Чайковского.

– Эй, – сказал Аспирин.

Девчонка выпрямилась и стянула наушники.

– С добрым утречком, – сказал Аспирин.

– Ты рано встал, – сказала Алена.

Она выглядела плохо – бледная, осунувшаяся, исхудавшая. Когда Аспирин впервые увидел ее в подворотне, девочка казалась ухоженнее и здоровее.

– А ты снова жрать, наверное, хочешь?

Она мигнула, и он вдруг понял, что она сейчас заревет.

– Эй, – пробормотал он, жалея, что позвал ее и что вообще вылез из кровати. – Ты чего?

Несколько секунд она сдерживалась, а потом прижала руки к лицу, и пальцы сразу сделались мокрыми.

– Эй, эй, – он подошел, хотел похлопать ее по спине, но передумал. Отправился на кухню, сварил себе кофе. Из гостиной не доносилось ни звука.

Он выпил кофе, сосчитал до ста, потом еще раз сосчитал. Вымыл чашку. Вернулся в гостиную и застал девчонку все там же, в той же позе, неслышно и горько рыдающую.

Он сел рядом на пол.

– Чего ты ревешь? Тебе плохо? Мне тоже. Мне очень плохо – из-за тебя. Но я ведь не реву.

– Я х-хочу обратно, – прошептала девчонка, давясь слезами.

– Давай, – обрадовался Аспирин. – Я тебя отвезу. Куда?

Она завыла еще горче.

– Очень хорошо, что ты взялась за ум, – Аспирин решился наконец погладить ее по спине. – Ты боишься? Не бойся. Есть люди, которые по долгу службы выручают маленьких девочек из неприятностей. Понимаешь? Им платят деньги за то, чтобы они тебе помогали. Твоего сэнсея посадят в тюрьму, а ты спокойно

пойдешь к родителям… или к бабушке… ну кто-то ведь у тебя есть?

– Ты похож на шарманку, – сказала девочка, размазывая влагу по щекам. – Опять одно и то же… Ты видел *его*… Ты слышал, что он сказал… И опять говоришь то же самое… А тут везде смерть, желтые листья падают… мертвые… И мертвые люди. И ты говоришь, как мертвый.

Аспирин поднялся и пошел на кухню. Подумать только, отстраненно сказал он сам себе. Еще позавчера я боялся скандала, который эта мерзавка может устроить. А два дня назад я, кажется, даже хотел хорошо выглядеть в глазах дяди Васи…

Сегодня у него был эфир с двенадцати до шести. А вечером – тусовка в «Зеленой фее». И ведь люди вокруг живут по-прежнему, работают, гуляют, спят с женщинами…

Он чуть не сжег электрочайник, включив его без воды. Чертыхнулся. Выключил. Полез зачем-то на полку, рассыпал молотый кофе. Вытащил пару яиц из холодильника, одно уронил. Решил, что пора взять себя в руки.

– Алена! – позвал будничным голосом, будто ничего не произошло. – Иди завтракать!

Он не ждал, что она откликнется, и удивился, когда она остановилась на пороге кухни: лицо – красное и мокрое. Медвежонок мертвой хваткой прижат к груди. Глаза – отрешенные.

– Штаны надень, – строго сказал Аспирин. – Ты хоть понимаешь, что так выходить к завтраку – неприлично? И еще умойся и причешись!

Он спокойно, по-хозяйски поджарил две порции глазуньи, разрезал два помидора и луковицу, накрыл на стол. Алена вернулась – уже не такая красная, умытая, с медвежонком под мышкой.

– Итак, – сказал Аспирин, когда завтрак перешел в чаепитие, – я буду слушать, а ты расскажи мне все. Откуда ты пришла? Зачем? Почему тебе здесь, у нас, не нравится? Чем я могу тебе помочь? Ты все расскажешь, потому что я должен наконец тебя понять. Да?

Аспирин улыбнулся и включил диктофон, лежащий у него на коленях.

Девочка молчала.

– Ты говорила, у вас там нет смерти, – мягко поторопил ее Аспирин. – Правда?

– Там все другое, – сказала девочка, медленно помешивая свой чай. – Там никто не боится. Твоя музыка… она тебе нравится потому, что в ней есть отблеск… отражение… того мира, откуда я

пришла. Вы все чувствуете его – хотя и не понимаете. Поэтому вам нравится музыка, где есть вот этот… блик, отблеск.

– Такая музыка не всем нравится, – сказал удивленный Аспирин. – И… ты сказала, что откуда-то пришла. Откуда?

За окном угрожающе взвыл кот, столкнувшийся в палисаднике с конкурентом.

– Я не могу туда вернуться, – пробормотала девочка.

– Почему?

– Я сбежала.

– А *почему* ты сбежала, если там так хорошо, а здесь так плохо?

– Потому что мне надо найти одного человека, – Алена смотрела сквозь Аспирина, будто высчитывала даты по календарю у него за спиной. – Моего брата. Он упал.

– Откуда?

– Ты не поймешь, – сказала она с неожиданным раздражением. – Мой брат… потерялся. Его можно вывести. Мне дали струны, чтобы я его вывела. Теперь надо научиться играть. На скрипке. Тогда я смогу найти брата. И смогу его вывести.

– То место, откуда ты пришла, – сказал Аспирин, внезапно озаренный, – это, случайно, не Рай?

Девочка странно на него взглянула:

– Я этого не говорила.

– Но имела в виду? А твой брат – может, он падший ангел?

Алена смотрела в свою чашку.

– Очень хорошо, – сказал Аспирин, и в самом деле весьма довольный. – Расскажи про своего Мишутку. Что случилось, когда пришли те нехорошие люди? Грабители, я имею в виду?

Ему показалось, что Алена смотрит с укоризной.

– Мишутка на них напал… И они тебя не ограбили. А ты хоть бы спасибо сказал.

– Спасибо, Мишутка! – настроение у Аспирина улучшалось с каждой минутой. – А кто у тебя в Первомайске? Ты там когда-нибудь бывала?

Алена не поднимала глаз.

– Скажи, – подначивал Аспирин.

Алена молчала.

– Хорошо, последний вопрос… Тот человек, который к нам приходил босиком… Ты его знаешь?

– Он не человек.

– А кто?

– Он… ты не поймешь.

– Ты его боишься?

– Здесь – да. А там… я ничего не боюсь. Там вообще нет

страха. И голода нет, – добавила она тихо и потерла живот. – Знаешь, я вчера так хотела есть…

Аспирин поспешно выключил диктофон. На часах было пять минут девятого, до работы еще несколько часов, надо поскорее узнать, есть ли в психиатрических больницах детские отделения. По идее, должны быть.

– Замечательно, – он бодро поднялся из-за стола. – Помой пока посуду, мне надо кое-кому позвонить.

Он плотно закрыл дверь спальни, служившей также и кабинетом, и включил диктофон. Эта замечательная штучка размером с губную помаду никогда его не подводила – обширная электронная память, отличное качество записи, даже самый тихий шепот и бормотание удается потом расшифровать.

– Ты говорила, у вас там нет смерти, – сказал диктофон голосом Аспирина. – Правда?

Молчание. Аспирин, как ни вслушивался, не мог разобрать ни звука.

– Такая музыка не всем нравится, – послышался голос опять-таки Аспирина. – И… ты сказала, что откуда-то пришла. Откуда?

Он поднес диктофон к глазам. Остановил воспроизведение. Включил заново.

– Ты говорила, у вас там нет смерти. Правда?

Пауза. Тишина. Шум ветра за окном.

– Такая музыка не всем нравится. И… ты сказала, что откуда-то пришла. Откуда?

Пауза. Тишина. Кошачье мяуканье.

– Почему?

Пауза.

– А почему ты сбежала, если там так хорошо, а здесь так плохо?

Аспирин остановил воспроизведение. Еще оставалась, как спасательный круг, версия узконаправленной записи (такая функция у диктофона была, и Аспирин мог включить ее по ошибке). Но как тогда быть с шумами? С этим орущим котом?

Алена вытирала стол. Вернее, просто терла тряпкой – стол давно был чистый.

– Скажи, пожалуйста, – Аспирин вытянул руку с диктофоном, – раз, два, три…

– Раз, два, три, – послушно повторила девочка. Аспирин включил воспроизведение – и услышал сначала свой голос, потом голос Алены: «Раз, два, три»…

– Спасибо, – сказал он и ушел в спальню.

* * *

Вечером в «Зеленой фее» к нему подкатился редактор журнала «Мачо».

– Слушай, хорошо пошла твоя статейка… Нет, не про женский оргазм, не льсти себе. Про функции.

– А-а, – сказал Аспирин. Месяц назад он под влиянием чистого вдохновения написал для «Мачо» статью, называвшуюся просто и безыскусно: «Женщина: основные и сопутствующие функции».

– Теперь надо письма читателей, – сказал редактор. – Причем баб. Одно письмо чтобы с философией, чтобы там были Бодлер и Ницше, и чтобы баба была синий чулок и звала автора жопой с ушами. Другое от блондинки, чтобы она по ходу дела нахваливала свои основные функции. А третье от домохозяйки, из тех, что ты обозвал «пылесосиками», и чтобы она предлагала тебе сделать минет…

– Ты сам так все хорошо понимаешь, – сказал Аспирин. – Ну и написал бы сам.

Редактор глянул на него в немом изумлении.

– Тебе баблос, что ли, не нужен? – спросил он наконец.

Аспирин смотрел на него сквозь завесу густого, стекольчатого, безнадежного опьянения. Он пил водку третий час подряд, но забытья не было – только тяжесть и муть, как в плохом сне.

– Я думал, вообще-то, что ты напишешь, – сказал редактор. – По пять тысяч знаков каждое письмо, ну, от блондинки можно восемь…

– Напишу, – сказал Аспирин. – Уговорил.

Редактор отошел, все еще поглядывая на Аспирина вопросительно. Это был не первый за сегодня вопросительный взгляд; Аспирин явно выбивался из колеи, не выходил на танцпол, не развлекал девочек, не тусовался – сидел в углу и хлестал водку, уж лучше вообще было не приходить…

Он встал, собираясь уйти, когда в полутемный, увитый лианами зал вошла Дашка, его актуальная подруга, на двадцатисантиметровых острых каблуках.

Она пришла с другой тусовки и была уже очень веселая. От нее пахло сладким и запретным. Утащив Аспирина в курилку, она повисла у него на шее и без предисловий цапнула в губы. Минут десять они мусолили друг друга, все больше и больше заводясь и распаляясь, потом Дашка пробормотала, не переставая целоваться:

– Все козлы. Поехали к тебе.

Они вышли из клуба и поймали такси. Аспирину полегчало: впервые за долгие часы он знал, чего хочет. На заднем сиденье

машины было мягко, но тесно, золотой и острый Дашкин каблук поцарапал ухо водителю, тот обиделся, но Аспирин пообещал доплатить «за вредность».

Уже поднимаясь к лифту, он вдруг застыл с открытым ртом.

– Добрый вечер, Алешенька, – сказала консьержка тетя Света.

Аспирин дернул кадыком.

– Ты чего? – спросила Дашка.

Он втащил ее в лифт.

– У меня там дочка, – сказал, задыхаясь от нервного смеха.

– Чего?!

– У меня в хате дочка сидит, Алена из Первомайска… Ой, не могу…

– Обкурился? – предположила Дашка.

– Да нет, натуральная дочка… То есть, конечно, я ее в первый раз вижу…

– Не придуривайся, – Дашка нахмурилась. – А чего это у тебя ковер в коридоре?

Ковер так и стоял, свернутый в рулон, у двери, как в почетном карауле.

– Его кровищей вчера замарали, – Аспирин продолжал хохотать. – Тут такое было… Весь ковер в крови…

Дашка выпустила его руку. Заглянула в лицо:

– Аспирин… Крыша поехала?

Аспирин нажал на кнопку звонка – впервые, наверное, за все десять лет, что квартира принадлежала ему. Спустя минуту непрерывного трезвона изнутри послышался испуганный детский голос:

– Кто там?

– Открывай, дочура, папа пришел, маму привел, – Аспирин смеялся с повизгиваньем. – Давай, открывай…

Повернулся ключ в двери. Алена отступила вглубь прихожей – она была с ног до головы завернута в одеяло.

– А я думала, ты го-онишь, – протянула Дашка. Уголки ее губ опустились, она разглядывала Алену с любопытством и брезгливостью, как паука-птицееда. – Знаешь, Аспирин… Схожу-ка я в сортир для разнообразия.

И она прошествовала по коридору в туалет.

– Кто это? – тихо спросила Алена.

– Не твое дело, – сказал Аспирин. Смеяться он перестал, но горло саднило до сих пор. – Вот что, красавица… Бери одеяло, подушку, табуретку… бери и выметывайся в коридор.

– Куда?

– Пересидишь полчаса, ничего с тобой не случится, – Аспирин подхватил одной рукой табуретку, другой девочку,

поволок то и другое за дверь. – Вот тут сядь и сиди, я тебя потом заберу. К звонку не прикасайся – убью. Ясно?

Алена сжала губы. Молча кивнула.

– Вот и хорошо, – Аспирин снова хохотнул. – Куплю тебе мороженое.

И он закрыл дверь, щелкнув сначала верхним замком, а потом нижним.

Из ванной выглянула Дашка:

– Проблема решена?

– Какая проблема, – пробормотал Аспирин, выбираясь из штанов, – какая, к чертям, проблема…

Подхватил влажную податливую женщину и потащил в спальню, в ворох не убранных с утра простыней.

Четверг

Он проснулся как от пощечины.

На часах было семь. Дашка сопела, полуоткрыв рот.

Аспирин встал. Обошел квартиру. Закусив губу, посмотрел в дверной глазок…

Отпер входную дверь.

Алена спала на полу, свернувшись клубком в одеяле. Ее лицо было покрыто бороздками высохших слез.

* * *

– Может, примерим еще вот это платье? – голос Аспирина дрогнул от щедрости.

– Нет, спасибо. Мне не нужно.

Продавщицы, курсирующие вдоль стоек с детской одеждой, поглядывали на них с любопытством. Темноволосая дама лет сорока желала видеть мелодраму – рождение новой Золушки. Из провинциальной бедности в столичную роскошь, из безотцовщины в объятия папаши, и все ей будет по заслугам – квартира, жених и юридическое образование. Молодая крашеная блондинка предпочитала криминальные сюжеты: Аспирин в ее глазах был демоном-соблазнителем, покупающим душу ребенка за недорогие шмотки. К счастью, блондинку почти сразу вызвали к кассе, и покупатели избавились от ее назойливого внимания.

Пока Алена покупала колготки, носки, белье, Аспирин маялся неловкостью. Потом дело дошло до крупных покупок; у входа в отдел стояла кукла-манекен в бальном платье с корсетом и

кринолином. Аспирин посмотрел на цену и решил, что эта пробка для дырявой совести – как раз подходящего диаметра.

– Зачем мне? – удивилась Алена. – Куда я в нем?

– Увезешь в Первомайск, – сказал Аспирин, все естественнее входя в роль. – Покажешь маме… В школу, к конце концов, на новогодний бал…

Темноволосая продавщица слушала и млела. Алена приподняла уголок рта:

– Нет, спасибо. Мне нужнее теплая куртка. Потому что уже почти осень, и в футболке холодно…

Стараясь не смотреть на продавщицу, Аспирин прошел за девчонкой в глубину душного, пахнущего новой тканью отдела. Они купили Алене осеннюю куртку и спортивный костюм.

– А теперь давай выберем сумку, – сказал Аспирин.

– Зачем?

– Чтобы вещи сложить. Иначе как ты повезешь все это в Первомайск?

Алена ничего не сказала. Аспирин купил школьный ранец с Винни-Пухом и затолкал туда новоприобретенное барахлишко. Алена все так же молча надела ранец на спину.

– Кстати, – небрежно заметил Аспирин, когда они проходили мимо канцелярского отдела, – тебе для школы ничего не надо? До сентября осталось пара недель, а там – первый звонок, все такое… Тетрадки? Дневник? Пенал?

– Я не буду ходить в школу, – сказала Алена.

– То есть? – Аспирин изобразил крайнее удивление.

– Я буду ходить в музыкальную, – Алена смотрела мимо него. – Мне надо выучиться играть на скрипке. Больше мне ничего не надо.

– Так дело не пойдет, – сказал Аспирин и с удивлением услышал с своем голосе «отцовские», почти садистские нотки. – Дети должны ходить в школу. Каждый день. На полдевятого утра. Ты в своем Первомайске училась?

Алена молчала. Аспирин заметил, что кассирша канцелярского отдела внимательно прислушивается к разговору. Властным движением взяв Алену за руку, он повел ее к выходу из магазина.

У нее была мягкая безвольная ладошка. Аспирин понял, что впервые держит ее за руку – впервые с того вечера, как привел находку в дом. Трудно поверить, что прошло всего три дня.

– Уж если я тебе отец, – говорил он, протискиваясь сквозь негустую толпу, – то и отвечать за тебя должен. Правильно? Проверять уроки. Ходить на собрания. Наказывать, если что. Таков мой отцовский долг… Так что подумай: может, тебе лучше

вернуться в Первомайск прямо сегодня?

Алена молча забралась на заднее сиденье машины.

– А то ведь на вокзал недолго, – Аспирин завел мотор. – Возьму тебе билет… Дам денег на постель, на ужин… Как?

– Хорошо бы для начала пообедать, – пробормотала Алена.

Аспирин вздохнул, расплатился с парковщиком и вырулил со стоянки.

Пятница

Поздно ночью, когда сессия в «Куклабаке» потеряла накал и сменилась расслабленной тусней, к Аспирину подсел Вискас:

– Леха, ты живой?

Аспирин весь был – кладбище отработанного адреналина. Он исчерпал свой сегодняшний ресурс; разговор с Вискасом пришелся не ко времени. Аспирин открыл рот, чтобы сказать ему об этом, но не успел.

– Что там за маньяк у тебя в квартире? – негромко спросил Вискас. – Как это он двух конкретных мужиков порезал?

«А ты откуда зна…» – хотел спросил Аспирин, но не спросил. У Вискаса была сложная биография: до «Куклабака» он работал вышибалой в крутейшем казино, а перед тем еще где-то, а до этого, говорят, служил в органах, причем где, как и в каком чине, Аспирин не стремился узнать.

– Я был в эфире, – сказал он сонным скучным голосом. – Квартира на замке…

– На охрану не брал, – уточнил Вискас.

– Ну, забыл, – буркнул Аспирин. – У меня тут такое… родную маму забудешь…

И он очень конкретно, в мельчайших подробностях поведал Вискасу о том, что случилось во вторник. Приближалось утро, клуб понемногу пустел; Вискас курил, кивал и хмурился.

– Тех двоих в дурку перевели, – сказал после особо длинной затяжки. – Может, они под этим соусом откосят от статьи… Хотя вряд ли. У обоих уже по две ходки есть…

– Чудовище, – Аспирин ухмыльнулся. – С лапами и когтями. В шерсти. Конечно, по тем двоим дурка плачет…

– Плохо это, Лешка, – озабоченно сказал Вискас. – И ведь не понятно, зараза, откуда ветер дует… Сколько твоя хата стоит на сегодня, ты узнавал?

– Э-э, – Аспирин запнулся. – В каком смысле?

– Все равно не сходится, – Вискас раздавил сигарету в пепельнице, фильтр корчился, будто червяк. – Две комнаты,

шестьдесят метров, дом хороший, зато район – дрянь… Из-за такой малости серьезные люди даже не почешутся. Нет. Не похоже. Мистика какая-то.

– Мистика, – подтвердил Аспирин. – Витя, слушай. Если ты заберешь от меня эту девку и все, что к ней прилагается…

– Я вас вчера видел, – сказал Вискас, закуривая снова. – В Мак-Дональдсе.

Аспирин осекся.

– Ты какой-то, – Вискас поводил рукой, разгоняя дым, – то задушить ее хочешь… То нянчишься, в Мак-Дональдс водишь, чаем поишь…

– Так мне ее жалко, – пробормотал Аспирин. – Ясно ведь, что ребенка втравили. Заставили. А она… ничего себе. Развитая. Не по годам развитая, я бы так сказал. И музыку любит.

– Себя пожалей, – жестко сказал Вискас. – Сними копию с ее свидетельства и дай мне. Я по своим каналам попробую… узнать.

Глядя, как Витя Сомов идет через зал – как хозяин по рингу, как хищник по саванне, – Аспирин вдруг вспомнил его слова: «Я на тебя как-нибудь бомбил наведу. В воспитательных целях».

Понедельник

В понедельник с утра позвонила мама. Безо всякой причины. Наверное, и в самом деле существует такой девайс, как «материнское сердце», и он безотказно срабатывает, когда у чада проблемы.

– Все хорошо, – соврал Аспирин, глядя, как Алена в наушниках валяется на обновленном («Химчистка на дому») диване. – А у вас?

Его родители жили в Лондоне уже почти десять лет. Оба работали на Би-Би-Си. Одно время активно пристраивали Аспирина, но тот отказался: у него в ту пору была совершенно чумовая любовница, девица семнадцати лет, с семнадцатью кольцами в разных частях тела. Она питалась яйцами и сырой морковкой, зимой и летом ходила в монашьем платке, спать могла только на голом полу и только головой к востоку, а потому вместо часов носила на запястье маленький компас. Они с Аспирином втюрились друг в друга с первого взгляда и предавались любви как кошки: в парке на скамейке, на пляже в песке, на капоте чужой машины, короче, были счастливы на всю голову, и ни о каком переезде Аспирин не желал и слушать…

– Все хорошо, – повторил Аспирин, стараясь, чтобы голос звучал беспечно. – Ма… Я вот что подумал. Я тут затра…

замотался совсем, хорошо бы проветриться… Может, я к вам приеду?

– А что у тебя с визой? – спросила мать после паузы.

Аспирин не помнил, что у него с визой, но у него были хорошие знакомые в посольстве.

– Решим, – сказал он уверенно. – Вы приглашение вышлите на всякий случай, да?

– Так у тебя все нормально? – спросила мать в третий раз.

Алена лежала на спине, зажмурив глаза и покачивая головой вправо-влево. В музыкальном центре вертелся Вагнер: «Лоэнгрин», прелюдия к третьему акту.

Аспирин уселся на подлокотник кресла. Девчонка не открывала глаз и вообще, кажется, не замечала его присутствия. Лицо ее не было расслабленным: Алена проделывала, по-видимому, немалую внутреннюю работу.

Аспирин вспомнил, как она подобрала на пианино мелодию, от которой у него чуть крыша не поехала. И эти струны, которые она не решалась взять, и тогда гость в камуфляжных штанах уронил их на пол…

Уголок пакета со струнами торчал из кармана Алениной спортивной курточки. Аспирин подошел на цыпочках, двумя пальцами взялся за этот уголок…

Алена открыла глаза. Ее рука уже держала Аспирина за запястье: больно и цепко.

– Отпусти, – сказал он резко.

Она выпустила его руку. Накрыла ладонью сторуны, поглубже затолкала в карман. Сняла наушники:

– Зачем ты это делаешь?

– Что?

– Зачем ты полез?

– Хотел проверить, ты совсем отрубилась или еще что-то воспринимаешь, – Аспирин усмехнулся. – Валяешься, как зомби в нирване… Может, тебе Катю Лель поставить?

– Не надо мне Катю Лель, – Алена снова нахлобучила на голову наушники. – Будь добр, не мешай мне.

– Да?!

Аспирин выключил музыкальный центр. Встал перед диваном, уперев руки в бока:

– Не мешать, да? Еще чего? Посуда не мыта, в доме жрать нечего, хлеб заплесневел… А ну давай в магазин!

Не говоря ни слова, Алена поднялась и пошла в прихожую. Аспирин тащился следом:

– Три дня подряд задницей диван протираешь, юный Моцарт, блин… Понравилось, да? Удобно у папы на шее?

– Что купить? – бесстрастно поинтересовалась Алена, натягивая кроссовки.

– Ты хозяйка, тебе виднее! Мясо какое-то должно быть в доме, овощи… вот тебе деньги, сдачу принесешь.

Он запер за ней дверь и перевел дыхание. Вот, значит, как. И так можно. Посмотрим…

Он вышел на кухню и сразу же увидел Мишутку, восседающего на стуле. Пластмассовые глаза смотрели поверх Аспириновой головы.

Аспирин выругался. Плюшевый медведь, как и следовало ожидать, остался к ругани равнодушен. Аспирин протянул руку, желая взять игрушку и рассмотреть повнимательнее, но в последний момент засомневался. Он уже готов был смалодушничать, когда зазвонил телефон и избавил его от выбора.

Звонил Вискас, и был он в отличном расположении духа.

– Кальченко Любовь Витальевна в самом деле проживает в городе Первомайске, и она, между прочим, замужем. Так что твоя крошка смылась от отчима, скорее всего, или просто захотела легких каникул… Мой тебе совет: дай ей денег, посади на поезд и – вперед.

– А если она не захочет?

– То есть как не захочет? Ремнем по заднице, и не морочь мне больше голову!

Аспирин вяло поблагодарил Вискаса за помощь. Витя Сомов скорее поверил бы в плюшевого медведя-убийцу, чем в тот простой факт, что Аспирин никогда не спал в Крыму ни с какой Любой… Впрочем, теперь он и сам не был в этом уверен. Больше десяти лет прошло – он тогда был молодой, легкий на подъем, мог смотаться в Крым просто так, на выходные, жить в палатке, питаться рапанами и мидиями, и вокруг ходили табунами веселые девчонки с длинными загорелыми ногами…

Аспирин вздохнул, вдруг ощутив себя стариком. Юность далеко позади; теперь его в палатку калачом не заманишь, подавай номер-люкс со всеми удобствами. Может, и прав Вискас, может, и была Люба… Аспирин когда-то читал в каком-то журнале, что детей, родившихся в результате «курортных романов», в больницах называют «подснежниками» – они появляются на свет ранней весной.

Интересно, когда у Алены день рожденья?

Он полез в ящик стола и вытащил запаянное в ламинат свидетельство. Пятнадцатого марта. Вот оно что.

В квартире потемнело. Там, снаружи, снова шел проливной дождь. Аспирин сидел на диване и улыбался – ну его все на фиг,

хватит ребусов. Пусть будет Люба. Пусть будет Крым. Пусть у него будет внебрачная дочь, ладно, убедили. Этот босоногий – ее отчим-албанец. Почему албанец? А фиг его знает, не наше дело. Диктофон? Сломался или заглючил. Мишутка? Аспирин нервно засмеялся. Мишка очень любит мед, почему – кто поймет… Нет-нет, пусть Вискас будет прав: она его внебрачная дочь, у нее в семье проблемы, ей захотелось легких каникул. Так что же, новоявленный папаша? В «Мак-Дональдс» он ее сводил, завтра сводит еще в зоопарк. Если зайдет речь об алиментах – ничего страшного, он отстегнет ее мамаше – от официальной зарплаты, конечно… Ну, будет присылать подарки на праздники. Когда-нибудь купит путевку в санаторий. Люба замужем, значит, пристроена.

Все еще улыбаясь, он снова направился в кухню – хотелось кофе под сигаретку. Он потянулся к чайнику – и замер.

Мишутки на стуле не было.

Аспирин нагнулся, ожидая – очень надеясь – увидеть медвежонка под стулом на полу. Но и там ничего не было, кроме хлебных крошек.

Блин, сказал сам себе Аспирин. В квартиру никто не входил. Или?..

Он быстро прошелся по комнатам, заглянул в ванную, в туалет, на балкон. Проклиная все на свете, сунулся под кровать, открыл шкаф-купе в прихожей. Нигде не было следов чужого присутствия, но и медведя не было, вот в чем заковыка, а ведь Аспирин, сидя в гостиной, никак не мог пропустить возвращения Алены…

У которой, к тому же, нет ключа.

Дождь снаружи все лил и лил. В доме сделалось так темно, что пришлось включить свет.

Я же его видел, в сотый раз говорил себе Аспирин. Я еще хотел его взять… И тут позвонил Вискас…

Он обшарил кухню, заглядывая даже в навесные шкафы. Медвежонка не было. В спальне хлопнула форточка – Аспирин подпрыгнул.

– Кто здесь?

Ему померещились шаги в гостиной. Оказалось, порывом ветра протащило по полу полиэтиленовый пакет.

Он поднялся на цыпочки и сунул руку за пистолетом. И тут же с воплем ее отдернул – пальцы наткнулись на мягкое, ворсистое. Медвежонок лежал на шкафу, плюшевым тельцем перекрывая доступ к пистолету, да как, черт побери, он мог там оказаться?!

С превеликим трудом Аспирин взял себя в руки. Вытащил из

кладовки трубу от пылесоса, поддел медвежонка и сбросил на пол. Тот упал легко и беззвучно, как и положено мягкой игрушке. Не сводя с него глаз, Аспирин пошарил рукой на шкафу. Есть! По крайней мере, ствол был на месте. Аспирин на секунду увидел себя в зеркале – бледный небритый мужик целится из «Макарова» в плюшевую игрушку…

Он снова выругался. Не выпуская оружия, пошел на кухню и все-таки сварил себе кофе. Закурил. Дым не желал вытягиваться в форточку и сизым облаком кружился над столом.

Только вернись мне назад, думал Аспирин. Я с тебя за все спрошу. Или ты угомонишь своего медведя, – расстроенный Аспирин думал в этот момент о Мишутке, как взрослые обычно об игрушках не думают, – или убирайтесь оба… К черту, к дьяволу, в Первомайск…

Дождь стал реже. Алена не возвращалась.

С тех пор, как она переступила порог, прошло уже минут пятьдесят. Магазин и рынок рядом, очередей никаких нет, давно пора бы ей вернуться.

Пережидает дождь? Тогда все равно пора: вот, по жестяным козырькам уже не так молотит, в лужах расходятся редкие круги, вот-вот проглянет солнце…

Где она? Что она себе позволяет?

Еще через полчаса Аспирин накинул куртку и нервно посмотрел на медвежонка, по-прежнему валявшегося на полу в прихожей. Привидилось: возвращается он обратно, отпирает дверь своим ключом, а навстречу ему…

Тряхнул головой. Захотелось футбольнуть медведя так, чтобы улетел в комнату, под кровать. Неужели побоится?!

Аспирин набрал побольше воздуха – и ударил.

Медведь перевернулся в воздухе, влетел в приоткрытую дверь, ударился о спинку кровати да так и остался лежать мордой в пол.

* * *

Консьерж дядя Вася видел, как Алена выходила из дома – полтора часа назад.

Дождь прекратился, но снаружи все равно было холодно и сыро. Аспирин побродил по базару, зашел в магазин и никакой Алены, конечно же, не нашел.

А может, она взяла эти деньги и пошла в кино? Или в Луна-парк? Или в тот же Мак-Дональдс, где ей в четверг так понравилось?

Разумеется. Аспирин ведь ее обидел, не дал слушать, представьте себе, «Лоэнгрина». Отобрали у младенца конфетку… Теперь она дуется на него и просто шатается по городу.

Аспирин заглянул в подъезд соседней девятиэтажки. Дом был старый, с недоброй славой, кодовый замок на двери давно сломался, и чинить его было некому. Покосившиеся почтовые ящики бессильно разевали железные пасти, вокруг валялись цветным ворохом рекламные листки, было темно и пахло мочой. Аспирина передернуло. Прав Вискас: район у нас поганый…

Он вышел, постоял, вздохнул и двинулся домой. И, уже миновав девятиэтажку, зачем-то вернулся и проверил второй подъезд.

Алена сидела на корточках, привалившись спиной к стене и низко опустив голову.

– Ты чего?!

Она прыгнула, будто собираясь повиснуть у него на шее, но в последний момент постеснялась, отстранилась, взяла его за руку:

– Они… все забрали. Ты прости. Я ничего не успела купить.

И разревелась.

* * *

Она зашла в подъезд девятиэтажки, чтобы переждать дождь, и встретила там троих пацанов лет по четырнадцать. Пацаны сперва спросили закурить, потом потребовали денег, а потом, захмелев от ее страха и собственной безнаказанности, принялись «обыскивать» жертву. Был рабочий день, подъезд пустовал, пенсионеры сидели по квартирам, напуганные дождем. Пацаны отобрали все деньги, потом нащупали в кармане куртки струны; тогда Алена будто очнулась и принялась отбиваться не на жизнь, а на смерть. Этажом выше открылась дверь; пацаны сбежали, на

прощанье приказав сидеть и не рыпаться, иначе будет хуже…

– С самого начала надо было драться! – Аспирин ходил по кухне, пепел его сигареты валился на пол, на стол и на подоконник. – Орать надо было, эти щенки боятся крика!

– У меня сначала голос пропал. А потом они мне рот зажали, – Алена, кажется, подавила рвотный позыв. – Рукой.

– Увижу – убью, – пообещал Аспирин, сжимая кулаки. – Если ты узнаешь кого-то из них – если только увидишь и узнаешь… Сразу мне скажи. Ясно?

Алена кивнула.

На коленях у нее сидел Мишутка. Она судорожно гладила его по голове, по морде, по пластмассовым глазам. Аспирин вдруг подумал: а что, если бы мишка был там, в подъезде, с ней?

Представились почтовые ящики, заляпанные кровью под самый потолок. Аспирин зажмурился и помотал головой:

– Слушай, а я думал, что ты крутая. Я думал, ты ничего не боишься… кроме этого своего босого хмыря.

– Я боюсь, – тихо призналась Алена. – Я боюсь с каждым днем все сильнее. Мне… не верилось, что здесь так страшно, как он говорил. А он никогда не врет.

Аспирин утопил сигарету в недопитом стакане чая:

– Мой тебе совет: возвращайся к себе, пока не поздно. Если ты будешь пугаться каждого сопляка в темном углу, то тебе в самом деле нечего здесь делать. Сопляка надо бить кулаком по хрюкальцу, ногой – по яйцам, и орать изо всех сил, и бежать…

Аспирин осекся. Ему вдруг подумалось: а если бы у него *в самом деле* была дочка, посоветовал бы он ей то же самое? Или ходил бы, не отставая ни на шаг, в школу, из школы, и трясся бы, ни на минуту не выпуская из виду?

Как им живется, современным родителям?

Вторник

– Доброе утро, мои дорогие! И снова вторник, никуда не денешься, он всегда идет после понедельника и несет надежду на предстоящую среду… Но «Лапа-Радио» с вами! У нас длинные лапы, мы собрали на одной волне самую легкую, беззаботную, самую комфортную музыку, а значит, устраивайтесь поудобнее в ваших офисных креслах, забудьте о проблемах, раскройте уши и слушайте, слушайте и все, а если вам придет охота пообщаться – звоните или присылайте сообщения, с десяти до половины одиннадцатого у нас в эфире программа «Публичное признание», а значит, вы можете признаться буквально во всем: что вы в

детстве украли конфетку, что вы боитесь мышей… Наконец, вы можете признаться в любви своему благоверному, или неблаговерному, или соседу, или однокласснику, физкультурнику, биологичке, да кому угодно, главное – помните, что жизнь прекрасна и все вас любят, «Лапа-Радио» любит вас… Слушайте и набирайте телефонный номер, а вдруг вам повезет!

Аспирин замолчал, откинулся на спинку стула, вытер губы бумажным платком. Когда он болтал долго и эмоционально, изо рта летела слюна, и он ничего не мог с этим поделать. Отчасти поэтому провалилась его давняя попытка вести утреннюю программу на музыкальном телеканале… Впрочем, нет, не поэтому. Просто руководству не понравилась его прогрессивная манера освежать беседу матерным словцом. Причем руководство, будучи в раздражении, само употребляло выражения, которых даже Аспирин прежде не слыхивал.

За годы работы он выработал в мозгу несколько «звуковых дорожек» – на одной сейчас звучала среднестатистическая песенка, белая замазка, которой замазывают уши и навсегда залепляют способность к восприятию нестандарта. Другая, основная Аспиринова «дорожка» была залита стерильной тишиной, какая бывает только в звукоизолированном помещении. Хотя нет, ночью на даче тоже бывает. Но Аспирин так давно не просыпался ночью на даче…

Ему совсем не хотелось выходить – хотелось сидеть, ни о чем не думать, слушать тишину, вспоминать сегодняшний сон, придумывать ему все новые детали: как будто они с Аленой садятся в самолет, летящий за океан, в Америку или Канаду, и за секунду до закрытия люков Аспирин вдруг выбирается наружу и говорит стюардессе, что раздумал лететь.

Вряд ли такое возможно. Вылет задержут, станут проверять багаж, станут проверять самого Аспирина, и эффект внезапности пропадет. Он же не способен выбраться из взлетающего самолета через отверстие для шасси, как Сталлоне… Или в том фильме был Шварценеггер?

За стеклянным окошком студии режиссерша Юлька говорила с кем-то по телефону. Аспирин немного умел читать по губам. Вот и сейчас он увидел, как Юлька сказала: оставайтесь на линии. И кивнула Аспирину: есть, мол, звонок…

Можно посадить Алену в поезд, как советовал Вискас. Но ведь она не сядет по доброй воле. Игра «дочки-папочки», в которую поверил Витя Сомов, в которую сам Аспирин чуть-чуть не поверил… эта самая игра исполняется Аленой исключительно для посторонних. С Аспирином она предельно откровенна: пришла из другого мира, ищу брата, пока не найду – в покое не

оставлю. Точка.

Можно сбежать в Лондон. Это обернется финансовыми потерями, и, что хуже, подрывом репутации. Аспирин, конечно, душка, раскрученный и успешный, но и не таких любимцев забывали за месяц… И ведь как объяснить самому себе – *кто* заставил его срываться с места, бросать работу, менять привычный образ жизни?

– Аспирин, – сказал Юлькин голос в динамике, – ты не спишь? Через двадцать секунд включаемся.

– Ага, – сказал он рассеянно.

Снимать квартиру в Лондоне – слишком жирно для него, во всяком случае, пока не устроится на работу. Значит, придется какое-то время жить с родителями, которые никак не желают помнить, что ему тридцать четыре года, а не четырнадцать. Не иметь дома, куда можно по первому желанию привести бабу, – это, знаете, унизительно…

– Итак, мои дорогие, здесь у нас есть звоночек… Как вас зовут? Нина, Ниночка, комсомолка, спортсменка… Так в чем вы хотите признаться, Нина?

Может, все-таки поехать в Первомайск? Отыскать эту женщину, Любу Кальченко, и выяснить для себя: было или не было? И, кстати, узнать, кто таков Аленин отчим. Албанец? Или гагауз? Или из какого-нибудь всеми забытого нацменьшинства, но хранит родной язык и ходит по традиции босиком…

– Да, очень хорошо, Люба… То есть Нина… Родное ПТУ наверняка растрогано вашим признанием в любви… Кстати, вы никогда не были в Первомайске? Нет? Жаль, такой милый город… Ладно, теперь мы слушаем Шер и расслабляемся, думая о хорошем…

Ерунда ему лезет в голову. Не складываются между собой детальки. И Мишутка этот, погубивший, по словам Алены, собаку, и покалечивший незадачлывых бомбил… Трансформер. Медвежонок-икс. Хрен с ним, с медвежонком, а вот что за песенку играла Алена в тот самый первый день? Когда разбилась на клавиатуре фарфоровая кукла? Когда Аспирин чуть ли не обниматься к ней полез…

Расслабляемся и думаем о хорошем.

Конечно, можно срываться и ехать в Первомайск… но и козе понятно, что толку это не принесет. Здесь уже не вымогательством пахнет, не квартирной аферой. Прав Вискас, прав: плохо это. Плохи дела. Похоже на психическую атаку… классический бред: инопланетяне меня преследуют, ЦРУ меня облучает облучателями, модифицируют сознание, подсаживают в подкорку иррациональные глюки…

– Аспирин, ты сегодня какой-то прибацаный, – озабоченно сказал динамик. – Включайся!

Он отхлебнул кофе, вытер губы и поправил наушники:

– …Рабочий день набирает обороты, кто-то ходит, кто-то ездит, кто-то просто сидит в офисе и от нечего делать пишет френдам в «Живые журналы»… Жизнь идет своим чередом, везде, даже в сумасшедшем доме… Это шутка, если кто не понял. На «Лапа-радио» полчаса публичных признаний, вернее, уже осталось всего восемнадцать минут… и у нас есть звоночек…

* * *

Он сел в машину и позвонил Дашке. Прошла почти неделя с тех пор, как они виделись в последний раз – и расстались тогда по-дурацки, в коридоре спала на полу Алена, Аспирину было скверно, трещала голова, кажется, они с Дашкой слегка поругались…

– А, это ты, – сказала Дашка в трубке, и по ее голосу Аспирин понял: не выгорит. Сегодня ничего не будет. Дашка не в духе.

– Что ты делаешь сегодня вечером? – спросил он просто так, по инерции, заранее зная, что ему ответят.

– Иду в баню, – со смешком сообщила Дашка. – С девками. А что?

– Я скучаю, – сказал Аспирин.

– Не скучай, – Даша громко зевнула. – Знаешь что? Иди ты тоже. В баню.

И трубка забибикала гудками.

Аспирин долго сидел в машине, нахохлившись, положив локти на руль. С Дашкой их связывали почти полгода безоблачных необязательных отношений. Ясно, что рано или поздно этот романчик бы себя исчерпал – «все когда-нибудь кончается», как справедливо поется в популярной некогда песне. Но чтобы вот так…

Этой маленькой дряни, кем бы она ни была, потребовалась всего лишь неделя, чтобы вдребезги разбить личную жизнь Аспирина. И он сидит теперь, как оплеванный. Дашка его, видите ли, послала… Да кто она такая, это Дашка?!

Мрачный как туча, Аспирин завел мотор. Путь его лежал в ЖЭК – там, в бетонном подвале, похожем на застенки Лубянки, помещалась детская комната милиции.

* * *

– Это не по нашей части, – скащала женщина в форме. – Заниматься ребенком, который не совершил правонарушения, мы не вправе.

– То есть надо дождаться, пока малолетка кого-то зарежет? – мрачно осведомился Аспирин.

Инспекторша, прежде равнодушная, теперь взглянула на него с неприязнью:

– Мы делаем, что можем. Знаете, сколько у нас бомжат? А в вашем случае, насколько я понимаю, девочку не на улицу выбросили?

– Ну вы можете по крайней мере проверить, не в розыске ли эта девочка? Может, где-то родители с ума сходят, а она села на поезд и тю-тю…

Аспирин говорил и вспоминал чистенькие носочки в красную полоску – какими он увидел их, когда Алена впервые разувалась в прихожей. Отутюженая новая футболка. И ни копейки денег. Если она приехала, то не на поезде.

Инспекторша развернулась к древнему компьютеру. Аспирин ждал.

– Гримальская Алена Алексеевна не в розыке, – сказала инспекторша.

– Может, это вымышленное имя. Может, ее зовут по-другому.

Инспекторша вздохнула. Ей очень не нравился Аспирин.

– У нас в коридоре на щите фотографии пропавших, видели? Ищите среди них свою. Если нет – мы ничем не можем помочь.

– А если я напишу заявление, что она у меня… – Аспирин замялся, – ну, что она… украла у меня что-то, она малолетний правонарушитель. Что тогда?

Глаза инспекторши в этот момент напомнили Аспирину глаза Мишутки – такое же пластмассовое выражение.

Четверг

День был пасмурный, и уже в восемь часов пришлось включить фары.

– С вами «Лапа-Радио», – ворковала в динамиках Танька Полищук, с которой Аспирин однажды переспал. – Мы с вами, вы с нами, все мы вместе в этот летний вечер, а вечер – лучшее время для отдыха и мечты, давайте вместе помечтаем о том, что ждет нас в последние дни уходящего лета, ведь август – это вечер лета, а сентябрь – утро осени, утро сменяет вечер, и так будет всегда…

Аспирин свернул с шоссе на грунтовую дорогу. Стало темнее,

он включил дальний свет. Дорога от дождей раскисла, в ямах стояла вода. Кобура пистолета мешала и нервировала. Ну что поделаешь, не ковбой он, туго набитый кошелек или кредитная карточка придают современному мужчине куда больше уверенности, чем сомнительный ствол под мышкой. К сожалению, в деле, которое привело Аспирина вечером в темный лес, ни кошелек, ни кредитка не могли помочь.

– Дальше надо пешком, – сказал он Алене. – Не проедем, загрузнем. Видишь, какая дорога?

– Что же мы, машину бросим? – спросила Алена удивленно. – И вещи?

– Конечно, нет, – Аспирин импровизировал на ходу. – Нам надо дойти до сторожки. Там знакомый лесник, у него есть трактор. Он трактором подхватит машину и привезет к дачам. А мы тем временем уже будем пить чай и слушать музыку…

Про музыку он ввернул затем, чтобы Алена скорее послушалась. Другому ребенку, наверное, надо было посулить телевизор с каналом «Фокс Кидс».

– Темно, – сказала Алена. – И будет дождь.

– Ничего, идти недолго.

– Я возьму Мишутку. Открой багажник.

– Не надо, – сказал Аспирин, наверное, слишком поспешно. – Если пойдет дождь, он же весь вымокнет!

Как ни странно, аргумент подействовал. Алена не спросила, не вымокнут ли они с Аспирином, и как насчет плащей, и как насчет зонтов, – она просто пошла за ним по дороге, и машина с выключенными фарами очень скоро исчезла из виду.

Аспирин светил фонарем под ноги. Дорога в самом деле была плохая – приходилось идти по обочине, по мокрой траве, раздвигая перед собой ветки и радуя тем самым полчища комаров.

– Через джинсы не прокусит, – бормотал Аспирин. – Тебя как, комары любят? Какая у тебя группа крови?

– Не знаю.

– Плохо, надо знать…

– Долго еще?

Впереди была темень, и позади была темень, и, кроме шума веток и скрипа стволов, ничего не было слышно.

– Пришли, – сказал Аспирин и обернулся. Алена стояла, зябко съежившись, сунув руки глубоко в карманы куртки. Светоотражательные полоски, нашитые на рукава, вспыхнули белым, когда Аспирин направил на Алену луч фонарика. «Как тогда, в подворотне…»

– Вот что, подруга, – сказал он, стараясь, чтобы голос не

дрожал. – Сейчас ты скажешь мне правду. Кто ты, откуда взялась и что тебе от меня надо. А если не скажешь – я тебя привяжу к дереву и так оставлю. Место здесь глухое…

Алена молчала. Аспирин посветил ей фонариком прямо в глаза. Она зажмурилась и прикрыла лицо ладонью; тех парней в подъезде она боялась больше, подумал Аспирин и разозлился.

– У меня пистолет, – он сунул руку за пазуху. – Сейчас начался охотничий сезон, так что если с дороги услышат выстрелы – ничего такого не подумают. А я забросаю тебя листьями и так оставлю. А всем, кто спросит, скажу, что ты уехала домой, в Первомайск. И они поверят.

Алена молчала. Ее презрительное спокойствие кого угодно могло свести с ума.

– Тебя никто не будет искать! – выкрикнул Аспирин. – Или будут? Кто?

Девчонка смотрела на него сквозь растопыренные пальцы. Он не мог однозначно истолковать выражение ее глаз, но точно понимал одно: это не страх. Она его не боится. Она не ставит его ни во грош. Считает болтуном… трусом… как она тогда сказала – «трус и предатель»?!

Он взял ее за воротник. Подтянул к себе:

– Ты не из Первомайска. Ну, говори!

– Отпусти меня.

Он тряхнул ее так, что куртка затрещала. Надо было ни в коем случае не думать о тех парнях, что издевались над Аленой в подъезде; наоборот – следовало вспомнить сейчас все самое гадкое, что было с ней связано. Ее угрозы… «заставлял раздеваться догола»… Поддельная фотография, сбившая с толку Вискаса…

– Ты будешь говорить или нет?!

Молчание. В одно безумное мгновение Аспирину подумалось: а если в самом деле оставить ее здесь, под листьями, навсегда?!

– Я тебя заставлю говорить, – прорычал он, поднося фонарь к самому ее лицу. – Кто ты такая?

– Я тебе говорила.

– Ты врала!

– Нет.

– Ты врала! – он тряхнул ее изо всех сил. – Не прикидывайся блаженненькой – ты прекрасно соображаешь! Кто тебя подослал?

– Никто! Ты сам меня привел к себе домой! Сам!

Она была права. Аспирину хотелось изо всех сил вмазать фонарем по этой наглой роже.

– И ты меня не захотел отдавать – сам!

Аспирин ошибся – она вовсе не была спокойной. Она тоже

кричала, ей тоже хотелось сейчас его убить.

– Я тебя пожалел, дрянь! – он припечатал ее к стволу ближайшей сосны. – А теперь себя жалею! Да будь она проклята, моя доброта. Что мне, всю жизнь расплачиваться?!

– Отпусти, больно, идиот!

Левой рукой он взялся за тощее горло, правой поднес поближе фонарь.

– Значит, так, – сказал почти шепотом. – Говори, как от тебя избавиться. Что сделать, чтобы ты убралась? Что сделать, чтобы ты отцепилась от меня, малявка?

– Ты трус и предатель, – ответила она тоже шепотом, уже не щурясь от света, глядя ему прямо в глаза. – Трус и предатель. Ты врешь, что пожалел меня. И ты никогда не был добрым. Ты…

Она замолчала. Аспирин увидел, как расширяются ее зрачки. И секундой спустя услышал треск веток, все ближе и громче. Земля ритмично содрогалась…

Он отпустил девчонку и выхватил пистолет. Руки тряслись; прыгающий фонарь осветил стволы по обе стороны дороги, низко нависшие ветки и темную размытую тень, несущуюся на Аспирина со скоростью экспресса.

Он закричал и выстрелил. Еще раз. Еще.

* * *

Он открыл глаза в полной темноте.

Кажется, у него не было правого уха.

Он поднял руку, с трудом дотянулся до головы. Ухо все-таки было, но слишком большое, покрытое густой и липкой жижей.

Пистолет!

Он завозился, зашлепал руками по земле, пытаясь подняться – и сам себе напоминая перевернувшегося на спинку жука.

Белый круг ослепил. Аспирин зажмурился, но круг не пропал, только сделался темно-красным, как остывающая звезда.

– Вставай, – сказал тонкий дрожащий голос. – Вставай… А ну вставай!

Пистолета не было. Аспирин напрасно шарил руками по мокрой траве.

– Вставай, а то застрелю! Сейчас охотничий сезон… И никто ничего не подумает!

В голосе девчонки была такая ненависть, что Аспирин содрогнулся.

Он поднялся на четвереньки. Кружилась голова, и он по-прежнему ничего не видел. Перед глазами плыли красные пятна.

Девчонка, кажется, стояла рядом, светила в глаза фонарем.

– Ты стрелял в Мишутку.

Аспирин, кряхтя, привалился к стволу сосны. Ухо горело, мозжило плечо. И оставалось непонятным, сможет ли он встать.

– Поднимайся!

Он вспомнил тень, несущуюся в просвете между стволами. И понял – все, пропали отговорки. Не задурить себе голову Первомайском, легкими каникулами, странными совпадениями и совпавшими странностями, не залить коньяком ту трещину, которая разверзлась сейчас между Аспирином и всем нормальным миром. Миром, где царствует здравый смысл.

– Вставай, – сказала Алена. – Идем к машине.

Он все-таки выпрямился и встал, держась за дерево.

– Если только дернешься, Мишутка тебя убьет.

Он повернулся и пошел по дороге – вслед за своей черной хромоногой тенью. Алена шла сзади и светила ему в спину. Тень Аспирина тянулась головой вперед, загромождала собой обе заросшие колеи, по сторонам высвечивались густо сплетенные ветки.

Иногда он поворачивал голову – ему казалось, что в чаще хрустнул сучок. Он боялся увидеть, как светло-коричневая тень скользит параллельно дороге. И он не видел – в лесу было пусто и тихо, еле слышно шелестел по листьям мелкий дождь. Иногда его капли вспыхивали под лучом фонарика, как метеориты.

Машина стояла там, где ее оставили. Аспирин увидел сперва капот и левое крыло. Боковое стекло растрескалось. Аспирин подошел ближе – и чуть не упал заново.

Багажник был вскрыт изнутри, как консервная банка. Топорщились смятые, кое-где надорванные края.

Аспирин стоял долго, минуты три, и смотрел. Дождь становился сильнее.

– Отпусти меня, – сказал наконец Аспирин.

– Ты стрелял в Мишутку, и я никогда тебе этого не прощу.

Он повернул голову и увидел, что плюшевый медвежонок лежит у нее на руках, и что кое-где из него торчит вата.

– Я ничего тебе не сделал, – сказал Аспирин. – Я… только однажды тебя пожалел. Случайно.

– Случайно, – повторила Алена чужим отстраненным голосом. – Ничего не изменить. Теперь ты будешь делать то, что скажу я, или умрешь.

* * *

В половине первого ночи они въехали во двор. Аспирин бросил машину под окнами, чего не позволял себе никогда, ни за какие коврижки. Впрочем, машина с раскуроченным багажником уже не представляла прежней ценности.

Консьержка тетя Света ахнула и отшатнулась.

– Авария? Леша, авария, да?!

– Да, – сказал Аспирин, прикрывая ладонью лицо.

– Занесло и врезались в столб, – ясным голосом сообщила Алена.

В квартире она первым делом выложила на кухонный стол пистолет.

– Спрячь, – сказала с брезгливостью.

Аспирин заперся в ванной. Долго разглядывал себя. На левой щеке кровоточили зарубки-царапины, всего четыре штуки. Еще одна царапина на шее – длинная, но неглубокая. Ухо раздулось. Вокруг глаза наливался синяк. На плече кровоточила ссадина. Все это было сущими пустяками, если вспомнить участь несчастных бомбил…

– Не плачь. Я знаю, тебе больно. Но я с тобой. Все будет хорошо…

Он приоткрыл дверь ванной.

Алена сидела на кухне, на коленях у нее лежал медведь, в руке была иголка с ниткой. Алена шила сосредоточенно, как хирург, ласково приговаривала:

– Потерпи. Ничего не будет заметно. Я хорошо зашью. И следа не останется.

Аспирина передернуло. Он снова заперся и сел на край ванны.

Все равно, кто она такая, ведьма или пришелица из космоса. Все равно, кто *оно*такое – оборотень или киборг-трансформер. Аспирину теперь надо бежать, бежать во все лопатки, но только неясно, далеко ли он сможет уйти…

Минут через пятнадцать в дверь постучали.

– Чего? – спросил Аспирин.

– Мне надо помыться, – сказала Алена. – Пусти меня, пожалуйста.

– А если не пущу? Он выломает дверь?

– Если не пустишь, я умоюсь на кухне, – сказала Алена после паузы. – Мне не так много от тебя надо. Не трясись.

– Я трясусь?!

Он открыл дверь. Алена стояла перед ним – мокрая, перепачканная землей, жалкая, с неумолимым блеском в голубых глазах. Мишутка покоился у нее на руках, смотрел пластмассовыми зенками.

– Мойся, – сказал Аспирин сквозь зубы. – Чтобы тебя смыло.

Алена не ответила.

Аспирин нашел в баре бутылку армянского коньяка, страшно дорогого, припасенного на праздник. Распечатал и отхлебнул. Показалось мало; он лег, пачкая простыни кровью, которая все сочилась, не переставая. Отхлебнул еще.

Подумалось: а может, сожрать пачку снотворного, заглотать коньяком и – бултых в постельку?

– Чтоб тебя смыло в канализацию к чертям собачьим, – сказал он, слушая шум воды в ванной. – Дождешься, я спалю хату вместе с твоим… Хата застрахована… а он – нет!

Он засмеялся, довольный такой удачной мыслью. Представил, как обливает дом изнутри бензином и бросает спичку, и уходит, заперев снаружи бронированную дверь…

…И как эта дверь сносится с петель – изнутри. Нет, так не пойдет, надо сразу – мощным взрывом…

Вспомнилась мертвая собака в подворотне. Вот именно так – разорвать пополам…

Он поднялся, полез в письменный стол, отыскал свой иностранный паспорт. Визу надо делать заново.

При большом скоплении людей эта тварь не решится на него напасть. А если решится – будут свидетели. Тогда Асперина не упекут в сумасшедший дом, если он расскажет всю правду…

Всю правду?

Морщась, преодолевая боль, он сел к столу и включил ноутбук.

Пятница

Он не знал, спала Алена в эту ночь или нет. В половине четвертого утра, когда он решил выпить кофе, кухня оказалась пустой – и это было как нельзя кстати, потому что находиться в одном помещении с двумя крайне неприятными тварями Аспирин не желал.

Он наполнил термос и унес к себе в спальню-кабинет – чтобы прихлебывать без отрыва от производства. Он наливал в чашку кофе и разбавлял коньяком, отпивал – и разбавлял снова, отпивал еще – доливал коньяком, и так до тех пор, пока в чашке почти не оставалось кофе. Тогда Аспирин начинал доливать из термоса, отхлебывать и доливать, пока процентное содержание коньяка не уменьшалось катастрофически и Аспирин не начинал мерзнуть. Его колотила дрожь – от кофе, или от стресса, а может, от вдохновения. К шести часам текст был готов – огромная, почти на

авторский лист, исповедь некоего Алексея Г., преследуемого инфернальной девочкой и медведем-убийцей. Доведенный до отчаяния человек догадывался, что ему никто не поверит, и потому не сообщел в редакцию своего настоящего имени – боялся, что соседи узнают и назовут сумасшедшим…

Аспирин перечитал статью, выправил несколько слов и остался очень доволен собой – профессионализм, мать его, не пропьешь. Выхлебал остатки кофе из термоса; его мутило. Лег на постель, укрылся с головой и на минутку закрыл глаза. Когда он поднял голову, на часах было одиннадцать утра.

На кухне позвякивали посудой.

Аспирин помнил все и ни на секунду не позволил себе надежды на «А вдруг приснилось?». Ухо болело даже сильнее, чем вчера. Голова казалась много тяжелее туловища и норовила перевесить. Аспирин потянулся за телефоном и позвонил в редакцию «Запретной правды».

Авторитет, какой-никакой, у «Доктора Аспирина» был – его сразу соединили с шефом.

– Приноси, – сказал шеф.

– Через час, – сказал Аспирин. – Раньше не выйдет.

Распрощавшись с редактором, он с третьей попытки встал. Посмотрел в зеркало. Вздохнул.

Есть не хотелось. Только пить. Воды, а не кофе. И еще хотелось курить, но пачка была пуста, и тошнотворно воняла пепельница.

Он поставил «письмо» распечатываться и вышел из комнаты, как космонавт на чужую планету. Алена была на кухне – он слышал шаги, тихий шелест газеты, звяканье вилки о тарелку. Со щелчком выключился электрический чайник.

Пахло яичницей.

Аспирин заглянул в гостиную. На диване лежал аккуратно сложенный плед, вокруг на полу стопками помещались диски – как столбики монет на конторке менялы. Аудиоцентр работал – значит, Алена в наушниках…

Мишутки нигде не было видно. Таскает с собой, понял Аспирин. Теперь она не будет такой дурой, не оставит своего телохранителя, не выпустит из рук.

Ну и пусть.

Он побрился, морщась от боли. Оделся, сунул в карман дискету и в кейс – распечатку. Привычно нащупал ключи от машины, и тут же чуть не захныкал в голос, вспомнив, на что похожа теперь его «Шкода»…

Интересно, страховку выплатят? У любого механика, когда он присмотрится, лысина дыбом встанет: что за странный характер

повреждения?

– Ты куда? – спросила Алена.

Вопрос застал его, когда Аспирин уже переступал порог.

– На работу, – сообщил он мрачно. – В редакцию. Думаешь, тот хлеб, что ты жрешь, прямо с неба падает?

Она ничего не сказала, и он захлопнул дверь.

* * *

– Годится, – сказал редактор. – Даже очень. Ты фантастические романы не пробовал писать?

– Пробовал, – сказал Аспирин. – В детстве. Про космонавтов.

– Про космонавтов теперь не проканает, – сказал редактор.

– Смотря про каких, – резонно возразил Аспирин.

– А что это у тебя с мордой? – осклабился редактор. – Бабы за «Мачо» побили? Прямо когти видны…

– В столб врезался, – сказал Аспирин. – Когда вчера ночью грибы собирал.

Редактор расхохотался.

Через пятнадцать минут Аспирин вышел на улицу, приятно отягощенный пачечкой денег. На носу у него сидели темные очки, опухший глаз почти не раскрывался и ухо саднило, тем не менее Аспирин чувствовал себя куда лучше. Его история разойдется миллионным тиражом. Пусть читают, удивляются либо смеются – пусть; в следующий раз призадумаются, увидев на улице босого человека в камуфляжных штанах и с кожаным футляром на шее. Современный мир – сумасшедший, здесь правда оказывается бредом, бред способен обернуться правдой, и все это – хотя бы на интуитивном уровне – чувствуют…

Правда – это то, во что верят. На этом тезисе стоят столпы замечательных книг, но ему, Аспирину, плевать на высокое искусство. Он журналист, а значит, часть всемирной машины, созидающей правду из пустоты.

Вокруг его машины во дворе стояли мальчишки.

– Дядь-Леша, – спросил тринадцатилетний сосед с седьмого этажа, – а чем это вы, а?

– Это я плюшевого медвежонка посадил в багажник, – сказал Аспирин. – А он разозлился и вылез.

Мальчишки захихикали, переглядываясь.

– Как приятно говорить правду, – пробормотал Аспирин и прошел мимо них в подъезд.

* * *

В квартире не оказалось ни Алены, ни ее медведя. На диване валялись наушники и диски. Посуда на кухне была вымыта, стол вытерт до блеска.

Может, она ушла навсегда, спросил себя Аспирин. И сам себе ответил с кривой ухмылочкой: как же. Специальное выражение есть для таких случаев: «Агащазблин»…

Он подумал, что девчонка излишне уверена в себе. Что изнутри можно задвинуть засов. Пусть тогда жалуется консьержу, пусть поднимает на ноги соседей – он хозяин в своем доме. Имеет право посылать гостей подальше.

С другой стороны, не сидеть же вечно под замком? Когда-то придется выйти…

Он не хотел есть, но жажда мучила с самого утра. Он вылакал бутылку минералки и как раз заваривал чай, когда открылась входная дверь.

Откуда у нее второй ключ? Неважно. Совершенно неважно…

Алена вошла. Несмотря на солнечную и почти жаркую погоду, на ней была куртка, застегнутая под самое горло, и надвинутый на ухо берет.

– Была в музыкальной школе, – сказала, едва увидев Апирина. – Принесла тебе бланк заявления. Конкурс проходить не надо – в класс скрипки всех берут, потому что недобор… Это платно. Но не дорого. Ты не разоришься.

Она закашлялась, прикрывая рот рукой. Аспирин заметил, какая она бледная – даже бледнее, чем была перед лицом своего «гуру» в камуфляжных штанах.

Раздеваясь, она посадила медвежонка на низенькую скамейку у входа.

– И еще – надо купить скрипку. Мне по росту надо «половинку». Я там договорилась с одной мамашей. Ее дочка переходит на трехчетвертную. Скрипка плохая. Просто деревянный ящик с грифом. Но для учебы пойдет. Ты меня слышишь?

– Слышу, – после паузы отозвался Аспирин. – Еще чего тебе надо?

– Ничего. Вот, бланк заявления заполни…

Аспирин двумя пальцами взял листок, который она положила посреди кухонного стола. «Я… прошу зачислить моего ребенка…»

Его передернуло.

– Сама заполни, – сказал глухо. – Я подпишусь.

Она не стала спорить.

* * *

В клуб он приполз полураздавленной мухой и всерьез задумывался о судьбе вечера; лицо его закрыто было темными очками и облеплено, как штукатуркой, толстым слоем грима. Плечо болело и пульсировала шея – но хлынул адреналин, пришел кураж, и мир почти вернулся к норме.

– Мужик, ты был в ударе, – уважительно сказал Вискас. И вполголоса добавил: – Есть проблемы? Помощь не нужна?

Аспирин поправил очки:

– Витя, знаешь…

Вискас ждал.

Аспирин перевел дыхание:

– Витя… Вызови мне такси.

Вискас был человек железной выдержки, поэтому ничего не сказал в ответ. Через пять минут Аспирин с облегчением опустился на кожаное сиденье, еще через полчаса входил в квартиру – настороженно, как разведчик на чужую территорию.

Свет горел только в прихожей и в кухне. Аспирин стянул обувь; в гостиной включилась настольная лампа.

– У тебя нету чего-то… чтобы сбить температуру? – спросила Алена странным, дребезжащим голосом.

– На кухне в аптечке, – отозвался он, вешая куртку в шкаф.

– Я смотрела. Там только зеленка и кондомы.

«Ну так возьми себе кондом», – хотел сказать Аспирин, но сдержался.

Он закрыл за собой дверь спальни и сразу же, не раздеваясь, повалился на кровать. Боль и усталость вернулись, помноженные на обычный «отходняк» после сета. Надо было принять душ, надо было переодеться – но Аспирин лежал и смотрел в темный потолок. Больше всего на свете ему хотелось сейчас просто исчезнуть из этого мира. Закрыть глаза – и адью.

В соседней комнате закашлялась Алена. Аспирин сквозь стены, сквозь закрытые двери услышал, как внутри у нее что-то клокочет и будто бы рвется. Он поднял голову: может, она нарочно это делает – чтобы привлечь внимание?

Кашель. Пауза. Новый приступ кашля. Жуткого кашля, надо сказать. Может, у нее туберкулез?!

Шипя от боли, он встал. Заглянул в гостиную. Горела настольная лампа; Алена полусидела на диване, скрючившись, завернувшись в тонкий плед, кашляла и тряслась.

– Только не ври, что тяжело заболела. Ты вообще не должна болеть, гостья из будущего, блин.

Она ничего не ответила. Даже не посмотрела в его сторону. Лицо у нее было желтовато-бледное, со слишком яркими пятнами румянца. Нос заострился. А если она помрет, подумал Аспирин,

что мне, радоваться?

Взгляд его упал на Мишутку, сидевшего тут же, у Алены под рукой. Плюшевый медведь казался совершенно равнодушным.

Аспирин вернулся к себе. Улегся, глядя в потолок. Алена за стенкой кашляла – глухо, в подушку. А может, в Мишутку.

Тикали часы. Во дворе залаяла собака, включилась и выключилась чья-то сигнализация. Аспирин вспомнил о своей изуродованной машине – сегодня он отвел ее в гараж, но сил на общение с механиками уже не хватило…

Алена кашляла.

Чертыхаясь, он встал, прошел на кухню и выпотрошил аптечку. Несмотря на ворох вредных привычек, Аспирин был на редкость здоровым человеком – в аптечке, кроме упомянутых Аленой кондомов, лежала упаковка «Антиполицая», пачка пластырей и непочатая коробочка снотворного.

Снотворное Аспирин на всякий случай спрятал. Сам не зная почему. Интуитивно.

Начинался третий час ночи. Аспирин понятия не имел, где находится ночная аптека. Вспомнил: сегодня дежурит консьержка тетя Света, она живет в соседнем парадном, у нее наверняка есть лекарства.

Дом спал. Шум лифта показался очень громким, Аспирин даже вздрогнул. А если он застрянет сейчас – что, так и сидеть в западне до утра?!

Он спустился по лестнице.

Тети Светы не оказалось на месте. На закрытом окошке будки красовалась записочка: «Сейчас буду». Аспирин огляделся. Хороший заголовок: «Доктор Аспирин в поисках жаропонижающего». Хотя нет, длинное слово не укладывается в ритм. Надо бы так: «Доктор Аспирин в поисках слабительного»…

Хлопнула входная дверь. Вернее, еле стукнула, но в тишине ночного дома каждый звук казался событием. Аспирин обернулся; вошла женщина с зонтом под мышкой, соседка. Они здоровались уже лет пять, но он не знал ее имени и даже не помнил толком – с третьего она этажа или с четвертого?

При виде Аспирина женщина на секунду напряглась. Потом успокоилась – узнала.

– Добрый вечер.

– Добрая ночь, – пробормотал Аспирин и увидел себя ее глазами – помятый, избитый, не вполне вменяемый субъект. – Вы не знаете, где ночная аптека?

– На углу у метро, – сказала женщина. – Но там сегодня закрыто… – и после паузы добавила: – А что?

– Мне нужно жаропонижающее. Что-нибудь такое. Сбить

температуру.

– Вы больны?

– Не я.

– «Фервекс» вас устроит?

– Да. Конечно. Его можно давать детям?

В глазах женщины что-то изменилось.

– Сколько лет?

– Примерно одиннадцать, – сказал Аспирин и тут же пожалел. – Ну, то есть одиннадцать, я имел в виду.

– Можно, – сказала женщина. – Вы в какой квартире? Я вам занесу.

– В пятьдесят четвертой, – Аспирин ощутил облегчение.

* * *

Она позвонила в дверь через пять минут.

– Простите… Аспи… Аспирин?

– Алексей, – сказал он.

– Извините. Вот «Фервекс», его надо всыпать в стакан теплой воды, и еще я нашла у себя «Колдрекс».

В гостиной жутко закашлялась Алена.

– Ничего себе, – сказала соседка. – Врача вызывали?

– Нет, – сказал Аспирин.

Соседка нахмурилась. На лбу у нее обозначились две вертикальные морщинки, которых не могла прикрыть даже густая мелированная челка.

– Отхаркивающее даете?

– Чего?

Соседка заглянула в комнату. Алена никак не отреагировала – она по прежнему полусидела, скорчившись, прикрыв глаза.

– Как можно было довести ребенка до такого состояния! – резко сказала соседка. – Какая у нее температура?

Аспирин не ответил. Соседка смерила его возмущенным взглядом и без приглашения прошла в комнату. На ногах у нее были домашние тапочки.

– Привет, – она села на диван рядом с Аленой. Та наконец-то повернула голову. – Ты как себя чувствуешь?

– Скверно, – сказала Алена, и голос у нее звучал соответственно. – Это пройдет. Это простуда. Ерунда.

– Конечно пройдет, – сказала соседка. – Но надо сбить температуру… И я сейчас принесу отхаркивающее. У меня есть «Доктор Мом», он еще и вкусный… А это твой медвежонок, да?

Аспирин с соддроганием смотрел, как она берет чудовище на

руки.

– Симпатяга, – сказала соседка. – Как его зовут?

– Мишутка.

– Держи его крепко, он тебе поможет выздороветь…

И соседка обернулась к Аспирину:

– Быстро дайте ей «Фервекс». Измерьте температуру! В случае чего – вызываете неотложку, а то и «Скорую», это же не шуточки…

Дверь за ней закрылась. Аспирин посмотрел на пакетик в руке. Перевернул. Прочитал инструкцию. Ничего не понял, хоть написано было – проще некуда.

– И почему это? – спросил в пространство. – Вот не пойму. Пусть придет твой гуру, мановением руки исцелит… Он же твое свидетельство состряпал прямо в сумке, не глядя, мановением руки… Так зачем эта комедия с кашлем? Что мне, тебя жалеть?

Алена закашлялась снова. Приоткрыла мутные глаза:

– «Жалеть»? Ты много о себе возомнил, Аспирин.

– Ну конечно, – у него уже не было сил на раздражение. – Ты у меня в доме, жрешь, спишь, травишь медведем, но я недостоин твоего внимания… Я – твое орудие… Чего ты трясешься?

Он подошел ближе, косясь на Мишутку. Тот лежал поверх пледа, раскинув мягкие лапы. Смотрел мимо Аспирина.

– Я никогда не расскажу ему об этой ночи, – сказала девочка. – Я все расскажу… кроме этого. Я встану на перекрестке. Сыграю песню. Брат услышит и отзовется. Тогда я пойду и найду его… даже если он мертвый… я сделаю его снова живым. И мы уйдем вместе. Нам откроют ворота. Я вижу, как они открываются, и там – солнце… А смерти нет. Много дней мы будем жить, и жизнь будет всюду. У них глаза светятся как звезды, они смеются… летают. И нет страха, хотя они знают, что такое страх. И нет боли, хотя они знают, что такое боль. Но я никогда не скажу ему об этой ночи. Никогда…

Она лежала, смотрела сквозь Аспирина, прижимала медведя к груди, и бредила. Преодолевая кашель, говорила и говорила, временами срываясь на непонятный Аспирину язык.

Легонько постучали в незапертую дверь.

– Тихо, – велел Аспирин. – Тихо… Она догадается!

Дверь скрипнула, открываясь.

– Это я, – сказала соседка. – Я принесла «Доктор Мом», грудной сбор – травы… Вы приготовили «Фервекс»?

– Вы врач? – спросил ее Аспирин.

– Нет, я инженер, – она отвела челку со лба, виднее стали две вертикальные морщинки. – А вы ди-джей, я знаю. Я иногда вас слушаю. Знаете, в маршрутке или в такси, у них же постоянно

играет радио…

– Я сейчас, – сказал Аспирин. – Сейчас.

– Это ваша дочь? – вполголоса спросила соседка, когда под ее руководством он готовил на кухне лекарство.

Аспирин вздохнул:

– Честно говоря… Она приехала неожиданно. Из Первомайска. От матери. Говорит, что дочка. А я ее никогда раньше не видел, даже не думал…

– Мелодрама, – сказала соседка. – Так бывает?

– Не знаю, – признался Аспирин. – Со мной – наверное, бывает… Вы видели, что стало с моей машиной?

– Да, – соседка помолчала. – Очень странно. Как будто у вас в багажнике граната взорвалась.

– Вы никогда не видели гранат, – Аспирин помешивал ложечкой теплое, с запахом лимона питье. – От них совсем другие… повреждения.

– Так что же с ней случилось? С машиной?

Теперь помолчал Аспирин.

– Авария, – сказал он наконец. – Знаете… в широком смысле авария. Дырка во Вселенной. В мироздании. В узком смысле – в моем собственном…

– Вы плохо выглядите, – сказала она и вдруг положила ладонь ему на лоб. Прохладное прикосновение, умиротворяющее, спокойное; Аспирину захотелось, чтобы она подольше не убирала руку.

Но она убрала:

– А что случилось с вами?

Он отвел глаза. Она разглядывала четыре «зарубки» на его щеке:

– Что… большие неприятности?

– Бывает, наверное, хуже, – пробормотал Аспирин. И добавил, подумав: – Но редко.

– Машина – это всего лишь вещь, – осторожно заметила соседка.

– Конечно.

– У вас нет контакта с девочкой?

– А представьте, к вам приезжает ребенок и говорит, что он ваш сын?

– Да уж, – соседка посмотрела на чашку в руках Аспирина – разговаривая, тот механически помешивал ложечкой остывающее питье. – Ну, отнесите ей, пусть выпьет…

Аспирин вошел в гостиную. Поколебался, прежде чем приблизиться к дивану с лежащим на нем Мишуткой. Наконец, протянул руку:

– На.

Алена взяла. Принялась глотать – жадно, захлебываясь.

– Ты что, пить хочешь? – удивился Аспирин.

– Ей нужно обильное теплое питье – постоянно, – сказала соседка из прихожей. – И хорошо бы – молоко с содой… Я пойду. Спокойной ночи. Утром вызовите врача.

За ней закрылась дверь.

– Спасибо, – сказала Алена, возвращая пустую чашку.

– На вот, микстура, – он протянул ей зеленый пузырек и ложечку.

– Спасибо.

– Ты можешь умереть? – спросил он, глядя ей в глаза.

– Нет, – сказала она, но не очень уверенно. – Чтобы мне отсюда уйти, надо сыграть специальную музыку… Чтобы он сыграл. Больше никто не сумеет.

– Так чего мы волнуемся? – удивился Аспирин. – Ты же мне столько раз говорила, что не боишься смерти!

– Не боюсь, – подтвердила Алена шепотом. – Я другого боюсь… Я боюсь людей, которые сперва кажутся живыми… а потом оказывается, что они не просто мертвецы – они уже сгнили.

– Блин-н, – сказал Аспирин со злостью. – Я о тебе забочусь… А ты мне свои намеки гадостные намекаешь, да?

Алена снова закашлялась.

– По идее, есть молоко, – сквозь зубы сообщил Аспирин. – И сода.

– Принеси, – попросила Алена. – И дай мне еще одеяло. А то меня трясет.

* * *

Через полчаса подействовало лекарство. На бледном лбу Алены выступил пот. Она расслабилась, легла ровно, подмостив Мишутку под бок.

– Когда я тебя увидела в первый раз, – она закрыла глаза, судорожно потянулась, как будто у нее ломило суставы, – мне увиделось совершенно четко, что ты мертвый. Такой же, как все здесь. Страшный. Прошел себе дальше, и ладно… Но ты вернулся. И оказалось, что ты живой… Показалось.

– Ты бредишь, – равнодушно сказал Аспирин.

– Да, – Алена слабо усмехнулась. – Ты играешь на пианино?

– Давно. В детстве.

– А чей инструмент?

– Родительский… Ну и я на нем учился. «Как под горкой, под

горой…»

Она отбросила одеяло. Струйки пота блестели на ее висках, на лбу, на шее, и несчастная футболка, в которой она ходила записываться в музыкальную школу, была мокрая насквозь.

– Тебе надо переодеться, – сказал Аспирин.

– Мне не во что, – она не открывала глаз. – Дай мне поспать…

В стопке свежего, из прачечной, белья в шкафу он отыскал свою старую белую футболку.

– Переоденься.

Она с трудом разлепила глаза.

– Спасибо… Отвернись.

* * *

Алена заснула в обнимку со своим медведем. Аспирин пошел на кухню и заварил чаю. Вторую неделю он жил в вывихнутом мире – и ничего, ходил, разговаривал, даже денег успел заработать…

Он устал. И потому сейчас думал, глядя в чашку: а может, так и надо. Может, ей в самом деле немного нужно, поживет… ладно, куплю ей скрипку… пусть ходит в свою музыкальную школу. И в один из дней исчезнет так же внезапно, как и появилась. Придет босоногий в камуфляжных штанах, сыграет песню… кстати, на чем сыграет? И Алена уйдет, откуда пришла. Где нет смерти и вообще все довольны.

Человек приспосабливается, иначе бы не выжил. Царапины затянутся, бомбилы откосят от статьи и загремят на какое-то время в дурку. Аспирин переживет: главное, не трогать эту маленькую дрянь, никак не угрожать ей и не касаться медведя руками. А потом он что-нибудь придумает. В конце концов, плюнет на все и смотается с Лондон. А девочке с мишкой не дадут визы, ох, не дадут…

В окне стояла ночь, самая черная, самая глухая, уже осенняя. Стрелка ползла к половине четвертого. Аспирин сидел на кухне один, и ему хотелось выть – от ноющей боли в надорванном ухе, от безысходности, от страха – а вдруг он сошел с ума? Вдруг он *уже* сошел с ума?!

Телефонная трубка – дохлый черный тюлень на белом столе – вдруг разразилась звонком. Аспирин подпрыгнул на табуретке.

– Простите, – сказал женский голос в трубке. – Вы еще не спите?

– Нет, – сказал Аспирин, обалдело хлопая глазами.

– Ей лучше?

– Да… она заснула.

– Очень хорошо… Я забыла вам сказать про уксусные обтирания. Если температура долго не падает – разбавляете уксус водой…

– Да, я знаю, – сказал Аспирин. В его памяти на секунду обозначились блеклые картинки детства – запах уксуса и противная тряпка на лбу.

– Очень хорошо, – повторила соседка и замолчала. Как будто ждала от него каких-то слов. Как будто нет ничего естественнее, чем звонить полузнакомому человеку в полчетвертого ночи. Аспирин молчал тоже.

– Так занести вам уксус? – спросила соседка.

* * *

Он налил ей армянского коньяка. Она не отнекивалась, но и пила мало – больше грела бокал в ладонях, изучала коньячные «ножки» на стекле.

– У вас есть дети? – спросил Аспирин.

Она покачала головой:

– Только племянники.

– Вы, наверное, очень добрый человек?

– Почему вы так решили?

– Ну, – Аспирин усмехнулся, – пришли мне на помощь… С уксусом… И с этим, как его… Ночью… Хотя не обязаны были.

– Ничего страшного, – она улыбнулась. – Я все равно не сплю после дежурства.

– Я тоже не сплю, – он плеснул ей еще коньяка, хотя бокал был почти полон. – Вторую ночь уже. А завтра у меня еще утренний эфир. С девяти часов.

– Я где-то читала, – женщина коснулась губами янтарной коньячной поверхности, – что иногда… в некоторых случаях… дефицит сна и напряженная работа обладают терапевтическим эффектом. При душевных травмах, я имею в виду.

– Вы психолог?

– Нет, я инженер. Технарь. Работаю на ТЭЦ. Сегодня было дежурство.

– Вам, наверное, не нравится «Лапа-радио», – предположил Аспирин.

– Почему?

– Потому что мне так кажется.

– Я человек широких взглядов, – она говорила по-прежнему спокойно, но в глазах теперь ясно читался сарказм. – Если *такое*

кто-то слушает – значит, это кому-нибудь нужно…

– Нужно, – сказал Аспирин. – И пэтэушникам, и водителям, и офисным крысам. И вы напрасно их презираете.

Она чуть покачала головой:

– Алексей… Я ведь не спрашиваю, в чем ваша беда. Но, может быть, вам стоит поспать хотя бы несколько часов, и тогда вы сможете решить…

– Нельзя решить, – быстро сказал Аспирин. – Либо решится само, либо… не решится. Все, что я ни делаю… получается только хуже.

Она разглядывала его лицо; она тактично не спрашивала, чем надо ударить человека, чтобы получился такой вот отпечаток четырех когтей.

– Вы не пробовали обращаться с милицию?

Аспирин застонал.

– Тогда возьмите тайм-аут, – сказала женщина, снова касаясь губами коньяка. – Просто ложитесь спать.

Уже провожая ее, он вдруг спохватился:

– Прошу прощения… А как вас зовут?

* * *

Суббота

– Дорогие мои, сегодня праздник для всего здравомыслящего человечества. Окончилась работа, опять пришла суббота, и нам с тобой охота, всем охота, но не все имеют возможность… Субботнее утро на «Лапа-Радио», последний уик-энд уходящего лета, за окошком солнышко, такое прикольное светило, оно утром встает, а вечером садится, и так всегда, вот если бы было наоборот! Ну что же, мы напрасно размечтались, режиссер дает мне знать, что у нас есть звонок… Есть звоночек… Алло, мы вас слышим! Говорите, кто вы и чего хотите в этой жизни! Ой, кажется, девушка испугалась и повесила трубку. Ну ничего: зато теперь мы можем спокойно послушать Ладу Дэнс, что она нам споет…

Аспирин говорил, не открывая глаз.

Минута, и еще минута. Реклама. Прогноз погоды. Минута, и минута, и минута за минутой. Ровное, бодрое, порой даже стильное бормотание Аспирина заполняло собой салоны машин и квартиры, шуршало в наушниках и вырывалось из динамиков; если я сумасшедший, думал Аспирин, на секунду размыкая веки, то и вы – ненормальные. Дурю вам голову, забалтываю,

убаюкиваю, истекаю бредом, могу сейчас, не меняя интонации, рассказать всю свою историю, и ничего не изменится. Позвонит какая-нибудь дура и попросит Сердючку…

Рано утром докторша из поликлиники выслушала Алену и обнаружила у нее бронхит. Долго писала рецепты, нудно объясняла Аспирину, как именно правильно ставить горчичники и почему банки – это варварство и каменный век. Пригрозила пневмонией, которая непременно разовьется, если немедленно не принять решительные меры, и рассказала пару случаев из практики, когда детей приходилось госпитализировать, а ведь начиналось с простуды…

Аспирин выманил врачицу на кухню.

– Может, госпитализировать девочку прямо сейчас? – спросил доверительно. – А то я, знаете, очень занятой человек, и, может, ей было бы лучше…

Врачица посмотрела на него, как на людоеда:

– Знаете, первый раз в моей практике такое предложение, обычно родители, наоборот, возражают… до смешного доходит!

Аспирин почувствовал облегчение, когда за докторшей закрылась дверь.

Алена все так же кашляла и все так же горела, но уже вступил в бой антибиотик, и, по прогнозу врачицы, улучшение должно было наступить завтра – с утра или, в крайнем случае, к вечеру. Уходя, Аспирин оставил рядом с диваном термос горячего чая. На медведя, лежавшего у Алены на подушке, старался не смотреть.

Такси застряло в пробке; Аспирин оказался на рабочем месте в последнюю секунду. Надел наушники – косо, чтобы не касались раненого уха (все, кто был в студии, с любопытством воззрились на него сквозь стеклянное окошко). Закрыл глаза, чтобы не видеть их, не видеть ничего. Забормотал, как шаман молитву:

– Еще недавно все мы дружно пели про то, что лето на дворе, все заботы будут в сентябре. Вот идет сентябрь, он уже почти пришел, но нам нет до этого дела – наши заботы будут в другом сентябре, следующего года, а может, они были в прошлом сентябре, и теперь о них можно надежно забыть… Детям скоро в школу, но не отчаивайтесь – все проходит, и школьные годы чудесные вы скоро будете вспоминать, как страшный сон… Начинается новый час, и с ним начинается наша любимая игра – кончаем с «Лапа-Радио»! Разумеется, кончаем фразу, то есть, извините за это слово, заканчиваем…

Напрасно он ночью раскис. Напрасно поил соседку коньяком. Теперь та, чего доброго, захочет продолжать знакомство. С другой стороны, она в самом деле помогла: и с лекарством для Алены. И с этими ночными разговорами, будь они неладны. Он чуть не

раскололся, чуть не вывалил всю историю: интересно, что бы она сделала? Не «Скорую» же вызывать в таких случаях… «Мой сосед стал жертвой психоза… Или жертвой гипноза, что немногим лучше…»

А хороший заголовок: «Ди-джей Аспирин в лапах банды гипнотизеров». Можно было бы тиснуть – в рамках скромного личного пи-ара…

– Алла? Добрый день, Аллочка, вот вам задание… Вы слушаете внимательно? Итак, вам надо закончить фразу, только очень быстро, не раздумывая: «В лесу мне видеть довелось, как грыз кору могучий…» Ну? Алла, быстро! «Могучий…»

– Крот, – предположили наушники.

Аспирин открыл глаза. Мигнул.

– Оценил. Да, Аллочка, я оценил ваш юмор… Ну что же. Пятипроцентная скидка на товары фирмы «Кракс» в магазине «Техностанция» – ваша… Оставайтесь на линии, не вешайте трубку…

Где-то там, в неубранной гостиной, лежала на диване Алена, хлебала чай из термоса.

Все проходит, сказал себе Аспирин.

Стало быть, и это пройдет.

Часть вторая

Сентябрь

Второго сентября Алена, все еще бледная и слабая, отправилась на первое занятие в музыкальную школу. Вернулась через полтора часа; при ней была небольшая скрипка в облезлом черном футляре и картонная папка для нот. Из ранца за спиной выглядывала голова Мишутки.

– Нужно еще денег, – сказала она Аспирину. – Заплатить за подушку, купить нотных тетрадок и карандашей.

– За какую подушку? – сварливо осведомился Аспирин. – С кем ты там спать собираешься?

Алена вытащила из футляра черную подушечку на веревочках, из тех, что скрипачи кладут под подбородок. Ухмыльнулась:

– Я понимаю, тебе нелегко, ухлопали столько денег, а тут еще тетрадки, карандаши опять же… Расходы…

Она издевалась совершенно по-взрослому, без намека на улыбку. Аспирин выгреб деньги из кармана куртки:

– На. Покупай, что хочешь.

Она ушла в гостиную. Аспирин боялся услышать противный скрип терзаемых струн – его опасения не оправдались. Минут через двадцать Алена явилась на кухню, зажав скрипку подбородком и не придерживая ее руками. Прошлась взад-вперед, думая о своем, и выглядела при этом так странно, что напомнила Аспирину статую с отбитой рукой.

Он удержался и ничего не спросил.

* * *

– Дочка-то у тебя прижилась, – сказал консьерж Вася. – Я, грешным делом, думал, ты ее поскорее обратно к мамке выпрешь. А она, смотрю, уже со скрипочкой ходит… Она в каком классе у тебя?

– В пятом.

– Да? А я думал, в четвертом…

Лифт, как назло, долго не шел.

– И помощница, видно, – продолжал Вася. – С базара сумки носит… Мою внучку попробуй выпихни.

– Я ее не заставляю, – сказал Аспирин. – Она сама.

– Только, слушай, чего она этого своего медведя все время таскает? В школу идет – в ранце медведь… Я ей говорю: большая уже девочка, у других книжки в ранцах, а у тебя игрушки…

Лифт наконец-то отрылся.

– Спокойной ночи, – сказал Аспирин с облегчением.

Его вполне устраивало, что, уходя, Алена забирает мишку с собой. Он ни за какие коврижки не согласился бы оставаться с «игрушкой» наедине.

Лифт, покрякивая на каждом этаже, ни шатко ни валко дотащился до пятого. Аспирин вышел; площадка перед квартирой была выметена, коврик под дверью вычищен. Для своих одиннадцати лет Алена в самом деле была очень хозяйственна.

Она всегда мыла посуду – но только за собой, не трогая того, что оставил в раковине Аспирин. Однажды он ради эксперимента свинячил несколько дней подряд: все тарелки и чашки переместилась в раковину и стояли там иллюстрацией к «Федориному горю». И только тогда, когда Алене не стало из чего есть овсяную кашу, он взяла двумя пальцами грязную тарелку – одну – помыла и вытерла.

И с тех пор хранила у себя в комнате, на полке с дисками. Поест, вымоет, вытрет, унесет. Аспирина это просто бесило.

Да, она ходила в магазин и на базар, разбиралась в товарах и в ценах, сносно умела жарить котлеты и варить супы. Но никогда не сделала даже вида, что хочет порадовать стряпней Аспирина. Все, что она делала по дому – в круг этих обязанностей входило также «Доброе утро» и «Спокойной ночи» в адрес хозяина, – она делала экономно и расчетливо, не допуская халтуры, но не расходуя ни капельки лишних сил. Силы нужны были ей для занятий музыкой – с самого первого урока. И каждую минуту, не занятую ежедневной рутиной, Алена посвящала именно этому.

Она могла часами водить смычком по полусогнутому локтю левой руки. Она читала, отдыхала, слушала музыку стоя, зажав подбородком скрипку. Она бесконечно «нащипывала» одни и те же последовательности звуков – благо, они были негромкие. Через неделю занятий на подбородке у нее была мозоль – натуральная, чуть ли не кровавая. Алена бестрепетно обрабатывала ее йодом. Аспирину от такого фанатизма делалось не по себе.

Он старался реже бывать дома. Тусовался, много пил, снимал каких-то девочек, совсем глупых, молоденьких. Привозил домой (в машине наконец-то сменили крышку и замок багажника). Алена в такие ночи не выходила из своей комнаты – как будто ее не было; девочки разгуливали по квартире голышом.

Временами он находил удовольствие в том, чтобы ущемлять

права квартирантки и вести себя так, будто его дом по-прежнему безраздельно принадлежит ему. Он сваливал грязное белье на стиральной машине, включал телевизор, мешая ей заниматься, разбрасывал всюду свои вещи, тарабанил в дверь, если она сидела в ванной дольше пяти минут. Алена переносила его хамство стоически, и тем больше его злила.

Он серьезно подумывал о том, чтобы снять квартиру. Или переехать жить к друзьям. Он и сегодня отправился бы в клуб прямо из студии – но в кофейне, перекусывая между делом, посадил пятно на рубашку. Размазал салфеткой; разозлился, причем раздражение было направлено на Алену. Почему, хрен его знает, он не может спокойно заехать домой, принять душ и переодеться?

Повернулся ключ в замке. Дверь беззвучно приоткрылась. Аспирин зачем-то придержал ее рукой – на секунду замер, прислушиваясь.

Алена играла на пианино. В присутствии Аспирина она никогда не осмеливалась (или не хотела?) поднять крышку.

Повторялась одна и та же музыкальная фраза. Повторялась бегло. Сочетание и чередование звуков, определенно – музыка, безусловно – гармоничная. Аспирин не мог понять, как такое можно сыграть на старом фабричном пианино, да еще в пределах двух октав.

Фраза зазвучала снова, и Аспирин вдруг понял, что это просьба. Просьба неизвестно о чем и неизвестно к кому обращенная, повторяется снова и снова, меняется интонация, но смысл остается неизменным…

Он хлопнул дверью. Фраза оборвалась. Почти сразу же опустилась крышка пианино. Алена стояла к инструменту спиной, как будто не она только что играла. Как будто ей ни до чего не было дела.

– Кто тебя просил трогать чужую вещь?

Она уселась на свой диван, забросила ногу на ногу. Взглянула на Аспирина, как на надоедливую козявку. Рядом на диване сидел, закинув лапу на лапу, ко всему равнодушный Мишутка.

Аспирин плюнул, ушел к себе. Заварил чая. Принял душ, переоделся; до «Куклабака» оставалось еще несколько часов, можно было провести их где-нибудь в уютном кабачке. Хотя Аспирин, честно говоря, просто поспал бы часок. Или повалялся на кровати с книжкой.

За закрытой дверью гостиной послышались сперва негромкие «щипковые» звуки, а потом скрипка вдруг зазвучала в полную силу. Аспирин еще не разу не слышал, как Алена играет смычком.

Наверное, она упражнялась, пока его не было дома. Звук, по-ученически скрипучий, местами становился вдруг ясным и выразительным, просто на удивление уверенным, звонким. Алена играла этюд.

Оборвала игру, увидев его в дверях комнаты:

– Чего?

Секунду назад он хотел заговорить с ней. Сейчас, под этим презрительным взглядом, пробормотал сквозь зубы:

– Хлеба нет. Масло кончается.

Ни слова ни говоря, она отвязала подушечку и положила скрипку в футляр. Аспирин, злой как собака, вышел.

Закрылась входная дверь.

Тогда он оделся и вышел тоже – втайне надеясь, что мерзавка забыла ключи. Он спустился по лестнице; Алена и не думала никуда уходить. Она стояла у входа в подъезд, прижимая к себе Мишутку.

– В чем дело?

– Они там, – Алена смотрела в пол.

– Кто?

– Они.

Аспирин проследил за ее взглядом. У гаражей стояли, курили, сплевывали двое пацанов лет по четырнадцать. Он сначала не понял, в чем проблема, и только минуту спустя до него дошло: «У меня сначала голос пропал… А потом они мне рот зажали… Рукой…»

Ну принесла же их нелегкая именно сейчас!

Алена прижимала к груди своего медведя. Интересно, подумал Аспирин, она может его науськать? Когда явной угрозы хозяйке нет, а есть только ее приказ – взять?

– Ты их боишься, что ли? – небрежно спросил Аспирин. – На пару с *этим* – боишься?

Алена молчала.

– А может, ты обозналась? И это вовсе другие?

Алена молчала. Аспирин попытался заглянуть ей в лицо; она отвернулась. Натруженные пальцы, все в заусеницах, вцепились в шоколадную медвежью шерсть.

Ей было страшно и гадко. Она пыталась преодолеть себя, и – на глазах Аспирина – не могла.

Он снова глянул на курящих пацанов. Перевел взгляд на Алену. Внутренне поморщился.

Зашагал через двор.

Мальчишки заметили его. Недоуменно уставились, переглянулись, но удрать не успели. А может, не захотели. Чего им удирать?

На ходу он так ничего и не придумал. Никаких слов. Просто подошел и взял обоих «за шкирки».

Один рванулся и вырвался, но другого Аспирин перехватил уже двумя руками, покрепче.

– Ты че? Ты че?

– Я тебе сейчас объясню, «че», – слова возникали сами собой. Внутреннее брезгливое оцепенение сменялось азартом возмездия. – Сейчас в милицию пойдем. Ограбление и попытка изнасилования. Тебе четырнадцать есть? Сядешь…

– Да ты че!

Тот, что был свободен, отбежал в сторону. Тот, кого держал Аспирин, забился уже не на шутку; Аспирин ухитрился завернуть ему руку за спину. Скрутить гаденыша оказалось неожиданно приятно: наверное, так звереет от запаха жертвы самый милый одомашненный хищник.

– Дядя, ты че! Какое ограбле… какое изнаси…

– А в подъезде, месяц назад! Тебя одна девочка узнала. А может, и еще кто-то узнает, сволочь ты малая!

Тот, что был свободен, отскочил еще и поднял с земли камень:

– А ну пусти его!

– Ты тоже сядешь, – пообещал Аспирин. – Повесткой вызовут с родителями. Кидай, сука, кидай, набавляй себе срок…

Парень уронил камень и скрылся с глаз. Аспирин толкнул пленника в щель между гаражами; вспышка охотничьего азарта сходила на нет. Тащить пацана в милицию? Через два квартала?

– Говори, как зовут и где живешь, а то яйца повыдергиваю.

– Да за что?! – глаза пленника бегали.

– А ты знаешь, за что… Не уйдешь. Вычислю. И дружка твоего. Говори!

Он стукнул парня лбом о стенку гаража. Вроде бы несильно; гараж глухо ухнул.

– Бери свои деньги! – завизжал парень. – Мне, может, жрать нечего! Бери, подавись…

И он вдруг заревел, горестно, слюняво и сопливо, и Аспирин осознал свою полную власть над этим жалким, скверным, трусливым и жестоким созданием, которое будет жить и портить все, к чему прикоснется, ломать и топтаться, плевать и гадить, а если осмелится – то, возможно, и убивать.

Ему захотелось еще раз его ударить. Бросить на замлю и бить ногами. Раз и навсегда указать червяку его место. Смешать с дерьмом.

Пацан ревел, пуская слюни. Аспирин увидел себя со стороны: взрослый дядька, выкручивающий руки подростку.

Он плюнул. Оттолкнул мальчишку на стенку гаража. Не оборачиваясь, зашагал к дому. На ходу брезгливо вытирал руки о штаны. Во рту таял железный привкус.

Алена стояла там же, где он ее оставил. Все так же прижимала к груди Мишутку. Аспирину захотелось сорвать злость на ней; он подошел и остановился рядом.

Она молчала, привычно опустив плечи. Маленькая. Худая до прозрачности. Бледная. Насчастная.

Он проглотил слюну:

– Пошли…

Она вошла за ним в лифт. И так же молча – в квартиру. Аспирин отправился сразу в ванную; ему вспомнился вечер, когда он ударил ее – и долго потом не мог отмыться.

– Не убивать же его, – пробормотал он, оправдываясь. – А в милицию тащить – бесполезно. Что же… никто не станет возиться… Пока не вырастет и не попадется по-настоящему…

Прижимая к груди Мишутку, Алена ушла к себе в гостиную. Открыла пианино. Аспирин навострил уши, и не зря: прозвучала новая музыкальная фраза, она тоже содержала скрытый смысл, Аспирин чуял это – но не мог понять.

– Ты… говоришь? – он остановился на пороге комнаты.

Она оторвала взгляд от клавиатуры:

– А ты понимаешь?

– Нет, – после долгой паузы признался Аспирин.

Алена закрыла пианино:

– А ты и не можешь понимать.

– Куда уж мне, – согласился Апирин. – Послушай…

Они не разговаривали уже много недель. Не считать же разговорами чередование служебных слов: пойди-принеси-доброе утро.

Аспирин запнулся. Алена смотрела в пол, и это было хорошо: подари она сейчас свой обычный презрительный взгляд – и он ушел бы, ни о чем больше не спрашивая.

– А с кем ты говоришь, если я все равно не могу понять?

Она помолчала.

– Сама с собой, – призналась наконец. – Знаешь… мне просто надо было идти, как будто я их не вижу. Надо было идти…

Аспирин перевел взгляд на Мишутку.

– Ну что ты смотришь на него, как на мясника! – в глазах Алены была теперь прежняя злость. – Он не убийца… если его не вынудить.

– Ладно, – сказал он примирительно. – Я просто не могу понять, как ты с таким защитником можешь их, мелких скотов, бояться.

– Ты ничего не можешь понять, – сказала она горько. – Один из них, если хочешь знать… может быть моим братом. Любой. Может, он себя не помнит. Может, он сошел с ума от всего этого… мира, стал его частью… даже самой скверной частью… Я все время об этом думаю, думаю… он потонул в ненависти, как в дерьме, сам стал куском ненависти… и страха. Он вот так… превратился в такое… а эти проклятые пальцы не хотят слушаться!

И она изо всех сил ударила правой рукой по пальцам левой. Замахнулась еще раз, но Аспирин схватил ее за руки:

– Тихо! Истеричка…

Она задергалась. Аспирин был сильнее. Она поддалась, вздохнула, несильно оттолкнула его:

– Все… Отпусти.

Он выпустил ее руки. Она ушла на противоположный конец комнаты, уселась на диван рядом с Мишуткой. Аспирин запоздало испугался: что, если бы эта тварь сочла его поступок – агрессией?

– Ничего не бывает сразу, – сказал он, отступая к двери. – Нельзя выучиться играть за один день. Даже на трещотке.

– Мне надо заниматься, – сказала Алена глухо. Аспирин вспомнил, что и ему пора в «Куклабак».

Когда он вернулся – в половине третьего ночи – Алена все еще играла. Негромко. Щипком.

* * *

– Алексей, – сказал консьерж Вася. – Можно тебя на минуту?

Аспирин подошел к стеклянному окошечку, обрамленному памятками и объявлениями. Облокотился о дощечку-подоконник:

– Да?

Консьерж Вася был не в духе.

– Дочка твоя… такое мне сегодня выдала… Я к ней по-доброму: что там в школе у тебя? Если первая смена, чего по утрам шатаешься? А если вторая – так ты по вечерам со скрипкой ходишь… Отец, мол, знает, что ты прогуливаешь? А она мне… вот ей-богу, если бы моя внучка такое кому-то выдала, снял бы ремень да и надавал бы по первое число.

– Матом, что ли? – спросил озадаченный Аспирин.

Вася насупился:

– Если бы матом… А так – слова такие… хуже чем матом, ей-богу. И смотрит… как будто я грязь! Хуже грязи!

– Разберусь, – пообещал Аспирин.

Алены не было дома. В холодильнике он нашел куриное жаркое, взял себе порцию, разогрел в микроволновке. Интересно, а консьерж Вася гипотетически может быть Алениным братом? Падшим, условно говоря, ангелом, который не помнит себя?

«Смотрит, как будто я хуже грязи». Аспирин прекрасно знал, как выглядит этот Аленин взгляд. Многократно испытал на себе.

Он дожевывал последний кусок мяса, когда зазвонил телефон.

– Алло?

– Добрый день, – незнакомый женский голос. – Можно Алексея Игоревича?

– Да. Это я.

– Здравствуйте. Я учительница Алены из музыкальной школы, Светлана Николаевна меня зовут. Я хотела бы с вами поговорить. Лучше бы при встрече, но если вы заняты…

– Я очень занят.

– Тогда можно по телефону, – согласилась трубка. – Я педагог с пятнадцатилетним стажем, и ни разу – ни разу! – у меня не было таких учеников, как ваша дочь. Она поздно начала, конечно, поздновато. Но она очень талантлива. А что самое главное – она одержима музыкой. У нее несомненно большое будущее, очень большое…

– Чем я могу вам помочь? – грубовато оборвал Аспирин.

Трубка не смутилась:

– Я вот что хочу сказать. Вам, конечно, будут делать всякие предложения.

– То есть?

– В десятилетку, разумеется. Возможно, вам будут сулить разное… чтобы вы сменили педагога. Решать, разумеется, вам, но я бы посоветовала не спешить. У меня четверо выпускников блестяще закончили училище… Одна девочка поступет в консерваторию… А в десятилетке очень часто калечат детей, морально ломают их, понимаете, мне бы не хотелось, чтобы такой дар, как у Алены… Чтобы он стал удовлетворением чьих-то амбиций…

– Понятно, – с легким сердцем сказал Аспирин. – Но не я решаю. Она сама поступила в школу, она сама выбирает, где ей учиться. Разговаривайте с ней.

– Тем не менее подумайте, – не сдавалась трубка.

– Подумаю. До свидания.

Повернулся ключ в замке. Алена стояла на пороге, набыченная и красная.

– Опять полаялась с Васей? – вырвалось у Аспирина.

– А чего он, – Алена мотнула головой, – чего он пристал? Нет

таких законов, чтобы заставить меня ходить в эту дурацкую школу… Ведь нет?

– Не знаю, – честно признался Аспирин. – Законы, скорее всего, есть, вот их выполнение…

– Плевать, – Алена поморщилась по-взрослому брюзгливо. Стянула растоптанные кроссовки (полосатые носочки больше не были чистыми), босиком направилась к себе в комнату.

– Мне твоя учительница звонила, – сказал Аспирин.

Алена обернулась в дверях:

– Зачем?

– Боится, чтобы тебя не свели у нее из-под носа. Сокровище, – Аспирин хихикнул.

Алена смерила его презрительным взглядом.

Дверь за ней закрылась.

* * *

– Алло, – сказала мама, и голос у нее был почему-то напряженный. – Лешенька?

– Привет, мам.

– Как дела? Ты здоров?

– Совершенно.

– Что с работой?

– Как обычно. Все путем…

– Леша, – голос матери посуровел, – что это за ребенок у тебя живет? Чей это ребенок?

Аспирин ждал этого звонка со дня на день. Шила в мешке…

Настучали, доброжелатели.

– Это, – отпираться не имело смысла, – это… моя дочь. Из Первомайска.

Пауза. Аспирин представил себе лицо матери, как она молчит – там, в Лондоне, на другом конце провода. Чуть не поперхнулся.

– Ну, так получилось, – сказал, оправдываясь. – Она скоро уедет к матери. Такое дело.

– Ты сведешь меня в могилу, – сказала мать, и голос у нее был в самом деле загробный.

– Да что такого, мам? Она хорошая девочка. Неизбалованная. И она скоро уедет.

– Сколько ей лет?

– Оди… одиннадцать.

– Алексей, – мать, наверное, сурово сжала губы. – Ты мне не врешь?

– Нет, – сказал он так безмятежно, как мог.

Мать не поверила.

* * *

В конце сентября похолодало. Стоя у окна в кухне, Аспирин смотрел, как идет на занятия Алена – воротник куртки поднят до ушей, голова втянута в плечи. Футляр со скрипкой прижат к груди, как оружие возмездия. Из-за спины выглядывает упакованный в ранец Мишутка.

Он вообразил, как причитает консьержка тетя Света: «Что же ты, Аленушка, без шапки? Где твой шарф? Дождь собирается, а как же ты без зонта?»

Невелики расходы – все можно купить на базаре. Шапку, шарф, дешевый детский зонтик. Да хоть пальто. Вот что делать с этой проклятой школой? Вроде бы и не в деревне живем, где все про всех знают. А поди ж ты – вчера участковый приходил…

Когда Аспирин ходил в детскую комнату милиции, пытаясь куда-то пристроить Алену – на него посмотрели, как на злобного идиота. Стоило Алене приобрести в его жизни какой-нибудь, хоть шаткий, статус – их совместное житье-бытье вдруг вызвало интерес правоохранительных органов. Участковый, мужчина средних лет в штатском плаще (элегантном, надо сказать, вовсе не соответствующем представлению Аспирина о современных участковых милиционерах) первым делом поинтересовался, проживает ли в квартире девочка одиннадцати лет и если проживает, то кем Аспирину приходится?

Аспирин, криво улыбаясь, представил свидетельство о рождении Алены. Да, дочь. Да, из Первомайска. Нет, прописывать не будем. Она у себя прописана, в Первомайске. Юный талант – скрипачка, приехала за большим будущим. В школу не ходит? Так она в десятилетку поступает. В какую? Очень просто – в специализированную школу для особо одаренных детей. Готовится. Есть еще вопросы?

Вопросов не было. Участковый, расслабившись, пожелал Алене успехов, предположил, что музыкальный талант у нее – в отца, признался в любви к «Лапа-радио» и распрощался.

Заперев за ним дверь, Аспирин зачем-то пошарил на антресолях. Пистолет был здесь – руку протяни. Аспирин перепрятал его под стойку с обувью.

Ложь обладает интересным свойством – в нее легко поверить, особенно лгуну. Аспирин подумал, что если Алена в самом деле уйдет в десятилетку… интересно, а интернат у них есть?

Тогда Аспирин станет ей не нужен.

Месяц назад он обрадовался бы и перекрестился с облегчением. Сейчас он испугался: а вдруг, уходя, она захочет ему отомстить?

* * *

Они отправились на ближайший вещевой рынок и купили Алене теплую куртку с капюшоном – первую, которая подошла по размеру. Алена не собиралась тратить время на выбор, Аспирину и подавно неинтересно было бродить по выставке скудного барахла. Капюшон решал проблему шапки; на обратном пути прикупили синий шарф и синий зонт с цветочками.

Аспирин настоял, чтобы Алена сразу же надела обновки – якобы для того, чтобы снова не простудиться. На самом деле ему было нужно, чтобы общественность в лице консьержки тети Светы убедилась: Аспирин достойно исполняет отцовский долг.

У подъезда стояла Ирина, соседка. Со времени последнего разговора (на кухне Аспирина под армянский коньяк) им несколько раз приходилось встречаться у лифта, они здоровались, но и только. Аспирин до сих пор не знал, на каком этаже она живет – на третьем или на четвертом.

Теперь она стояла у подъезда, явно расстроенная, растерянная. Обычное спокойствие на ее бледном узком лице казалось подтаявшей маской, готовой слететь в любую секунду.

Рядом был мужчина – высокий, плотный, в расстегнутом пальто, под которым угадывалась строгая униформа чиновника. Он, улыбаясь, что-то сказал – добавил к сказанному, как отметил про себя Аспирин. Последняя, так сказать, капля.

Ирина увидела Аспирина с Аленой. Улыбнулась с преувеличенной радостью, поспешно, чтобы не сказать суетливо.

– Добрый день, – вежливо сказала ей Алена и перевела взгляд на мужчину в пальто.

Ее взгляд застыл.

Аспирин мог поклясться, что она раньше видела этого человека, причем в непростых обстоятельствах.

– Добрый день, – сказал он, инстинктивно отвлекая внимание Ирины – и ее мужчины – на себя. – Мы были на базаре. Купили Алене новую теплую куртку.

Он сам не знал, как воспримет Ирина, полузнакомый человек, его неожиданное мелочное многословие. Но нескольких «заболтанных» секунд хватило, чтобы Алена взяла себя в руки и перестала пялиться. Потупилась, скромная воспитанная девочка:

– Да.

– Извините, – от чистого сердца сказал Аспирин. – Всего хорошего.

Прикрывая дверь подъезда, он успел увидеть, как мужчина в длинном пальто, махнув на прощание рукой, садиться за руль большого черного «БМВ».

К счастью, лифт оказался на первом этаже. Иначе не миновать новой встречи с Ириной; проскочив мимо тети Светы («Ах, новая куртка! Какая прелесть!») и увлекая за собой легкую податливую Алену, Аспирин вскочил в раскрывшиеся двери и клюнул пальцем в кнопку пятого.

– Где ты его видела? Вы знакомы?

– Нет.

– Ты врешь.

– Охота тебе снова ругаться, – сказала она со взрослой усталостью. – Клянусь своим братом, что я никогда раньше не видела этого человека. И он меня.

Аспирин помолчал, переваривая услышанное.

– А почему ты так на него смотрела?

Он отпер дверь квартиры. Пропустил девчонку вперед.

– Я смотрела не на него.

– А на кого? Говори!

Он развернул ее лицом к свету. Говоря по правде, ребенок не выглядел ни здоровым, ни счастливым. Бледное лицо со впалыми щеками, под глазами круги. А взгляд – очень грустный. Старушечий.

– Ты чего? – спросил он, выпуская ее плечи.

– Ничего. Ты его знаешь?

– Нет.

– Он умрет.

– Все умрем, – сказал Аспирин автоматически, заранее зная, что скажет Алена и внутренне обмирая от этого знания.

– Он умрет раньше всех. До захода солнца.

Аспирин глянул на часы. Пять минут пятого; когда заходит солнце в конце сентября?

– Ты придуриваешься? – спросил Аспирин безнадежно.

Она аккуратно повесила новую куртку на вешалку. Сложила шарф на полочке для шляп. Поставила зонтик в угол.

– Спасибо. Мне в самом деле было холодно.

Аспирин повернулся и молча ушел на кухню – пить чай. Достал бутылку коньяка; вспомнил, что не знает телефона Ирины. И не знает, в какой она живет квартире, даже на каком этаже – на третьем или на четвертом…

Из гостиной, куда ушла Алена, донеслась фраза, сыгранная на пианино. Обрывок мелодии. У Аспирина мороз продрал по

коже – не то от музыки. Не то от нового ощущения «дыры в мирозданье». Будто дрогнула тонкая пленочка, за пленочкой – хаос…

– Ты не знаешь, где живет Ирина? Соседка? Ну, она лекарства… она, короче?

– На четвертом этаже. Мы с ней когда-то в лифте ехали.

– А квартира?

– Спроси у тети Светы. Она знает.

– А как я объясню, зачем мне надо?

– А с какой стати объяснять? Что ты, как мальчик…

Алена была права.

Не дожидаясь лифта, он сбежал вниз по лестнице. И опять же по лестнице взлетел на четвертый этаж. Поднял руку, чтобы позвонить, задержал дыхание. Опустил руку. Бегом поднялся к себе, накинул куртку, выскочил в аптеку; купил сироп от кашля, самых дорогих порошков и таблеток, выкинул из кулечка чек и снова вернулся к Ирининой двери.

Позвонил.

– Кто там?

– Это я, Алексей… сосед.

– Одну минуту…

Наверное, она приводила себя в порядок. Во всяком случае, когда она открыла дверь – в самом деле, через одну минуту, – лицо ее было по-прежнему спокойным и даже умиротворенным, и только больные воспаленные глаза несколько портили картину.

– Я принес вам лекарства, – с порога затараторил Аспирин. – А то ведь свинство с моей стороны – вы нам так помогли, все закрома, наверное, повыскребли, а время гриппозное, простудное, на всякий случай что-то надо иметь под рукой…

Он чуть не добавил: «Так, дорогие слушатели, заботимся о себе любимом, пополняем запасы, не щелкаем клювом, минздрав предупреждает…», но вовремя осекся.

– Спасибо, – сказала Ирина. – Но это вы зря. Я ведь вам не взаймы давала.

Зависла неловкая пауза. Аспирин топтался на пороге.

– Может, вы войдете? – без радости предложила Ирина.

– Нет, спасибо… Я только на минутку… А этот милый человек, с которым вы беседовали, мне кажется, я его где-то видел. Он, случайно, не депутат?

– Нет, – Ирина вздохнула. – Это просто мой муж… Бывший. Вернее, несостоявшийся.

* * *

– Это ее муж. Бывший. Вернее, несостоявшийся. Не уверен, что я правильно понял.

– Она его любит?

– А хрен его знает. Не разобрал, – признался Аспирин.

Солнце село.

– Скажи, что ты все выдумала, а?

– Я все выдумала, – Алена болтала под столом ногами. Перед ней стояло блюдечко с чаем, пар закручивался вялым смерчиком.

Аспирин глотнул из своей чашки – и обжегся.

– Говори, что ты там видела, – потребовал, как только ослабело жжение на губах и языке.

Алена молчала.

– Смерть у него с косой стояла за левым плечом? Так, что ли?

– А вот как ты думаешь, – по-деловому начала Алена, будто и не слышала его вопроса, – ей сразу скажут? Или потом?

– Откуда я знаю? У меня ни разу в жизни не было бывшего мужа… тем более, несостоявшегося.

Алена отнесла блюдечко к мойке, ополоснула, аккуратно поставила на сушилку.

– Я пошла заниматься, – сказала сурово.

– Сколько можно? У тебя вон скрипка на морде отпечаталась, как будто в челюсть кто-то стукнул… Соседи опять обо мне подумают хрен знает что…

– А тебе не все равно, что подумают соседи?

Аспирин посмотрел на телефонную трубку. Она лежала на белом, чисто вытертом столе, молчаливая и черная.

Алена вышла. Аспирин прислушался; она играла гамму – бегло, звонко, потом этюд, потом еще один этюд, повторяла и повторяла, добиваясь совершенства. Потом зависла пауза; быстро, будто боясь передумать, она сыграла последовательность нот, начало мелодии, от которой у Аспирина по всему телу забегали мурашки.

Он заставил себя допить чай.

* * *

Алена легла спать в половине одиннадцатого – с Мишуткой под боком. Аспирин все так же сидел за кухонным столом. Соседи сверху включили аудиосистему, Аспирин минут десять морщился, слушая эту какофонию (лысый звук, бочка тупо бьет, заглушая вокал), потом постучал по батарее. Соседи покуражились еще минуты три, потом заглохли.

Аспирин заварил себе чаю.

В половине первого накинул куртку и вышел во двор. У клумбы торчали, беседуя под сигаретку, два припозднившихся собачника (их питомцы, дог и ротвейллер, кружили по разные стороны от детской площадки, подчеркнуто не замечая друг друга). Аспирин похлопал себя по карманам – сигареты остались на кухне.

Окно Ирины – прямо под кухонным окном Аспирина – светилось. Аспирин вернулся домой.

В половине второго он вышел снова. Консьерж Вася дремал в своей будке, но на стук входной двери вскочил и бдительно захлопал сонными глазами.

– Леша! Из клуба?

На Аспирине были домашняя рубаха в клеточку и спортивные штаны.

– Да я просто так… Гуляю.

Вася удивился.

Аспирин остановился у подъезда, запрокинув голову, глянул в сонную рожу дома. Рожа была почти сплошь темная – светилось редко, то здесь, то там, и только у Ирины – Аспирин поежился – горели окна во всей квартире…

Он пешком поднялся на четвертый этаж.

Позвонил.

* * *

– У меня даже нечем помянуть… В доме ни вина, ни водки.

– Принести коньяка?

– Нет, Алексей. Погодите. Просто посидим.

Она была белая, как свечка, и очень сосредоточенная.

– Как вы там говорили… дыра в мироздании?

– А вы запомнили? – растерялся Аспирин.

Она натужно улыбнулась краешками губ:

– Конечно… Он вылетел на встречную через полчаса после нашего разговора.

Аспирин молчал. Не в его привычках было выслушивать чужие излияния, он даже в поезде, в купе, избегал разговоров с попутчиками. Он понимал, что Ирине теперь надо выговориться, что это будет долго и тягостно, и что назавтра она станет отводить глаза при встрече. Он все прекрасно понимал – но готов был исполнить свою миссию до конца. Отдать долг? Вряд ли, он вовсе не чувствовал себя должником… По крайней мере до сегодняшнего вечера.

– Я ему не желала зла, – сказала Ирина. – Честное слово. А

вышло так… «не доставайся же ты никому».

– Вы не виноваты, – сказал Аспирин.

Морщинки между ее бровями сделались чуть мягче:

– Как ваша девочка? Я вижу, она со скрипкой ходит… Вы нашли с ней общий язык?

– В какой-то степени.

– И вы починили машину. Вот видите, ваша дыра в мироздании затянулась…

«Если бы», чуть не сказал Аспирин. И сжал зубы, насильно удерживая за ними болтливый язык. Язык рвался наружу, желая сказать – брякнуть, ляпнуть: «А смерть уже стояла у него за плечом…»

– Разве нет? – Ирина смотрела ему в глаза. – Не затянулась?

– Она стала шире, – глухо сказал Аспирин. – Но я привык.

* * *

Алена спала на боку, подложив руку под голову, другой рукой прижимая к себе медведя. Аспирин остановился посреди комнаты.

Было пять часов утра. Его пошатывало.

– Эй…

Он решил для себя: не проснется сразу – он не будет больше пытаться, повернется и уйдет. Дождется утра, так уж и быть… хотя дожидаться тяжело.

Она проснулась. Не ворочалась, не потягивалась – просто открыла глаза. Профессиональный разведчик, а не девчонка.

– Слушай, – сказал Аспирин. – Я тут… А я когда умру? Ты можешь сказать?

– Не сегодня, – она потерла глаза. – Ты за этим меня разбудил?

– А по-твоему, это незначительный повод?!

– Может быть, – она перевернулась на спину. – Кому как.

Он проглотил комочек слюны.

– А… слушай… Сколько я проживу?

– Откуда я знаю?

– А откуда я знаю, что ты знаешь и чего не знаешь?!

Алена села на диване. Укрыла плечи одеялом:

– Она плачет?

– Нет. Она вообще… с ним рассталась навеки. А он возьми да и разбейся к такой-то матери. Она вообще боится, что ее… ну, получилось, что она его прокляла напоследок. «Так не доставайся же ты никому»…

– Детский сад, – скучным голосом сказала Алена. – Прокляла… Ты хоть ее успокоил?

– Ну… как мог. Тут, знаешь, успокоение… относительное.

– По крайней мере, ты не оставил ее одну, – Алена поковыряла пальцем в носу. – Особенно если так совпало. А почему они расстались?

– Ну… он вроде собирался на ней жениться, а у него была семья, а он скрывал… А когда все выяснилось, они все равно некоторое время жили вместе, потому что она не могла от него отвыкнуть, хоть он и подлец… А потом она решила покончить со всем этим враньем, а он был уверен, что она все равно приползет на пузе – куда денется… Примерно так. А может, не так. Я же не идиот – расспрашивать женщину о всяких подробностях… особенно в такую ночь. А про себя ты знаешь? Когда ты умрешь?

Алена поглядела на него укоризненно и снова легла. Натянула одеяло до носа.

– Ты говорила, – Аспирин так и стоял посреди комнаты, не решаясь приблизиться к дивану с лежащим на нем Мишуткой, – что не умрешь никогда… Это как, фигура речи?

– Нет, не фигура. Я буду жить, жить… Ты будешь стареть. У тебя, может быть, будут дети, потом внуки. А потом ты умрешь. А я буду жить и не стареть. Никогда не стану взрослой. У меня не будет детей. И ничего не будет, кроме одной-единственной цели: найти брата и вывести его. Я буду болтаться по миру, может, тысячу лет…

– Вот как, – сказал Аспирин внезапно севшим голосом. – Так это же мечта человечества… вечная жизнь без старости… или даже вечное детство, как у Питера Пэна.

– Мечта? – горько спросила Алена.

И укрылась одеялом с головой.

Октябрь

Телефонный звонок. Голос суховатый, деловой:

– Алексей Игоревич? Это Светлана Николаевна, педагог Алены. Мне надо серьезно с вами поговорить.

– Простите. Я очень занят.

– Я здесь, в вашем районе, неподалеку от вашего дома… У вас что, не найдется пятнадцати минут, когда дело идет о судьбе вашей дочери?!

– А что с моей дочерью?

– Вы не могли бы подойти прямо сейчас в кофейню на углу возле метро? Я уже не настаиваю, чтобы вы приходили в школу…

Но дело такое важное, что…

Аспирин закатил глаза. Может, послать ее по-матерному? Она оскорбится и больше никогда не позвонит.

Но как отреагирует Алена?

– Ладно, – сказал он сквозь зубы. – Но у меня только пятнадцать минут. Не больше.

Кофейня на углу была новая, ее месяц как открыли. Даму-учительницу Аспирин вычислил сразу – она сидела за дальним столиком перед чашкой чая. И еще одна чашка, пустая, стояла на краю стола рядом с блюдечком из-под пирожного.

Дама могла себе позволить пирожные. Она была сухая и тонкая, как гвоздь, нервная, как шило.

– Алексей Игоревич? Здравствуйте…

Он сел рядом. Прибежала девочка в передничке, выжидательно ткнула карандашом в блокнотик, как будто Аспирин собирался заказать банкет на двенадцать персон.

– Кофе, – сказал Аспирин.

– По-восточному? Эспрессо? Капуччино?

– Эспрессо.

– Пирожные? Закуски?

– Нет. Только кофе.

Девочка упорхнула; пока Аспирин заказывал, нервная дама присматривалась к нему. Кажется, даже принюхивалась: во всяком случае, ноздри трепетали.

– Алексей Игоревич, – она не стала ждать, пока ему принесут кофе, не стала рассуждать о погоде. – У Алены большие проблемы.

Он заинтересовался.

– Какие?

– Она сама, видите ли, знает, что ей нужно. Она сама себе выбирает этюды. Мы с ней разбираем одно – она приносит на урок другое… Но самое главное даже не это. У нас академконцерт, конечно, первоклассники обычно не играют… Что они там могут сыграть… Но Алена – особая песня. Я хотела ее обязательно показать. Вы понимаете? Это же уникальный случай – такие результаты после неполных двух месяцев занятий. Так вот, она отказалась! Она, видите ли, не хочеть тратить время на подготовку репертуара. Она мне сказала: я учусь, чтобы сыграть одну-единственную пьесу. Мне надо освоить вторую и третью позиции, и вибрацию… Вибрацию! После шести недель учебы!

– Значит, она ставит себе высокие цели, – осторожно сказал Аспирин. – Из-за чего сыр-бор?

Дама некоторое время сжигала его взглядом.

– У нее звездная болезнь, – сказала она наконец. – Она стала

пропускать хор и сольфеджио… Если так дальше пойдет – весь ее талант пойдет псу под хвост! Из нее ничего не будет. Ни-че-го!

Аспирин покосился на часы. Дама заметила его взгляд, и ее ноздри раздулись шире.

– Я поговорю с Аленой, – примирительно сказал Аспирин. – А вы тоже не очень-то на нее давите. У нее трудное детство!

Расплатился и ушел, так и не выпив свой кофе.

* * *

Пошел дождь. Алена, против обыкновения, не занималась: стояла у окна, отслеживая дорожки бегущих по стеклу капель.

– Ну и почему тебе не сыграть этот академконцерт? – спросил Аспирин с порога.

– Я так и знала, что она тебе нажалуется, – сказала Алена, не оборачиваясь. – Подключила тяжелую артиллерию. Побежала за подмогой к папаше…

– Это естественно. Ты – ее гордость. Она хочет тебя показать. Что тебе стоит?

Он сказал – и осекся. Послушать их разговор со стороны – отец и дочь мирно беседуют о насущных школьных проблемах. Они так вжились в свои роли? Им так проще?

– Иногда мне кажется, что я никогда не выучусь, – Алена по-прежнему смотрела на дождь. – Учусь-учусь… Болит все… А до его песни – как до неба. Нет… как до… ну, неважно.

– А у тебя много времени в запасе. Что, ты за тысячу лет не выучишься играть?

Она обернулась. Он пожалел о своей шутке. Нервно усмехнулся:

– Что ты так смотришь? У меня никто за плечом не стоит?

– Ты мне надоел. Если бы ты знал, как ты мне… надоел.

– А ты мне, думаешь?! – он оскорбился.

Она скорчила рожу:

– «Доброе утро, мои милые, с вами ди-джей Аспирин, расслабьтесь, впереди у нас много чудных и комфортных часов в мягких объятиях «Лапа-радио»…

– Отомстила, да? – спросил он мрачно. – Ну-ну…

И пошел к себе.

Статью для «Мачо» он обещал отдать еще в прошлую пятницу, теперь был понедельник. Аспирин включил ноутбук, намереваясь поработать, но вместо этого вошел в сеть и проболтался там часа полтора.

Алена упражнялась. Аспирин краем уха прислушивался к

бесконечным, изматывающим повторениям одного и того же. К концу второго часа пьеска звучала совершенно, в ней была не только подвижность и легкость – в ней была, Аспирин не побоялся бы этого слова, экспрессия. Алена проживала простенькую танцевальную мелодию с таким темпераментом, будто это был «Полет валькирий».

– Молодец.

Она покосилась на него без благодарности.

– Ты научишься раньше, чем через тысячу лет, – сказал он льстиво. – Через пару недель, наверное, уже сыграешь… Она сложная, эта песня?

– Нет, не очень. Она уводит людей за грани этого мира… Иногда поднимает мертвых… А так – ничего особенного. Простецкая мелодийка.

* * *

– Доброе утро, мои милые! Вот и вторник, вот и ди-джей Аспирин снова пришел, чтобы провести много комфортных часов вместе с вами в мягких объятиях…

Он чуть было не поперхнулся. Будто кость застряла в горле и мешала выталкивать слова.

– …«Лапа-радио», – закончил он через силу. – Нас слушают на работе, нас слушают дома… Нас слушает, между прочим, одна очень упрямая девочка, которая считает, что легкая музыка – это плохо… Все мы знаем, что люди пели за работой испокон веков: косили траву – пели… доили коров – пели… Что они пели? Да песни, разумеется, простые песни о своей любви, о своей нелегкой судьбе… или, наоборот, о своей очень счастливой судьбе… Так чем же мы хуже, а, дорогие мои? Раскройте ваши уши – с нами Валерия!

Он не мог отделаться от мысли, что Алена сидит сейчас на кухне перед радиоприемником, и на лице у нее брезгливое внимание. Он никогда не говорил ей, на какой станции работает и как ее найти. Сама отыскала, значит. Понадобилось ей зачем-то.

(– А в клубе ты делаешь то же самое? – спрашивала она мимоходом, всем видом демонстрируя малую заинтересованность в ответе.

– В клубе, – говорил Аспирин, – я занимаюсь творчеством.

– Лепить чужие треки «паровозиком» – это ты называешь творчеством?

Аспирин молча считал до десяти).

– …Что наша жизнь, дорогие мои? Нет, не игра. И не икра.

Наша жизнь – вечная возня между предназначением, которое свыше, и необходимостью ежедневно есть хлебушек… желательно с маслицем… Мы любим жить! Почему мы должны этого стесняться? Мы хотим много радоваться, вкусно и красиво есть, следить за модой, мы хотим любить! Для всех, кто влюблен – полчаса любви на «Лапа-радио!»

Он вообразил, как Алена выключает приемник, и ему стало легче.

* * *

В среду было объявлено «шляпное пати». Аспирин совсем забыл о непременном условии вечера – явиться с покрытой головой, но его актуальная цыпа, Женечка, позаботилась о нем заранее и добыла где-то арабский клетчатый головной убор. Аспирин поторчал немного среди ковбойских, корейских, оперенных и ощипанных шляп, ему стало неловко и скучно. Подвернулась молодая журналисточка, заулыбалась, неумело целясь в Аспирина старомодным диктофоном; будь она чуть поплоше, он послал бы ее по матушке без зазрения совести. Но она была свеженькая, налитая, белки наивных глаз – без единой красной прожилочки; Женечка, притащившая Аспирину клетчатый мусульманский платок, заревновала.

Гудел танцпол под десятками ног. Мельтешили огни. Все-таки у «Фантома» проблемы со стилем, что-то в нем есть от деревенской дискотеки; Аспирин увильнул от Женечки и от этой, второй… как ее? Желание закончить вечер «в постели с Мадонной» сменилось жаждой тишины и покоя.

Снаружи шел дождь.

Уже выехав из переулка, Аспирин вспомнил, что Алена в филармонии. Что до филармонии от «Фантома» рукой подать. И что концерт должен был кончиться минут пять-десять назад.

…Он оказался прав.

Чинная публика расходилась, поблескивали черные зонты, перепончатые, как крылья мастера Дракулы. Под нешироким козырьком у входа стояла, прижимая к груди Мишутку, девочка в мешковатой дешевой куртке.

Он забыл о Мишутке. Как так? Просто вылетело из головы. Но не возвращаться же теперь…

Он подъехал к самому входу.

– Садись. Быстро. Тут стоянка запрещена.

Она нырнула на заднее сиденье.

– Спасибо, – сказала, кажется, искренне. – А то этот дождь…

И уже поздно…

В молчании проехали центр, залитый огнями, все еще людный. Чем ближе к дому, тем чернее делались подворотни, тем жиже становился свет фонарей и витрин.

– Ну и как тебе Шнитке?

Она молчала. Аспирин решил было, что она уже не ответит.

– Знаешь, – сказала девочка, когда он притормозил под мигающим желтым светофором, – когда слушаешь придуманную человечеством музыку… Оно кажется таким… прекрасным. Благородным. Почему?

Проехав перекресток, Аспирин разогнался снова:

– А может, оно на самом деле прекрасно, благородно…

Будто иллюстрируя его слова, прямо перед машиной сверкнул, подрезая, красный «Форд». Аспирин ударил по тормозам. Алену бросило на спинку переднего сиденья. Аспирин повис на ремне.

У «Форда» распахнулись разом три дверцы.

– Едь! – крикнула Алена. – Ехай! Езжай!

«Форд» не давал свободы маневра. Сзади подлетел и притормозил, зацепив бампер, старый «БМВ».

Треснуло боковое стекло. Разлетелось острым градом, застучало по полу, по спинкам сидений. Распахнулась дверца рядом с Аспирином. Его схватили за ворот и потащили из машины:

– Вылазь!

Он заехал кулаком по твердой волосатой морде. На втором ударе руку перехватили.

– С-сука!

От удара сделалось светло, но Аспирин все равно ничего не видел; сзади заверещала Алена.

– Сволочи! Ребенок…

И басовито, на пределе слышимости рыкнул огромный зверь.

В зеркале заметались тени. Завизжал теперь уже мужчина – тонко, как заяц. Что-то шаркнуло по асфальту, что-то выпрямилось во весь рост; силуэт был огромный. Что-то взлетело вверх, как подброшенный тряпичный манекен, пронеслось по воздуху десять метров и шлепнулось оземь.

Затопотали ноги разбегающихся в ужасе людей. Завизжали колеса, дымясь, пытаясь сорваться с места раньше, чем позволяли земные физические законы. Сделалось просторно – как будто и не было впереди никакого «Форда».

Аспирин обнаружил себя лежащим на животе, вниз головой, наполовину в машине, наполовину снаружи. Под ладонями хрустело битое стекло.

Шагах в пятнадцати, на тротуаре, неподвижно лежал очень большой человек, похожий не то на дохлого бегемота, не то на поверженного борца сумо. Свет фонаря омывал его сверху, а снизу расплывалась темная лужа.

«БМВ» торопливо сдал назад.

– Скорее! – кричали над ухом Аспирина. – Что ты разлегся, поехали, быстрее!

Он втянулся в машину. Захлопнул дверцу – посыпались остатки выбитого стекла. Трясущейся рукой взялся за ключ. Завел машину – с третьего раза. Редкие фонари, тусклые огни окон – все поплыло назад.

Аспирина трясло так, что он подскакивал на сиденьи. В зеркальце заднего вида мелькали то блестящие глаза Алены, то плюшевая морда с пластмассовыми пуговицами-гляделками.

В дыру на месте выбитого стекла влетал ветер пополам с дождем. Руль сделался липким от крови из порезанных ладоней. Трясясь и поглядывая в зеркало – нет ли погони, не задумал ли оборотень еще кого-нибудь убить – Аспирин доехал наконец до гаража и нашел в себе силы приветливо поздороваться со сторожем – вот, мол, незадача, то багажник раскурочился изнутри, теперь стекло само по себе вылетело…

Он отпер гараж. Привычное действие успокаивало. Но чтобы окончательно взять себя в руки, Аспирину пришлось бы, наверное, отпирать один за другим сотню знакомых гаражей.

– Он жив? Тот…

– Не знаю, – честно призналась Алена.

Аспирин завел машину в гараж – фары уперлись в противоположную стенку. У стены стояли старый пылесос и древний, с железными уголками чемодан, набитый бумагами того сорта, которые негде хранить и жалко выбрасывать.

Мотор работал.

– Тебе больно? – тихо спросила Алена.

Аспирин только сейчас заметил, что правая половина лица у него значительно больше левой.

– Он… *этот*… убил его? Шею сломал?

Алена набычилась:

– А ты хочешь, чтобы он целовался с ним? Выбросили бы нас из машины, избили, угнали тачку… Это лучше?

– Все хуже! Что теперь делать, ты представляешь?

– А ничего, – беспечно откликнулась Алена. – И не переживай: у тебя руки чистые. Порезанные только. Надо перекисью залить.

Аспирин нашел ее глаза в зеркале:

– Слушай… наш мир тебе не нравится, да? Грязный, да? Что

же ты – пришла со стороны, притащила с собой *этого*… И решаешь тут, кому жить, а кому валяться со сломанной шеей?

– Ну извини, – подумав, сказала Алена. – Я так долго охотилась за этим беднягой, который сто двадцать кило, наверное, весит. Я его выслеживала. Я на него напала. Хотела всего-навсего ограбить и набить морду. Ну, извини.

– А может, это был твой брат? – зло спросил Аспирин. – Твой драгоценный, которого ты ищешь? А?

Ее глаза изменились. Сделались почти пластмассовыми, похожими на Мишуткины зенки:

– Да. Может. Может, это был мой брат… Тогда все напрасно.

И она скрючилась, закрыв лицо медведем.

Аспирин перевел дыхание. Надо было вставать, запирать гараж, идти домой, а до дома, между прочим, тоже минут десять по темным улицам. Надо было что-то делать с разбитым лицом, с порезанными руками – это пока, в состоянии аффекта, он почти не чувствует боли. А что будет завтра?!

– Ты что, брата совсем не помнишь? – спросил он сквозь зубы. – Неужели он может быть… таким?

– Каким угодно, – глухо ответила она из-за плюшевой баррикады. – Молодым, старым… Он ведь перешел грань между… короче, он мог измениться до неузнаваемости. Сменить оболочку. И мог забыть все… скорее всего… забыть себя…

– И превратиться в отморозка?

– Да, – она наконец-то отняла медведя от лица. Глаза, вопреки опасениям Аспирина, были сухие. – Потому что когда… оттуда… попадаешь сюда… и проходит первый шок… хочешь стать хуже, чем этот мир. Это будто месть. Хочешь победить его. Сделать его еще гаже, сделаться самому гадом из гадов… Это будто протест.

– Детский какой-то протест, – пробормотал Аспирин. – «Весь мир дерьмо, и мы должны сделать его еще дерьмее».

– Может быть, – согласилась Алена. – Но все равно… Наверное, это происходит помимо воли. Может, наоборот: это мир мстит. Делает белое самым черным, аспидным, чернейшим на свете…

– А ты? – с беспокойством спросил Аспирин. – Ты тоже будешь… поджидать прохожих на темных улицах? С медведем наперевес?

– Я не стану бороться… соревноваться с миром. У меня есть цель. Надо вывести брата. А он…

Она замолчала.

– А он что? Вообще, ты не могла бы мне объяснить – что твой брат здесь делает? Зачем он сюда пришел?

– Он пришел, – она подбирала слова. – Он хочет… Он, вообще-то, композитор… если ты понимаешь. В широком смысле. Творец. Созидатель. Вот так.

– Творец – хорошее слово…

– Не придирайся! Творец – в смысле тот, кто занят творчеством. Он просто пишет… сочиняет… новое.

– Музыку?

– И музыку тоже. Вернее, сначала музыку, а потом…

– Что потом?

– Ты не поймешь.

– Ага, – сказал усталый Аспирин. – Куда мне. И что ему тут понадобилось? В нашем несовершенном мире, а?

Алена вдруг улыбнулась в зеркале:

– Несовершенном. Правильно. Творчество… возможно… только в несовершенном мире. В совершенном, законченном – нет.

* * *

Выходило так, что ее брат сбежал из рая.

Алена возражала против такой формулировки, при слове «рай» начинала орать и стыдить Аспирина, упирая на то, что он ничего не понимает. Аспирин не сопротивлялся; ему было важно выяснить, хоть приблизительно, картину событий, приведших Алену с медведем в его дом.

Они с братом (и еще кучей народу) жили в прекрасном месте, где им было хорошо и привольно, где не было смерти и не было зла. Брат знал наизусть все старые мелодии (что за смысл Алена вкладывала в слово «мелодия», Аспирин так до конца и не понял: смысл этот был достаточно широк). Но брату хотелось большего – он хотел новых песен.

И сбежал в несовершенный мир, где, по словам Алены, только и возможно творчество.

Малолетний дуралей (Аспирин представлял Алениного брата ее ровесником, в крайнем случае, не пару лет старше) не учел одного: несовершенный мир – не зеленая лужайка, где можно музицировать на дудочке под ласковыми лучами нежгучего солнца. Получилось, будто пацан, желая научиться плавать, в жестокий шторм сиганул за борт корабля.

И потонул, разумеется, сразу.

Взрослые (а в Аленином мире были, оказывается, и *взрослые*) – сочли, что свобода самореализации парня – превыше мелочной опеки. То есть оставили все как есть.

Одна Алена с этим не согласилась. И сбежала вослед – по следам брата. Она тоже не представляла до конца, что ее ждет.

Правда, в последний момент подумала, что без Мишутки ей будет одиноко.

* * *

– Кто тебе опять разукрасил морду? – спросил Вискас.

– Мышка бежала, – Аспирин поправил темные очки, – хвостиком махнула…

Вискас не улыбнулся.

Слушая, как бьется ритм, глядя, как прыгают тени в пятнах фиолетового, синего, ярко-желтого света, Аспирин вдруг почувствовал себя заклинателем змей.

Они в его власти сейчас. Он поддаст драйва, разгонит им пульс, пусть каждый ощутит себя победителем всемирной гонки: тысячи сперматозоидов погибли по дороге, а один-единственный добрался и выжил – лидер! Избранный! Я! А когда они устанут, Аспирин подпустит эротики: изнемогая в объятиях друг друга, они размякнут и потекут, и захотят продолжить гонку за удовольствием, и тогда он снова поддаст им драйва, и настанет – в кои-то веки – всеобщее счастье.

Они никогда не получат «Оскара», не встанут после восхождения на вершине Эльбруса, они, скорее всего, даже не прыгнут ни разу с парашютом. Но чувства, испытываемые ими по воле Аспирина, немногим уступают экстазу дебютанта под шквалом аплодисментов. Он творит им – конструирует, прямо сейчас – не просто развлечение, не просто вечер, но другую, яркую жизнь.

Он шаман большого племени – это почетная должность. Ночные пляски сакральны. И он творец, черт побери, потому что мир несовершенен!

Его охватил кураж – не привычный, профессиональный, как перед выходом на сцену. Нет: подобное чувство испытывали, наверное, гладиаторы, когда поднималась дверь клетки и первый лев выбирался, щурясь, на белый песок арены.

Пот высыхал на висках, стягивая кожу. Пульсировал кровоподтек, замазанный гримом. На танцполе визжали и обнимались.

Из темного угла на Аспирина смотрел внимательный, как кобра, Вискас.

* * *

На другой день, часов в двенадцать, когда Аспирин валялся в кровати, а Алена пилила скрипку, зазвонил телефон.

– Привет, – сказал Вискас. – Можно к тебе зайти?

– Да я тут, – Аспирину не нравился такой поворот событий. – Без фрака, в общем. Сплю.

– А дочка твоя?

– Занимается… А при чем тут дочка?

– Леха, – сказал Вискас. – Давай где-то пересечемся. Где ты гуляешь сегодня вечером?

– Я сегодня не гуляю. Морда набитая не позволяет.

– Тогда я зайду.

– Извини, – сказал Аспирин. – Я в самом деле… сегодня в негостеприимном состоянии.

– Что, совсем? – в голосе Вискаса обнаружились неприятные жесткие нотки.

– А, – смутился Аспирин, – а что?

* * *

– Леша, я с тобой, можно сказать, по-дружески советуюсь… Сперва эти бомбилы, которых у тебя в квартире нашинковали. Которые потом попали в дурку. Теперь… у тебя все стекла в машине целы?

– Витя, я что-то тебя не пойму. А если целы?

Вискас поморщился. Как-то по-собачьи почесал за ухом:

– Да мне ты можешь сказать… Я к тебе ты знаешь как отношусь. Хорошо. Ты – хороший мужик и талант в придачу. И если я вижу, что у тебя неприятности… Не могу просто так смотреть и ждать.

– А почему у меня неприятности?

– Потому что два раза уже… Один раз – ну, сложилось так, случайность, два мужика сразу спятили. А уже другой раз… Ладно, позарились хлопцы на твою тачку. Они не правы, конечно. Но ведь мужика подкинуло, как мячик, сломало шею. Как? Кто? Никто не знает… Тени, мол, чудовища… демоны… Хорошо, что я вовремя прочитал вот это, – Вискас шмякнул на столик перед Аспирином «Запретную правду» полуторамесячной давности.

«Дорогая редакция! Пишет вам Алексей Г. Я знаю, что никто мне не поверит. Скорее, назовут сумасшедшим. Поэтому я не решаюсь написать здесь мою фамилию…»

У Аспирина заложило уши.

– Погоди, Витя, – начал он медленно. – А ты откуда знаешь хлопцев, которые позарились на мою тачку? Кого подкинуло, как

мячик? Кто тебе сказал?

Вискас покачал головой, как бы желая сказать: ну вот, опять ты о мелочах вместо главного.

– Леша, я ведь твои интересы защищаю. Я почти убедил там кое-кого… на тебя лично не обижаться. Ты ведь здесь ни при чем. Правда?

Он перевел взгляд на газету. Прямо над «письмом» помещалась иллюстрация – кадр из третьесортного фильма ужасов.

– Витя, я так деньги зарабатываю, – тихо сказал Аспирин. – Там дальше про клонированных обезьян, которые старушку изнасиловали… Ты ведь не веришь?

Вискас вздохнул. Из-за неплотно прикрытой двери комнаты раздавались размеренные, жестокие гаммы.

– Она живет у тебя? Так и живет?

– Так и… а что?

– Ничего… можно было бы представить, что это ты, вдруг окрутев, рвешь людей голыми руками. Но ведь не ты.

– Значит, медведь? – Аспирин хихикнул.

– Послушал бы человека, который тебе добра желает, – печально сказал Вискас. – Я спрошу – ты можешь отшутиться. А когда тебя серьезные люди спросят – что это у тебя за фигня?

Аспирин разозлился и испугался одновременно:

– Витя, – он говорил шепотом, стараясь не коситься на дверь. – Медвежонок-трансформер – это к психиатру. Тебя же первого твои серьезные люди направят. А вот если на меня еще кто-то наедет – извини. Подумай, как будешь оправдываться.

Вискас нахмурился:

– Не понял?

– Да понял, – Аспирин отвернулся, уже жалея о сказанном. – Если бы те хлопцы набили мне морду и угнали машину – тогда ничего, молодец, Леша. А если… короче, если кто-то еще нацелится на меня или на Алену – я ни за что не отвечаю.

Гамма за дверью оборвалась.

– Дурак ты, Лешка, – печально сказал Вискас. – От кого тебя твоя девчонка защитит? От шпаны только. А если налоговая наедет? А если наркоту найдут? А если посадят? Что тогда?

Аспирин заставил себя посмотреть ему в глаза.

– Ты бы видел, какая у этой девчонки «крыша», – сказал шепотом. – «Налоговая»… «Наркота»… Я бы на твоем месте поостерегся.

Вискас моргнул, и в глубине его непроницаемых гляделок что-то на секунду изменилось.

* * *

– Он в самом деле может причинить тебе зло?

Вискас ушел. Аспирин долго сидел на кухне, вертел в руках опустевший стакан из-под кефира и слушал Аленины упражнения. Сторонний человек, пожалуй, не поверил бы, что эти техничные пассажи выдает девчонка, пару месяцев назад впервые взявшая в руки инструмент.

Потом Алена перестала играть. Пришла на кухню, уселась напротив и сама, первая заговорила с Аспирином – неслыханное дело!

– Он может тебе навредить? Сильно?

– Не знаю, – сказал Аспирин, подумав. – Но, наверное, может. Да. Тебе-то что?

– Ты его боишься?

– Наверное, да, – нехотя отозвался Аспирин и подумал, что теперь в его жизни есть вещи пострашнее Вити Сомова.

– Это из-за нас с Мишуткой?

Аспирин посмотрел удивленно. Алена не насмехалась.

– Что он может? – спросила снова. – Напасть, убить? Мишутка прикроет.

– Меня? – Аспирин хмыкнул.

– Тебя, – сказала Алена тихо. – Ты, конечно, не очень хороший человек. Но если у тебя неприятности из-за нас…

– Я уезжаю, – сказал Аспирин устало. – А вам оставляю квартиру. Делайте, что хотите.

* * *

В четверг он сдал документы в посольство. Ему велели приходить за визой в понедельник.

Он пообедал в кафе. В толпе на улицах – и вообще в открытых людных местах – ему было спокойнее. Правда, нервировал телефон – Аспирин вздрагивал от каждого звонка, злился на себя и все равно вздрагивал.

Позвонила Женечка. Попыталась назначить свидание, но Аспирин ее мягко отвадил. Позвонила мама – та в последнее время трезвонила каждый день, не жалея денег. Будто хоть кому-то могло стать легче от новой серии встревоженных вопросов: «Как ты? Что ты делаешь? Что там вообще у тебя происходит?»

Кончилось тем, что Аспирин выключил телефон.

Успеет он удрать в Англию – или его прижмут раньше?

И что он будет делать в Лондоне? С тамошними ценами его

сбережений хватит ненадолго…

Как поведет себя Вискас? Как поведут себя «серьезные люди»? Может быть, спокойно дадут ему уехать, чтобы не спеша, без помех, заняться Аленой?

Вот тут-то Мишутка им задаст…

Аспирин с раздражением отодвинул переполненную пепельницу. Официантка будто не видела – порхала туда-сюда, вот это сервис, вот это обслуживание, обалдеть!

Можно ли убить Мишутку? Аспирин стрелал в него и попал. Вырвал клок ваты. А если пальнуть из нескольких стволов? А если из автомата? Только опилки посыплются.

Что будет с Аленой, если Мишутку убьют?

Тьфу ты, он думает о нем, как о живом…

Он раздраженно подозвал официантку. Расплатился. Вышел под октябрьский дождь. Поежился, накинул капюшон, раскрыл зонтик.

У кромки притормозила черная машина. Аспирин отшатнулся. Из машины выбрался чиновник средней руки, проскочил под дождем в распахнувшиеся двери офиса; плохо дело, подумал Аспирин. Если я от каждой тени начну шарахаться… И какого лешего, объясните мне? Какого черта?!

В четыре начинало смеркаться. Аспирин был на ногах с раннего утра, сейчас следовало идти домой, но он боялся. А вдруг позвонят в дверь и предъявят корочки? Возьмут тетю Свету в понятые, устроят обыск, выудят из диванной подушки пластиковый мешочек с неназываемой дрянью, достанут ствол из-под обувной полки и обнаружат, что из него стреляли – всего-то месяц назад… И тут же найдется подходящий труп с дырой вот именно от этого пистолета. И окажется Аспирин, с младенчества имевший собственную комнату и с отрочества – собственную квартиру, окажется, избалованный, на много лет в тюряге… За что?

Смогут ли они завалить Мишутку? Он, конечно, чудовище, но даже панические выстрелы Аспирина продырявили монстру шкуру. Аспирин стрелял трижды. Сколько раз попал?

Он снова включил телефон и позвонил домой. Долго никто не брал трубку.

– Алло?

– Привет, – сказал Аспирин, удерживая облегченный вздох. – Что ты делаешь?

– Занимаюсь.

– Никто не звонил, не приходил?

Пауза. Аспирину стало холодно.

– Никто.

– Если кто-то позвонит в дверь, не отпирай. Сиди, будто никого нет дома. У меня ключ.

– Ладно, – если Алена и удивилась, то виду (слыху?) не подала.

* * *

Он отпер дверь неслышно. Ну, почти неслышно – замок все-таки щелкнул, хоть и не очень громко.

Алена играла на пианино. Аспирин прокрался в комнату, не снимая ботинок, оставляя за собой мокрые следы.

Алена сидела на кончике стула. Левая ее рука нависла над малой октавой, под пальцами глухо проворачивался тяжелый, мощный, недобрый механизм (так, во всяком случае, услышалось Аспирину), а правая рука хотела жить и боролась за жизнь. Преодолевая гул невеломых шестерней, выплеталась тема, карабкалась, будто по скользким стенам колодца. В какое-то мгновение Аспирину померещился ля-минорный концерт Грига, но наваждение было секундное: Аспирин никогда прежде не слышал такой музыки, более того, не был уверен, что это музыка, а не что-то другое.

Аленины руки, маленькие, с обгрызенными ногтями, извлекали из фабричного пианино информацию, которой девочка одиннадцати лет не могла, не должна была владеть. Аспирин слушал, по коже бежали мурашки, вода капала со сложенного зонтика на паркет. Алена играла о мире, каким она его видела, и от картины, открывшейся сейчас Аспирину, перехватывало дыхание и трескались губы.

Чугунный механизм, провернувшись в последний раз, затих. Правая Аленина рука упала на клавиши, полежала и соскользнула, будто лишившись последних сил. Девочка, до сих пор сидевшая прямо, вздохнула и сгорбилась, по-прежнему глядя перед собой.

Ни слова не говоря, Аспирин пошел на кухню. Вскипятил чайник, забыл про него и вскипятил еще раз. Вытащил из холодильника колбасу, положил обратно. Заварил себе чая и тогда только увидел, что сидит по-прежнему в мокром плаще и грязных уличных ботинках.

Пришла из комнаты Алена. Остановилась в дверях.

– Что же нам делать? – спросил Аспирин вслух.

Она хмыкнула – насмешливо, буднично, как ни в чем не бывало:

– Получил визу?

Аспирин покачал головой.

– В понедельник… Алена, сколько тебе лет?

Она пожала плечами:

– Одиннадцать.

На кухне снова сделалось тихо. Аспирин и хотел бы заговорить, но слова, обычно изливавшиеся из него без напряжения, сейчас будто все пересохли, заскорузли и встали поперек горла.

– Плащ сними, – сказала Алена. – Натоптал здесь…

Аспирин поднялся, чтобы идти в прихожую, но тут Алена спросила со странным выражением:

– Ты хочешь сказать… ты *видел*, о чем я играла?

– Не видел, – признался Аспирин. – Наверное… чуял.

– Вот оно что, – сказала Алена, и Аспирин снова не понял, что за интонация проскользнула в ее голосе.

– Слушай, – начал он. – Этот… который дал тебе струны. Он тебя защитит, если что?

– Если *что*?

– Ну… враги нападут.

– Если нападут враги, меня защитит Мишутка, – спокойно, как ребенку, объяснила Алена.

* * *

– Ну как же, милые мои, как нам не повезло с погодой! С другой стороны, октябрь – это отнюдь не май, нет! Октябрь уж наступил, уж роща отряхает… буквально все отряхает. Я сегодня видел рощу, которая вообще отряхнула, совсем. И хочется тепла, простого человеческого тепла, и вот мягкое и теплое «Лапа-радио» предлагает вам суперкомфортную, суперосеннюю музыку!

В пятницу он отработал в клубе безо всякого удовольствия, без куража – вытянул сет, как вытягивают тачку по раскисшей глине. В субботу был утренний эфир; время тянулось, средневековое пыльное время. Приторным леденцом тянулась песенка в эфире. Навсегда отбивала у кого-то, молодого и глупого, способность различать полутона и оттенки. Ну и пусть.

Послезавтра ему дадут визу. Не могут не дать. И послезавтра – в крайнем случае, во вторник – он улетит отсюда. Надолго. Может быть, навсегда. Проклятая девчонка со своим медведем все-таки сломала ему жизнь.

Он вспомнил, как она играла, и пропустил свое вступление. Песня давно закончилась, режиссерша матерно ругалась за звуконепроницаемым стеклом, а Аспирин смотрел перед собой

остановившимися глазами и пытался понять: где он? Что с ним происходит?

– Дорогие мои… сегодня суббота. «Лапа-радио с вами». Нам предстоит полчаса любимой народной игры в эс-эм-эски. Первый из вас, кто пришлет сообщение на телефон… погодите-погодите, рано хвататься за трубки… вы еще не знаете, что именно мы хотим от вас услышать. А вы должны всего лишь пораскинуть мозгами и ответить на вопрос: что у акулы в середине? Думаем, присылаем сообщения, победитель получит… а, я забыл, что получит победитель. Погодите-ка… два билета в кинотеатр «Акула». Вот так. А пока вы решаете загадку – «Плакала береза!»

Он приехал домой измочаленный и злой. И, конечно, не обратил внимание на странную бледность и собранность Алены.

После полудня тучи разошлись, и закат получился вполне пристойным. Когда последние солнечные лучи заглянули в кухню, Алена взяла скрипку и ушла, на прощание сказав Аспирину:

– Я скоро.

В субботу у нее не было занятий.

Он увидел из окна, как она идет по двору – подчеркнуто решительно, упруго, будто преодолевая затаенный страх. И, сам не зная зачем, лихорадочно принялся одеваться.

* * *

Он догнал ее на перекрестке у метро. Алена шла, не оборачиваясь, и его не видела.

Она спустилась в метро, и Аспирин за ней. Ситуация была дурацкая, и он не знал, что говорить, если Алена его заметит – но она и гранаты, наверное, не заметила бы, хоть разорвись граната под самым ее ее носом.

Аспирин давно уже не ездил в метро. Он забыл, как тут душно, какие угрюмые и жесткие лица у этих людей – его каждодневных слушателей. Ну, кто еще посмеет упрекнуть его, Аспирина, что он, тупой болтун, делает их жизнь чуточку разнообразнее, капельку ярче?

Алена стояла, прислонившись к двери спиной, хоть на стекле ясно было написано «Не прислоняться». В детстве Аспирин, коротая время в вагоне, любил складывать новые слова из этих белых букв, выходило и «слон», и «рис», и «пир», да много чего выходило, всего и не вспомнишь.

Алена не искала развлечений. Стояла, нахохлившись, прижимая к груди футляр со скрипкой. Аспирин теперь только

сообразил: а Мишутки-то нет! Впервые за много дней Алена вышла из дома без плюшевого друга и телохранителя!

Он огляделся. Все лица в вагоне показались ему подозрительными и недобрыми.

Куда она едет?

Мог Вискас назначить ей встречу, выманить на свидание – без Мишутки? Мог. Что угодно мог. Пока Аспирин трепался в эфире…

От жары и духоты он быстро устал и вспотел. Еще не поздно было подойти к Алене, признаться в шпионаже и вымотать правду. Если удастся, конечно. Не пустить, запугать, силком утащить домой…

А может, все-таки проследить и исследовать, кто и куда ее пытается затащить?

На следующей остановке вагон заполнился людьми почти под завязку. Аспирину приходилось тянуться на цыпочки, чтобы не упустить Алену из виду. Она все так же стояла, съежившись, глядя перед собой – нервничала. Ей тоже было не по себе. Двери вагона снова открылись, завертелся человеческий водоворот, и Аспирин чуть не упустил ее.

Алена кинулась к выходу сломя голову. Аспирин – за ней. Раздраженно, по-старушечьи заругалась девица на шпильках. Аспирин придержал съезжающиеся двери и выпрыгнул на перрон – Алену уносило толпой.

То замедляя шаг, то лавируя среди идущих, Аспирин нагнал ее и пристроился в десятке шагов за ее спиной. Алене стоило оглянуться, чтобы обнаружить слежку, но она не оглядывалась.

Один за другим они вышли из метро и очутились в огромном подземном переходе. Алена шагала все менее решительно. Аспирин был почти уверен, что она раздумает и повернет назад, но Алена тряхнула головой, будто приказывая себе отставить малодушие, и двинулась дальше по подземной кишке – мимо аптечного киоска, мимо входа в закусочную, мимо щекастого парня, торговавшего заводными игрушками (механические котята-монстры истошно вопили, сверкая зелеными лампочками глаз, а солдаты в камуфляже ползли и стреляли). Алена вышла на перекресток, где сходились два подземных человеческих потока, и остановилась у автомата с напитками.

Аспирин тоже встал. Значит, встреча назначена здесь? В переходе, полутемном людном месте, на сквозняке?

Алена присела на корточки и положила скрипичный футляр перед собой на асфальт. Расстегнула куртку. Откинула крышку футляра, вытащила подушку на веревочках и привычным движением повязала на шею.

Аспирин наблюдал за ней, уже догадываясь, что она будет дальше делать, испытывая одновременно облегчение, раздражение и злость. Не было назначено никакой встречи, девчонка просто побирается в переходе со скрипкой!

Алена вынула инструмент. Прохожие шли, иногда поворачивая к девочке голову, Аспирин видел только затылки.

Алена подняла скрипку к подбородку. Взяла смычок. Аспирин впервые заметил, как легко и красиво лежат на смычке ее пальцы.

Она постояла несколько секунд – и заиграла. Аспирин ожидал услышать все, что угодно, но не явно фальшивый, резкий звук, вырвавшийся из-под смычка.

Прохожие шли, ни на что не обращая внимания. Алена опустила руки и постояла так с минуту, может, больше. Аспирин видел – или, скорее, чувствовал – как она пытается унять дрожь в руках и как это у нее не сразу, но все-таки получается.

Она сделала глубокий вдох. Снова вскинула скрипку, провела смычком. То ли пальцы отказывались служит Алене, то ли музыкальный материал, за который она взялась, был слишком сложен, но звуки, разносившиеся под сырыми подземными сводами, вызывали недоумение: казалось, ребенок впервые взял в руки инструмент.

Прохожие шли.

Аспирин отошел в сторону и встал за углом киоска. В отдалении мяукали фальшивые котята и трещали автоматами солдаты-роботы. Шелестели, касаясь асфальта, сотни подметок. Алена водила смычком по струнам, повторяя и повторяя одно и то же сочетание звуков, и вдруг из надсадного ученического скрипа вырвалась мелодия.

Это длилось секунд пять, а может, и все десять. Детская скрипка взревела мощно и страшно. Люди, двумя равнодушными потоками текущие мимо Алены, разом сбились с шага. Кто-то остановился, кто-то оборвал разговор, кто-то уронил на асфальт бутылку пива, и она разбилась, кажется, в полной тишине. Все лица обернулись к девочке со скрипкой, а она играла, подобравшись и сузив глаза, будто лыжник-экстремал.

А потом женщина лет сорока, хорошо одетая, с длинным зонтиком в руках, метнулась к Алене и обрушила зонт ей на голову.

Мелодия оборвалась. Сразу возобновилось движение: кто-то поспешил по своим делам, подчеркнуто суетливо и независимо. Кто-то, наоборот, ринулся поближе: посмотреть. Мужчина в черной куртке подхватил Алену – она устояла на ногах и удержала скрипку, хотя по лбу у нее сразу же побежала струйка крови.

– Вы что?! – рявкнул мужчина. – Да вы что? Сейчас в милицию…

Женщина с зонтом скалилась, как персонаж из фильма ужасов:

– Я тебе покажу милицию! Эту… сучку… эту… дрянь вонючую уберите отсюда! Развелось здесь…

Аспирин подскочил к Алене. Она стояла, очень бледная, с размазанной по лбу кровью, но сознания не теряла и даже, кажется, слегка улыбалась. Аспирин попробовал взять у нее скрипку – проще было бы вырвать кролика из пасти крокодила.

Женщина выкрикнула еще что-то, шипя и задыхаясь от ненависти, а потом вдруг, будто о чем-то вспомнив, кинулась бежать и скоро исчезла в толпе. Кто-то из любопытных, собравшихся у места происшествия, попытался схватить ее за рукав, но она стряхнула с себя поборников справедливости, как матерый секач – вцепившихся в шкуру собак, и была такова.

Мужчина в черной куртке потрясенно обернулся к Аспирину:

– Вот блин!

Аспирин поднял с земли скрипичный футляр. Протянул Алене; та без слов уложила на место скрипку и смычок. Аспирин закрыл защелки, и Алена тут же обняла футляр, как любимую куклу. Аспирин подхватил девчонку за воротник и потащил из перехода – наверх.

Ни о чем не приходилось думать. Все получалось само собой: в аптечном киоске он купил бинтов, поймал такси (хорошо хоть бумажник нашелся в кармане плаща) и велел ехать в ближайший травмопункт. Очереди не было. Хирург, дядечка средних лет, осмотрел Алену (черная сатиновая подушечка все еще висела у нее на шее), обнаружил, что сотрясения нет, просто рассечена кожа головы. Под местной анестезией наложил один шов («косметически») и сделал укол от столбняка. Алена, казалось, вовсе не обращала внимания на боль.

– Ты как солдат, – с уважением сказал дядечка-хирург.

– Если бы, – тихо ответила ему Алена.

Бледная и перевязанная, она выглядела жалко.

* * *

– Зачем ты за мной шел?

Аспирин вздохнул.

– Я думал, тебе назначили встречу. Вискас.

– Кто?

– Тот человек, что обещал испортить нам жизнь.

– А-а-а, – Алена чуть улыбнулась. – Ерунда.

Они сидели на кухне. Раскрытый скрипичный футляр лежал между ними – на свободном стуле. Аспирин присмотрелся: струны у скрипки были… На первый взгляд обыкновенные струны. Металлические. С тусклым серебряным блеском.

– Да, – сказала Алена и прикрыла глаза. – Я поставила *его* струны. Я боялась… короче говоря, у меня чуть-чуть получилось.

– Получилось? – переспросил Аспирин с горьким сарказмом.

– Ты же слышал, – тихо ответила Алена.

Аспирина передернуло.

– Что это было?

– Его песня. Первые несколько тактов.

– А эта сумасшедшая баба…

– Она не сумасшедшая. Ее проняло.

– По-моему, там всех проняло, – помолчав, предположил Аспирин.

Алена покачала головой.

– Понимаешь. Эта песня, если ее правильно сыграть, она… как свет для слепого. И все слепые вдруг понимают, что никогда не видели света – и не увидят, и, самое страшное, никто в этом не виноват, а только они сами. Это для них гадко, отвратительно, они ненавидят *это* – чужое, вредное… Та женщина, она… Ей это, может, физически больно и неприятно – понимать, что могла бы, могла, но не захотела, или побоялась, или пороху не хватило… Понимаешь?

– Нет.

– Эта песня совершенная, – тихо сказала Алена. – Звучит в мире, где совершенства нет.

Тикали часы. Было довольно поздно; где-то в клубе нервничала и злилась Женечка, с коротой Аспирин должен был сегодня встретиться. Звонила ему домой и на мобильный – а он отключил все телефоны, «абонент недоступен», вот так.

– За это она тебя огрела по башке? За совершенство?

– Она хотела, чтобы я заткнулась.

– Могла бы как-нибудь по другому…

– Не могла. Она сама сейчас не понимает, что на нее нашло. Мается.

– Ага. Пожалей ее.

– А что ее жалеть? Она уже завтра решит, что так и надо. Она очень устает на работе, аврал, нервы, экология, слабое здоровье, а тут эти, понаехали тут, нищие, голозадые, антисанитария, строят из себя…

Алена говорила на одном дыхании, легко улыбалась, но Аспирину вдруг стало страшно.

– Откуда ты знаешь? Откуда ты – все это – знаешь?!

Она улыбнулась шире. Ничего не ответила.

Аспирин попытался вспомнить чувство, охватившее его при звуках Алениной скрипки. Наверное, это был все-таки страх. Секундный… как будто приснилась пропасть. Но омерзения, как у той женщины, ненависти, затмевающей рассудок – не было и в помине. Интересно, что было бы, играй Алена дальше?

– Может, налить тебе коньяка?

Алена покачала головой:

– Мне нельзя. Предложи Мишутке меду.

Аспирин поморщился, хотел что-то сказать – и вдруг осекся.

– Ты что, заранее знала, что тебя будут бить?

– Почему ты так решил?

– Ты не взяла Мишутку!

Алена вздохнула.

– Ну, я не знала, честно говоря, что так будет. Я думала, может, кто-то заругается, ну, за руку схватит… А Мишутка – ему ведь не объяснишь.

Она осторожно коснулась рукой забинтованной макушки.

– Болит?

– Отходит анестезия. Ничего.

– Надо анальгина. Или еще чего-то. Как же ты будешь спать?

– Мне надо еще много заниматься, – она будто его не слышала. – Руки… как деревянные. Но если хоть два такта получились правильно…

– Погоди, – Аспирин перестал копаться в пустой аптечке. – А если ты… то есть когда ты все сыграешь правильно – что будет? Все, кто тебя услышит, накинутся на тебя и станут бить ногами, зонтами, арматурой, так, что ли?

Она улыбнулась:

– Ну ты мастер фантазировать.

– Если от двух тактов на тебя накинулась эта тетка!

– Не повезло, – Алена потерла щеку. – Ничего, Леша. Мне главное – научиться это хорошо играть. Мне главное – сыграть песню от начала до конца и ни разу не сбиться.

Аспирин уселся перед ней – и снова встал.

– Послушай, а нет другого способа найти твоего брата? Если человек берется из ниоткуда, как… как ты, например, – это же заметно? Может, поискать какую-нибудь хронику, да хотя бы просмотреть газеты тех месяцев – о чрезвычайных происшествиях. Может, он в больницу попал, или… в сумасшедший дом, например. Или хоть в детский приют. Ты же говорила, что он может быть какого угодно возраста? Может, он вообще младенец, вроде подкидыша, ну почему бы не попытаться поискать его

другим способом, без этих твоих… струн?

– Это не мои струны.

– Хорошо. Это *его* струны. Кстати, я не понимаю, почему *он* так легко нашел здесь тебя – а брата найти не может?

Алена снова коснулась рукой макушки. Страдальчески сжала губы.

– Я тебе все рассказала, Алеша. Все честно. Просто ты не совсем понимаешь. Мой брат… он, может, здесь старый старик, и не взялся он ниоткуда, а прожил жизнь и помнит. И дети у него, внуки, жена – все помнят. Он помнит еще войну… как в подвале прятались от бомб… все помнит, кроме того, кто он на самом деле и зачем попал в этот мир. Ничего не дадут твои газетные хроники.

Неужели это правда, подумал Аспирин. Неужели я сижу на собственной кухне и вот так, запросто, болтаю с Аленой об этом мире, о том мире, о переходах туда-сюда и временных парадоксах, которые при этом возникают?

– Я пойду за анальгином, – сказал он обреченно.

– Он вспомнит себя, когда услышит песню, – сказала Алена, думая о своем.

– Услышит? А если его не будет рядом? Если он за тысячи километров?

– Он здесь, – Алена перестала улыбаться. – Я ведь шла по той же дороге. Он обязательно здесь, рядом.

– Ты думаешь, в том переходе весь город тусуется? Да если бы и так… Тебе с утра до ночи пришлось бы играть эту песню, чтобы он услышал!

– Нет. Если я сыграю – один раз, но только без ошибок – он явится, где бы он ни был.

Аспирин умылся из кухонного крана. Вдруг замер, пораженный.

– А сколько длится эта песня, а? Если ее играть от начала до конца?

Алена молчала.

– Сколько? – спросил Аспирин и сам себя не услышал.

– Сто семьдесят три минуты, если в хорошем темпе, – понуро сказала Алена. – Я же говорю, Алеша, мне еще учиться и учиться, а ты… «Сколько можно пилить свою скрипку»…

– Извини, – пробормотал Аспирин.

* * *

– Добрый вечер, – сказала соседка Ирина. Судя по всему, она

только что вернулась с улицы: на ней был теплый спортивный костюм и тапочки. В углу прихожей стояли грязные мокрые кроссовки.

– Извините, – начал Аспирин. – Это уже стало доброй традицией… вернее, глупой традицией, но Алене нужен анальгин, а у меня опять нет.

Ирина вздохнула. Хотела сказать, наверное, как это безответственно: воспитывать ребенка и не иметь в аптечке элементарных средств. Не сказала, спасибо ей, просто прошла на кухню и через минуту вернулась с аптечной упаковкой.

– Спасибо, – горячо поблагодарил Аспирин. – Я верну, честное слово. И у себя заведу. Просто так получилось неожиданно…

– А что с Аленой?

– Голову разбили.

– Как?!

Аспирин замялся.

– Ну, знаете… дети, бывает. Мы уже были у врача, сотрясения нет, так что…

– Алена очень своеобразный ребенок, – пробормотала Ирина.

– Вы тоже заметили?

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза.

– Как у вас вообще? – неловко спросил Аспирин. – Как… жизнь?

– Да так. Обыкновенно. Работаю.

– Бегаете? – Аспирин кивнул на кроссовки.

– Да, – отстраненно сказала Ирина. – Надо, понимаете, держать форму. Бегаю. Ну, вы идите к Алене, надо же дать ей лекарство.

– Иду, – Аспирин отступил за дверь. – Спасибо. Вы, это… звоните, если что?

– Если *что*? – переспросила она насмешливо.

– Да так, – повторил Аспирин. – Звоните.

* * *

Алена сматывала струны. Две уже лежали в пакетике, третья извивалась в Алениных пальцах. Четвертая, на опустевшей скрипке, ждала своей очереди.

– На, – он протянул таблетку и стакан воды.

Алена выпила.

– Как она там? – спросила, сворачивая струну в кольцо.

– Ирина? Бегает.

– Это плохо.

– Это хорошо, – неуверенно возразил Аспирин. – Здоровье, форма…

– В десять часов вечера? В темноте, под дождем?

– А ты откуда знаешь, что в темноте и под дождем? – у Аспирина больше не было сил удивляться.

– Я видела вчера, – Алена повернула колок, освобождая последнюю, четвертую, струну. – И позавчера. Она бегает по вечерам вокруг дома.

– Может, у нее нет другого времени…

– Нет. Просто ей особенно хреново по вечерам, – отрезала Алена.

* * *

В понедельник ему дали визу.

Он сунул паспорт в нагрудный карман и вышел на улицу, где падал с неба уже не дождь, а первый беленький и слякотный снег. Дело было за малым – успеть на рейс. Или, в крайнем случае, взять билет на завтра.

По дороге домой он напряженно раздумывал: просить Ирину присматривать за Аленой? Или не просить? Разумеется, соседка потребует объяснений: как он, отец, может бросать одиннадцатилетнюю дочь одну?!

Нет, пожалуй, лучше не связываться. Если что – Алена сама позвонит ей и попросит о помощи. Ирина не откажет.

От этой мысли ему стало легче: в каком-то смысле Ирина для Алены даже надежнее, чем он, Аспирин. Его вечно не бывает дома, он ничего не понимает в девичьей одежде, привычках, у него элементарных лекарств в доме нет. Он оставит ей денег, она девочка хозяйственная…

А если потеряет ключи?

Раньше ведь никогда не теряла…

А если прорвет кран?

Ну, прорвет так прорвет. Алена вызовет слесаря. А он, Аспирин, будет позванивать иногда – спрашивать, как дела. В конце концов, есть Ирина, она живет одиноко, почему бы ей не позаботиться о такой же одинокой девочке?

Рана на голове… Алена говорит – «Ерунда», она упрямая, как осел, и гордая, как гранитный памятник. Но разве Аспирин – фельдшер? Он и себя-то в такой ситуации не знал бы, как лечить. Чем он может помочь ей? Вот если бы Ирина…

Здороваясь с консьержем Васей, Аспирин уже точно знал, что

полетит не сегодня, а завтра. С утра отбарабанит эфир. А от «Куклабака» отмажется. Пусть Вискас кусает локти.

Хотя – зачем кусать локти, если можно прийти в опустевший дом и взять Алену с Мишуткой? Смешно сказать даже, спецоперация: захват девочки и плюшевого медведя…

Десяток искромсаных трупов – и все. Игрушечный зверек будет нейтрализован.

А кто станет искать Алену, если она вдруг пропадет? Никто. Скажут – уехала к матери в Первомайск.

Что за бред. Зачем им ребенок? Что они будут делать с ребенком? Кто и ради чего возьмет на совесть такой грех? Когда Мишутка превратится в раскуроченный комок ваты…

Он тряхнул головой. Яркое воображение – для современного человека неудобство и бич.

Дом был пустой – по понедельникам Алена ходила на занятия, и такая мелочь, как рассеченная кожа на макушке, не могла ее, конечно, остановить. Не снимая плаща и ботинок, Аспирин уселся перед пианино. Открыл крышку.

Он проучился в музыкалке четыре года – три класса плюс нулевка. Дальше дело застопорилось – как родители ни уговаривали, Лешенька костьми ложился за право быть свободным. Иногда, когда приходила охота, садился к инструменту и подбирал мелодии, а через год его взяли в школьный ансамбль, почему-то барабанщиком. И понеслось…

Он взял один за другим пару аккордов, безжизненных и тусклых. Если бы у него была такая сила воли, как у Алены – смог бы он сделаться музыкантом?

Не исключено, что и смог бы. Только зачем?

Он попытался восстановить пьеску, с детства засевшую у него в памяти: «В садике». Он не помнил ни автора, ни нот. Мышечная память извлекла из инструмента несколько веселеньких тактов, Аспирин устыдился того, как пошло они звучат, и убрал руки с клавиатуры.

А может он, Леша Гримальский, и есть Аленин потеряный брат? Забывший себя, забивший на «творчество», такой вот балованый, внезапный братишка?

Он не удержался и захихикал.

Повернулся в скважине ключ. Вошла Алена – в руках футляр со скрипкой и нотная папка, за спиной ранец с медведем, из-под шапочки выглядывает край бинта, лицо бледное, глаза упрямые. Увидела Аспирина перед фортепиано. Удивилась.

– Ты чего?

– Привет, – сказал Аспирин.

– Привет… Дали тебе визу?

– Ага.

– Поздравляю, – сказала Алена после коротенькой паузы и принялась раздеваться в прихожей.

– Алена… – он хихикнул.

– Что? – она остановилась в дверях.

– А я могу быть твоим братом?

– Мог бы. Как любой другой, – она ответила сразу же, без паузы, без малейшего удивления. – Я об этом думала.

– Так может, это я и есть? И мы с тобой, взявшись за руки, теперь пойдем в прекрасное далеко?

– Вряд ли, – Алена повесила папку на ручку двери. – Когда ты летишь?

– Завтра. Погоди: ты сказала «мог бы»? А теперь не могу?

– А теперь я сопоставила кое-что, – Алена говорила подчеркнуто сухо, по-взрослому, – и поняла, что нет. Это не ты.

– Что, я не похож на падшего ангела?

– Совершенно не похож, – Алена надела тапочки. – И я тебе сто раз говорила, что мой брат – не падший ангел.

– Жалко, – сказал Аспирин.

Алена вошла в комнату и выжидательно уселась на диване. Аспирин со вздохом поднялся и поплелся на кухню.

День, и без того коротенький, терялся в сером мареве. Снега не предвиделось – дождь тянулся и тянулся с неба серыми паутинными лентами. На углу загорелся фонарь, и капли на секунду вспыхивали, пролетая сквозь опрокинутый нимб его рассеянного света.

Аспирин посмотрел вниз.

Мимо фонаря пробежала, рассекая лужи кроссовками, женщина в спортивной куртке с низко надвинутым капюшоном. Мерно ступая, не торопясь и не сбавляя темпа, она прошлепала по асфальтовой дорожке и завернула за угол дома, только Аспирин ее и видел.

Он вспомнил слова Алены: «По вечерам ей особенно хреново». Но сейчас был еще день, часа четыре, не больше. Из комнаты доносилась уверенная, жесткая, какая-то механическая гамма.

* * *

– Этого хватит месяца на три, – сказала Алена, тщательно пересчитав деньги.

– Если постараться, – сказал Аспирин, неприятно пораженный, – то и за день потратить можно. Так ведь?

– А счета оплачивать? – Алена сложила купюры стопкой. – За квартиру каждый месяц, за телефон, за свет… Я могу, конечно, свечек купить, но холодильник – он же все равно энергию потребляет?

– Какая ты практичная, – пробормотал Аспирин. – Вот как это у тебя получается? Если ты пришла из другого мира – ты должна витать в облаках!

Алена усмехнулась. Аспирин отлично знал эту ее усмешку – желчную, взрослую, неприятную.

– У меня нет больше наличных денег, – сказал он, сдержавшись. – Я тебе потом… вышлю.

– А получать я буду в банке по свидетельству о рождении, так?

– Ну не плати за квартиру! – взорвался Аспирин. – Пусть отключают телефон – зачем тебе?

* * *

Был вечер, восемь с копейками. Гудела водопроводная труба у соседей. Вокруг дома бегала, надвинув на лицо мокрый капюшон, Ирина – она то уходила, чтобы отдохнуть, то опять возвращалась и трусила вокруг дома, Аспирин поражался ее выносливости – он сам упал бы без сил уже после пятого круга.

На дне маленького чемодана лежали непочатые, скрепленные этикеткой носки. Аспирин бродил по квартире, перекладывая вещи с места на место, не находил нужного, а найдя, тут же снова терял. Алена играла гаммы: пятый час подряд, то жестко, то мягко, то вкрадчиво, то свирепо. Страшная сила, жившая в этой хлипкой на вид девчонке, пугала Аспирина – и все больше завораживала.

Зазвонил телефон. Аспирин вздрогнул.

– Алена! Возьми! Скажи, что меня нет, я в командировке!

Гамма оборвалась.

– Алло. Добрый вечер. Нет, его нет, он в командировке. Не знаю. Не знаю. Что ему передать? Хорошо. До свидания.

– Кто это был? – спросил Аспирин, переводя дыхание.

– Евгения, – Алена снова взялась за скрипку.

Закурлыкала мобилка. Аспирин отыскал ее в кармане плаща и, скользнув взглядом по Женечкиному номеру, нажал отказ.

– Если ты не хочешь ни с кем говорить, выключи, пожалуйста, телефон, – сказала Алена. – Мне мешает.

Аспирин взял трубку, чтобы выполнить Аленину просьбу – трубка разразилась звонком у него в руках. Он почувствовал себя

незадачливым сапером.

– Возьми… пожалуйста!

Алена возвела глаза к потолку, но спорить не стала.

– Алло. Добрый вечер. К сожалению, его нет дома. Он в командировке. Не знаю. Что ему передать? Хорошо. До свидания.

– А это кто? – взяв трубку у Алены из рук, Аспирин отключил звонок.

– Редактор журнала «Люли-леди».

Аспирин и думать забыл о заказной статейке, за которую уже получил аванс. Бездумно вытащив из шкафа костюм на плечиках, он бросил его поверх раскрытого чемодана и сел рядом на угол кровати.

Аленины упражнения возобновились. Аспирин подумал, что бесконечные этюды и гаммы, прежде раздражавшие его, теперь почти успокаивают. Пока она играет – у него лучше работают мозги. Может, привычка?

Надо было укладывать чемодан и думать о завтрашнем дне, но Аспирин, чья голова с каждой секундой все более прояснялась, сидел, опустив плечи, и вспоминал Ольку, одноклассницу, с которой они целовались в школьной подсобке. Олька сейчас в Америке, и у нее все хорошо.

И у Аспирина все хорошо. За исключением того, что он мерзавец и трус, жизнь его пошла вразнос, и неизвестно, чем кризис закончится. Нет, родители его не оставят – натыкают носом в лужу, как нашкодившего щенка, да и пристроят где-нибудь, благо с английским у Аспирина всегда было о-кей…

Он взял со стола бритвенный прибор в кожаном футляре – подарок отца на день рождения – и положил в чемодан поверх костюма. И в этот момент решил вдруг не ехать в Лондон. Вот просто не ехать, и все.

Разве он виноват в чем-то? Разве он задолжал кому-то денег? Разве он с кем-то ссорился? И кто такой Вискас, чтобы запугивать ди-джея Аспирина, человека вполне известного и любимого тысячами людей?

Он никуда не поедет!

Свалилась с плеч тяжелая гора. Аспирин представил, как изменятся глаза Алены, когда он сообщит ей о своем решении. И он встал, чтобы пойти и обрадовать ее, но в это время грянул дверной звонок, и Аспирин покрылся мурашками с головы до пят.

Может, это Ирина? Или консьержка тетя Света? Или почтальон?

Почему не улетел сегодня, ведь мог же, мог! Была в мышеловке щелка – не выскользнул, замешкался, протормозил!

Алена играла. В дверь позвонили снова – длинно и

требовательно.

Аспирин поднялся. Вышел в прихожую. Посмотрел в дверной глазок.

Прямо перед ним, почти закрывая прихожую, зависло чье-то развернутое удостоверение.

– Держи медведя! – сдавленно прошептал Аспирин. – Держи… Скажи ему – фу! Нельзя!

Скрипка в гостиной умолкла.

* * *

Вошло человек десять – в бронежилетах и черных масках, как будто Аспирин был не ди-джеем, а по крайней мере беглым олигархом. Никаких понятых не нашлось и в помине – видимо, со времен фильма «Следствие ведут знатоки», любимого Аспирином в раннем детстве, процедура задержания бандитов несколько изменилась.

– Гримальский? Вы задержаны.

– На каком основании?

– Вам объяснят.

На запястьях защелкнулись наручники.

В квартире запахло чужим потом и куревом. Люди с автоматами рассыпались, заполоняя все, будто собираясь занять здесь круговую оборону. Обладатель корочек, единственный в этой компании, кто не прятал лицо под маской, остановился над раскрытым чемоданом:

– Далеко собрались, Алексей Игоревич?

Захлопнулась дверь. Аспирин не мог понять, сколько минут прошло с начала «операции»: три? Тридцать?

– Алена! – позвал он хрипло. – Держи…

Мишутка сидел на диване, глядел на пришедших пластмассовыми гляделками и не делал попыток к сопротивлению. Ни малейших. Смирная пушистая игрушка.

Рядом с Мишуткой сидела, склонив перевязанную голову, Алена. Не обращала ни малейшего внимания на творившийся вокруг кошмар. Аспирин не сразу понял, чем она занята: Алена меняла на скрипке струны.

Она решила волшебной песней увести черных мордоворотов в страну добра и любви? Прямо сейчас?

– Алена, позвони Ирине… Потом… Пусть она… – голос у него срывался.

Алена и виду не подала, что слышит его. Ей никак не удавалось протолкнуть струну в дырочку на колке.

– Идемте, Гримальский. Надевайте куртку.

– Подождите! Здесь больной ребенок, я должен…

Его ткнули в живот костяшками пальцев – несильно. Аспирин обмер от боли и согнулся пополам; его потащили в двери, он видел плитки пола собственной прихожей – домашние, знакомые плитки, часть нормальной жизни, которая была так бездарно просажена, и, возможно, потеряна навсегда.

– Вы не имеете права! – просипел он на остатках дыхания.

Алена настраивала скрипку. Аспирину был знаком этот звук – он много раз слышал его еще в детстве. Когда родители водили его на «Лебединое», и перед началом балета в оркестровой яме…

Он ухватился скованными руками за дверной косяк:

– Подождите!

Его ударили по пальцам, и в эту секунду зазвучала мелодия.

Это была совсем другая музыка, не та, что Аспирин слышал в переходе. Не громко, не сильно, подчеркнуто сдержанно, зловеще; Аспирин сполз на пол, но никто больше не стал его бить.

Пальцы, державшие его за воротник рубашки, разжались.

Не переставая играть, Алена вышла из комнаты в прихожую. Аспирин увидел ее лицо: суженные злые глаза. Крепко сжатые губы. Две яркие нервные кляксы на белых щеках.

Его накрыла волна животного ужаса. Он закричал, как заяц, рванулся и, не обращая ни на что внимания, кинулся к себе в комнату, в убежище, под кровать.

И стало темно.

* * *

– Алеша?

Аспирин приподнялся на локтях. Руки у него были скованы наручниками, он лежал под кроватью в дальнем углу.

– Алеша? Как ты?

Аспирин глубоко вдохнул и выдохнул. Закашлялся. Голова, будто чугунная, тяжело клонилась к полу. При каждом «кхе» перед глазами вспыхивали белые звездочки.

– Они ушли, – сказала Алена. – Как ты?

Опираясь на локти, он выбрался из-под кровати. Алена, еще бледнее чем обычно, сидела перед ним на полу.

– Я сыграла им, – она улыбалась, она гордилась собой. – У меня получилось. А тебя заодно накрыло, ты извини.

– *Что* ты им сыграла? – прошептал Аспирин, чувствуя, как трескаются губы.

– Страх. Это сыграть проще простого.

Аспирин закрыл глаза. «Дыра в мироздании»? Ее больше нет. Он по другую сторону дыры, выпал, как из рваного кармана, в иную реальность. В этом нет ничего удивительного. Обычное дело.

– И что они сделали?

– Разбежались. Алеша, а кто они такие, вообще-то?

– Не знаю, – честно признался Аспирин и посмотрел на скованные руки. – У тебя в репертуаре нету песенки, чтобы размыкать замки?

* * *

– Доброе утро, дорогие соотечественники, братья и сестры «Лапа-радио»! С вами снова ди-джей Аспирин, а вы не ждали, правда?

Он явился на эфир, опоздав не больше обычного. Уселся в кресло, не снимая плаща. Надевая наушники, чуть поддерул рукава. Все, кто был в этот момент по другую сторону стеклянной стенки, выпучили глаза: на запястьях Аспирина болтались, как браслеты, половинки наручников.

– Аспирин! – сказала Юлька, когда в эфир полилась очередная песенка. – Ты че?!

– Тусовался с мазохистами, – отозвался Аспирин, не моргнув глазом. – Там какая-то дура ключи от наручников потеряла. Так что, эфир из-за этого пропускать?

– Ты че… серьезно?

Он улыбнулся, обнажив зубы.

– …Да, милые мои, я знаю, среди вас есть и те, кто не ждал меня сегодня в эфире. Вот такого эфирного, эфемерного Аспирина. А я с вами, чтобы вам было легче и веселее в этот день. Легче и веселее понять, что не надо совать лапу в гнездо с осами. Мало ли что может случиться с мишкой. Я здесь, с вами, мои милые, давайте подумаем немного о жизни, о том, как нам жить дальше – подумаем и послушаем Валерию!

Полночи Алена пилила наручники ножовкой. Ее руки, неутомимые, если дело касалось скрипки, оказались очень слабыми и нежными в борьбе за освобождение от цепей.

…Сыграть «страх» – нечего делать. Все равно, человеку ли, зверю. Даже на паре струн… В спешке Алена не успела сменить все струны на скрипке и нервничала из-за этого, но оказалось, что и двух *его* струн – ре и ми – вполне хватило.

Почти все мелодии, одинаковые для людей и собак, например, Алена уже освоила. Почему раньше не говорила? Повода не было. Вообще, знаешь, странно как-то ни с того ни с сего играть человеку страх.

– А если сыграть на перекрестке? Там, в переходе?

– А зачем?

– Но в принципе это возможно?

– Почему нет?

Алена отдыхала, заново обматывала руку кухонным полотенцем (чтобы мозолей не было) и бралась за работу. Противно повизгивала ножовка – Аспирин чувствовал себя

узником, застрявшим в темнице надолго и с потрохами.

Идея оставить квартиру и бежать куда глаза глядят – такая естественная в первые минуты после извлечения из-под кровати – была решительно отвергнута Аленой. И сам Аспирин, сжав зубы, признался – паникует. Когда паниковать, в общем-то, поздно.

Ждать повторного визита молодчиков в масках? Алена ухмыльнулась. Она была уверена, что уж сегодня-то, во всяком случае, бояться их не стоит. Пока поймут, что случилось, пока сменят мокрые штаны, пока посмотрят друг другу в глаза… старшие и младшие по званию… Пока доложат начальству… или не решатся доложить, а начальство станет требовать и злиться. Пока все эти телодвижения не будут проделаны – нового ареста Аспирин не дождется. Ну, не станут же они сбрасывать бомбу сразу на весь дом?

– Откуда ты знаешь? – сумрачно спрашивал Аспирин. – Откуда ты вообще что-то о них можешь знать? Я, например, в догадках теряюсь, из какого они ведомства, и кому подчиняются, и что на меня имеют…

– Забудь, – пренебрежительно говорила Алена. – Больше тебя не тронут.

– С чего ты взяла? Ты понятия не имеешь о правилах этой игры! Теперь-то как раз…

– Ты уверен?

– Да ни в чем я больше не уверен!

Вжик-вжик, ездила ножовка, и на пол кухни летел нежный, как пудра, металлический пушок.

– Значит, ты можешь вот так, запросто, сыграть страх кому угодно? И всегда это могла?

– Не всегда. Научилась.

– А что еще ты можешь сыграть, волшебная девочка?

– Радость. Грусть. Сильные чувства, но без оттенков. Плоские, как у животного.

Она покачивала головой в такт движения пилы. Из-под повязки на затылке выбивался изрядно отросший хвостик русых волос.

– Давай поменяемся, – глухо сказал Аспирин. – Ты держи пилку, а я буду наручниками ездить взад-вперед… Вот елки-палки, а ведь неприлично получается!

– Ничего неприличного, – Алена на секунду подняла глаза. – Просто ты привык везде видеть пошлость. Профессионально.

Аспирин обиделся молча. У него не было сил ругаться – да еще будучи скованным наручниками. Да после всего, что случилось.

Зависла долгая пауза.

– Значит, ты всемогущая, – сказал Аспирин сквозь зубы. – И ничего тебе не страшно.

Алена понурилась.

– Значит, ты этой тетке, которая тебя огрела, могла сыграть, например, приступ раскаяния… или, по крайней мере, внезапный бурный понос!

– Раскаяние я не могу играть, – равнодушно отозвалась Алена. – Не умею.

Аспирин перестал елозить цепью по ножовке. Устало сгорбился на стуле.

– И потом, – добавила в тишине Алена, – немножко трудно играть, когда по голове стукнули. Неудобно.

Аспирин проглотил слюну.

– Давай опять я буду резать, – сказала Алена. – А то ничего не получается.

И снова заскрипела в тишине ножовка – вжик-вжик.

– Что ты еще можешь сыграть?

– Давай поставим так вопрос, – Алена не отрывалась от работы, – что *возможно* сыграть на его струнах и что могу *я*? Потому что я ведь с каждым днем могу все больше. Потому что *его* песня, которая нужна мне, чтобы найти брата – самая сложная из всего. Почти то же самое, что сыграть человека… Тебя, например.

– Что?!

– Да. Можно сыграть человека целиком. Только нужен большой оркестр, и, конечно, я никогда не научусь играть человека, даже самого простенького.

– Человека не научишься… а эту песню, сто семьдесят три минуты, научишься?

– Научусь, – сказала Алена очень тихо и упрямо. У Аспирина ни с того ни с сего закололо в груди.

– А любовь ты можешь сыграть?

– Похоть. Запросто.

– Любовь, Алена. Знаешь, что это такое?

Она усмехнулась, не поднимая головы:

– Ты имеешь в виду книжное понятие. Та любовь, что в журнале «Люли-леди», вообще не играется. Потому что это не чувство. Это так, карамельный бантик, пустое слово.

Аспирин еще подбирал слова, когда ножовка в последний раз сделала «вжик», и цепочка от наручников распалась.

– …Так вот, дорогие мои слушатели, что я хотел вам сказать. Мы все сейчас на работе, все хотим удобства и комфорта, и мечтаем об отдыхе, и не знаем одного: музыка бывает куда интереснее, чем мы обычно думаем. Вот представьте, вы

приходите вечером из офиса, холодильник пустой… что вы делаете? Вы берете скрипочку… или губную гармошку… и играете себе, к примеру, пиццу. Это если у вас нет музыкального образования и слон на ухо наступил. А если не наступил – вполне можете сыграть судачка в белом соусе, жюльенчик с грибами, попугая ара, запеченного с кактусами, да что хотите! А если вы особенно продвинутый пользователь – можете сыграть себе женщину, да такую, что прямо вдребезги! Взахлеб! Представляете? А теперь представьте, что такое споет нам Верка Сердючка, у которой сердечко тук-тук-тук? Каковы могли бы быть материальные, так сказать, результаты ее песни? Вообразили? Нет? Тогда слушайте!

Он вытер губы платочком. Микрофон был весь заплеванный. Любовь, тук-тук-тук, карамельный бантик…

(– Ты, волшебница, можешь сыграть смерть? – спросил он вчера ночью, безуспешно ковыряясь шилом в замке наручников.

– Отстань. Я спать хочу, – Алена поднялась. – Знаешь, какой у меня самый страшный сон? Что струна рвется. Дзинь – и все).

– …Так, дорогие друзья, мы имеем звонок, звоночек, у нас на проводе Тома. Томочка, доброе утро! Что вы хотите нам всем сказать?

– Хочу сказать, что я очень люблю своего парня, – забубнил растерянный молодой голос. – Его зовут Слава. Ну, и чтобы мы с ним поменьше ругались…

У Аспирина в кармане беззвучно задергался мобильник. Затрепыхался, как пойманная рыбка.

– «Поменьше ругались» – отличная мысль, Томочка! Вся философия любви в двух словах! Если бы вы не ругались совсем – я лично очень усомнился бы в крепости ваших чувств, потому что милые, чтобы тешиться, обязательно должны браниться, а не бьет – значит не любит!

Болтая, Аспирин вытащил телефон. Посмотрел на табло: номер Вискаса.

Продрал по коже привычный уже мороз. Уходя, Аспирин едва удержался, чтобы не попросить Алену – с Мишуткой и скрипкой – сопровождать его в студию. В качестве телохранителей.

Удержался. Отправился один, на кураже – будучи абсолютно беззащитным.

– Для вас, Томочка, и для вашего офигительного Славы поет Се-ре-га!

Телефон все дергался и вибрировал. Аспирин, весь подобравшись, нажал «Ответ».

– Алло.

– Леша, надо встретиться, – очень серьезно сказал старый

друг.

Аспирин молчал.

– Не ссы, – вдруг по-дружески предложил Вискас. – Ты везунчик. Ты даже не понимаешь, Аспирин, какой ты везунчик.

* * *

– Эта твоя девчонка – гипнотизер, куда там Месмеру.

Они сидели в полутемном кафе и дышали дымом. Витя Сомов, знаток дорогих сигарет и фанат курительных трубок, в минуты душевного напряжения всегда выуживал откуда-то пачку вонючих папирос.

– Цыганки-гадалки отдыхают, граф Калиостро идет в сад, Кашпировский нервно курит на лестнице… Да она бы миллионершей могла стать хоть завтра. Миллиардершей. А может, уже.

– Погоди. Когда мужика подбросило в воздух и шмякнуло об асфальт – это что, результат гипноза? Да ладно… когда меня самого приложило о елку так, что я отключился, – это гипноз?

– Да, Леша. Да. И открываются раны, и течет кровь, и слышатся голоса… Девка сама не ведает, что творит, у нее легкая форма дебильности в медкарточке прописана.

Аспирин поперхнулся:

– Что?!

Вискас махнул рукой:

– Были мы в городе Первомайске. Мать, Кальченко Любовь Витальевна, два года как на заработках в Португалии, и оттуда нет ни слуху ни духу. Там же и отчим, и младшую дочь они увезли с собой. Алену Алексеевну оставили прабабке – слепой, глухой, восемьдесят два года ей. Бабка за внучкой, конечно, не уследила. Тем более что внучка всегда была со странностями. Училась в специнтернате для детей с пороками развития.

– Алена?!

– Гримальская Алена Алексеевна, девяносто пятого года рождения.

Аспирин помотал головой:

– Ерунда. Какие пороки развития…

– А пороки, Леша, бывают разные.

– Совсем взрослый, развитой ребенок…

– И ходит с медведем? – мягко спросил Вискас. – У меня племянница того же возраста, так ей уже танцы-манцы, помада, пацаны. А те байки, которые она тебе рассказывала? Это нормально?

Аспирин молчал.

– Из интерната она исчезла на каникулы в конце мая, – серьезно продолжал Вискас. – И первого сентября не нашлась. Бабка – в несознанку. Какой с бабки спрос? У тебя девка появилась – когда ты сказал?

– В августе. Тринадцатого числа.

– Ага. Значит, два с половиной месяца ее где-то носило. Летом беспризорщина отправляется гулять.

– Витя, она пришла в чистой футболке и очень чистых носочках. У нее вообще пунктик по части аккуратности. Какая беспризорщина?

Вискас выпустил струю вонючего дыма – точь-в-точь небольшой химический завод.

– Какой гипноз?! – Аспирин говорил громче, чем хотел, и хорошо, что в кафе было пусто. – Собаку кто порвал пополам? Или собаку до того загипнотизировали, что она сама треснула?

– Не собаку, а тебя, – тихо сказал Вискас. – Ты *видел*, что ее порвали. А на самом деле ее, может, просто отозвали те малолетние идиоты. Поняли, что дело плохо – Шарик, иди сюда, и все такое.

– Абель, – сказал Аспирин.

– Что?

– Собаку звали Абель. Я запомнил.

– Молодец, – Вискас усмехнулся. – А знаешь, я ведь перед тобой виноват. Когда ты меня позвал – в тот самый первый раз – я ведь поверил ей, а не тебе. Хотя тебя я давно знаю, а ее, соплячку, в первый раз видел. Вот же черт, как она все обставила!

– Кто порезал тех бомбил в моем доме? Я своими глазами…

– Им внушили, что на них напало чудовище. Может, они, защищаясь, друг друга порезали. А может… Ты знаешь, что если утюг приложить – ожог будет, хоть утюг и холодный? Ты знаешь, как у людей после тех сеансов рубцы рассасывались, седые волосы снова чернели – слышал о таком?

Аспирин взялся за голову. Перед глазами качнулись обрывки распиленной цепи наручников.

– Ой блин, – сказал Вискас. – Ты так и ходишь?

– А толпе что-то внушить в одну секунду, привлечь внимание… целой толпе народу… В переходе, где никому ни до кого… Так, чтобы приличная баба кинулась драться?

– Когда? – Вискас нахмурился.

Аспирин рассказал. Вискас закурил новую папиросу, сокрушенно покачал головой:

– Во дает девка. Ей стадионы собирать – мало будет. Ты видел, Леша, полные стадионы сомнамбул? Я видел.

– Почему я везунчик? – глухо спросил Аспирин.

– Потому что дело против тебя закрыто.

– А? Значит было дело?!

– А как же, – благодушно ухмыльнулся Вискас. – Уклонение от налогов в особо крупных, убийство по неосторожности, еще кое-что… Я тут ни при чем, так что не смотри так. Я, наоборот, сделал все, чтобы тебя отмазать.

– Убийство по неосторожности?!

– Я же говорю – закрыли.

Аспирин молчал, пытаясь осмыслить его слова.

– А может, и к лучшему, – задумчиво предположил Вискас. – Спровоцировали ее наконец-то проявить себя при свидетелях. Так, чтобы махровым цветом. Чтобы ясно было, откуда ноги растут.

– Приступ ужаса, – шепотом сказал Аспирин. – Прямо… шок.

Вискас покивал:

– Ходячее психотропное оружие, вот что такое твоя Алена. И, понимаешь, кто-то ведь ее натаскал за то время, за те пару месяцев, когда она из интерната смылась, а к тебе еще не пришла. Скорее всего, тот чудак, о котором ты писал в газете, что «зеркало инеем взялось».

Аспирину вдруг сделалось стыдно. За ту дурацкую статейку-«письмо».

– Когда она в следующий раз пойдет в переход играть? – по-деловому осведомился Вискас.

– Не знаю.

– Вот что, Леша. Как увидишь, что она куда-то собралась без медведя – позвони мне.

– С какой стати? И… подожди, а почему без медведя? Ты что, все-таки веришь, что мишка – монстр?

– Она верит, вот в чем все дело. Нельзя подставляться. От внушения такой силы трудно уберечься, если даже психически здоровых мужиков скручивает, как котят.

– А если бы не скрутило? – спросил Аспирин. – Если бы они меня… Куда бы, кстати, повезли?

– Да ладно, – Вискас затянулся. – Проехали.

Аспирин опустил голову. Благодушие Вискаса не радовало его, а сообщение о моментально заведенном и молниеносно закрытом деле не вызывало доверия. Блеф? Сказка?

– Она придумала себе сказку, – пробормотал Вискас. – Про мир, из которого она якобы пришла, про брата, которого ей якобы надо спасти. Ну вот хочется мелкой, чтобы у нее был брат. Надо ее к психиатру хорошему, и, конечно, этот первомайский интернат – такое, прости Господи, очко…

– Погоди, – сказал Аспирин. – Я чего-то не понял – так она мне дочь или нет?

* * *

Дождь перестал.

Аспирин шел дворами, едва волоча ноги.

Вот эта арка. Разрисованные малолетками стены. Вот тут стояла «новоявленная Алена Игоревна»… Вот тут ее поставили. На пути Аспирина, который всегда идет от гаража одной и той же дорогой.

Вернее, ходил – до происшествия с собакой.

Он миновал арку, задержав дыхание – непреодолимо воняло мочой. Вышел в следующий двор. Мусорный бак стоял на прежнем месте, на краю его облезлым изваянием возвышался кот.

Аспирин прошел дальше – к детской площадке. Теперь здесь никого не было, в раскисшей песочнице стояла лужа, к скамейке прилип мокрый листок рекламной газеты.

Аспирин замедлил шаг и остановился. А чего он, собственно, ждал? Что они сидят здесь и ждут допроса?

Дворник, пожилая изможденная женщина с крашеными хной волосами, собирала гнилые листья железным веером на длинной ручке.

– Скажите, пожалуйста…

Женщина обернулась.

– В этом дворе у кого-то есть бультерьер?

– А что, опять покусали? – охотно отозвалась женщина. – Тут у нас вечно… По двадцать собак в одном подъезде, а бультерьеров три или четыре. Ребенка в прошлом месяце зашивали вот… Сволочи. Что хотят, то и делают! Уж и подписной лист собирали, в милицию, а они приезжают – тех дома нет. Собаку то увезут в село, то привезут, а ментам рассказывают, что сдохла.

Женщина говорила и говорила. Листья под ее железной метлой казались шоколадными.

– Если покусали, сразу в милицию идите. Я с ней говорю – она только матом обложит, и все.

– Спасибо, – сказал Аспирин и побрел к выходу со двора.

За его спиной хлопнула дверь подъезда.

– Абель, стоять! – раздался на весь двор знакомый голос.

Мимо Аспирина, не обращая на него внимания, пронеслось к мусорному баку животное, похожее на фаршированный бледный чулок. Кот, сидевший на краю бака, исчез, будто его и не было.

Растворился.

* * *

– Что случилось? – спросила Алена.

Перед его приходом она занималась. На тонкой шее висела ставшая привычной подушечка.

– Да так, ничего…

– На тебя напали? Угрожали?

– Нет.

– Наручники снял все-таки?

Он посмотрел на свои руки. В кармане у Вискаса совершенно случайно оказался подходящий ключ. Наверное, он всегда его с собой носит.

«Ей нужен хороший врач, – уговаривал Вискас. – Твоя она дочь или не твоя – ты же не можешь бросить ее вот так, оставить все, как есть? Ей нужен врач, она расслабится и сама расскажет, кто ее и зачем к тебе подослал. А может, ее и не подсылал никто, а мать ей рассказывала, есть, мол, у тебя отец, Гримальский Алексей Игоревич, а такого Гримальского в адресной книге найти – нефиг делать. Она же одинокая, сирота, в общем-то, да еще с отклонениями. Нет, она талантливая, она просто феноменальная девка, но что толку, если она даже учиться не хочет? И со скрипкой ничего не выйдет: через неделю она решит, что брата надо вызволять как-то по-другому, мантры петь, к примеру. Не-ет, Леша, ею должен заниматься специалист…»

Дыра в мироздании затягивалась. Ее зашивали – пусть грубо, белыми нитками, но лучше уродливый шов, чем пустота без дна. Он, Аспирин, не сумасшедший.

«Я вспомнил! – закричал вдруг он, когда они с Вискасом сдержанно прощались. – Она предсказала смерть одного там… незнакомого, в общем-то, человека, она предсказала его смерть заранее!»

И он рассказал о гибели бывшего, вернее, несостоявшегося мужа Ирины.

«Ну, – Вискас с мудрым видом покивал головой, – я же говорю – что она – феномен. Что-то такое уловила, да. Может, он с этой бабой поругался, разнервничался, сел за руль, смерти хотел. А может, и есть на самом деле повреждения ауры, которые видны сильному экстрасенсу.»

«Что ты говоришь! – сказал тогда Аспирин, пораженный. – Если ты веришь в ауру с повреждениями – почему бы не поверить в то, что Алена – падший ангел, и пришла к нам на грешную

землю, чтобы спасти другого ангела, своего брата?»

«Ну ты сравнил, – удивился Вискас. – Экстрасенсов, знаешь, в специальных институтах изучают. А ангелы и черти – это все мракобесие. Ты в клуб сегодня придешь?»

И они с Вискасом расстались.

Теперь он стоял перед Аленой и рассматривал свои запястья с синяками от наручников. От куража и веселья, смелости и здорового пофигизма, с которым он утром вышел из дому, не осталось и следа.

– Что-то все-таки случилось, – тихо сказала Алена.

– Знаешь, оставь меня в покое…

Он пошел на кухню, но коньяка в навесном шкафчике больше не осталось.

Алена играла гамму. Медлено. Вкрадчиво. Будто пробуя каждый звук на вкус, будто глядя сквозь кругленькие ноты, как смотрят на солнце через цветные стеклышки.

Аспирин заварил себе чая. Вот это что сейчас происходит – гипноз?

Он вошел в комнату:

– Послушай…

Она опустила скрипку.

– Ты бывала когда-нибудь в первомайском интернате? Для детей с пороками развития?

Она чуть сдвинула брови:

– Знаешь… может, и бывала. Я так уже долго в этом мире… у меня начинает отрастать история. Корни. Шлейф.

Он сел на подлокотник кресла. Алена смотрела серьезно и спокойно.

– А то, что ты моя дочь, это тоже «шлейф»?

– Ну, должна же я быть чьей-то дочерью, – она улыбнулась. – Ты не беспокойся. Когда я найду наконец брата и заберу его отсюда, мои здешние корни начнут бледнеть, рассасываться, пока не исчезнут совсем. Как швы, – она коснулась макушки. – И тогда ты спокойно будешь уверен, что у тебя нет – и никогда не было – никакой дочери.

Бинт у нее на голове немного потемнел, но, в принципе, оставался довольно чистым.

– Пошли в поликлинику, – Аспирин поднялся.

– Зачем?

– Ну в травмопункте же сказали, что надо хирургу показать через несколько дней. И, наверное, бинт снять. Мазь там, еще чего-то… Пошли-пошли!

* * *

Врач в поликлинике сказал, что на Алене заживает, «как на собаке». И настоятельно предупредил, что на ребенка надо завести карточку, а для этого заполнить обходной лист. «Где прививки? Где вообще все медицинские документы? Такое впечатление, что девочка с луны свалилась!»

– Будем заполнять обходной?

– Жалко времени, – равнодушно отозвалась Алена. Врачи не внушали ей ни малейшего трепета: Аспирин, в отличие от нее, помнил свой детский страх перед белыми халатами и до сих пор, если честно, предпочитал терпеть боль, но только не ходить «в поликлинику на опыты».

– Как ты себя чувствуешь, вообще-то?

– Нормально.

Они возвращались домой. Было шесть часов вечера, пора было подумывать о том, чтобы собираться в «Куклабак», но мысль о сегодняшней работе вызывала у Аспирина чуть не физическое отвращение.

На переходе через дорогу он взял ее за руку. Сам не зная, почему: она ведь была вполне самостоятельная, сама ездила в метро, сама, наверное, могла полгорода пройти…

– Та собака жива, – сказал Аспирин. – Бультерьер. Абель… А может, это другая собака?

– Может, – сказала Алена. – А почему ты спрашиваешь?

Аспирин вздохнул.

– Ты правда думаешь, что я не очень хороший человек?

Она чуть сдавила его пальцы:

– А почему ты спрашиваешь?

– Потому что мне важно, что обо мне думает дочь.

Она рассмеялась – весело, без тени сарказма.

– Алена, – сказал он через силу. – Как ты попала туда, в подворотню? Кто тебя привел?

– Не помню, – она оборвала смех. – Я пришла… и очутилась на улице, под фонарем, с Мишуткой. Мимо проходили люди, не смотрели на меня, мертвые. Я стояла, стояла, час, наверное, и не решалась сойти с места: все думала, что мне будет какой-то знак, подсказка, или что брат учует меня и сразу придет. Но ничего не было. А потом я поняла, что *он* здесь, он пришел за мной, и я решила спрятаться в темноте. И нашла укромное место. Вот так.

Аспирин подумал, что лучше бы она была ангелом. Лучше бы все, что она говорит, всегда оказывалось правдой. С другой стороны… если она просто безумный маленький экстрасенс, сбежавший из интерната для детей с пороками развития, если она, случайно или по чьей-то воле, ушла из своей прежней жизни и явилась сюда, к отцу…

К отцу.

Аспирин споткнулся.

– Ты чего? – спросила Алена.

Он крепче сжал ее ладонь.

Ноябрь

– Теперь давайте вместе думать, как помочь ребенку.

Аспирин сидел в просторной, отлично обставленной комнате, поразительно не похожей на облезлые кабинеты районной детской поликлиники. Тем не менее контора, если верить Вискасу, имела отношение к медицине.

– Сейчас мы пытаемся разыскать ее мать. Эта женщина не вызывает, если честно, никаких добрых чувств – но мама есть мама, понимаете?

Аспирин кивнул, как китайский болванчик. Его собеседник – мужчина в белом халате поверх серого чиновничьего костюма, – удовлетворенно кивнул в ответ.

– Поиски могут затянуться, родственники девочки за границей… Разумеется, вы отец, чувствуете себя обязанным, дочь, долг и все такое. Но детям с такими… особенностями необходимо круглосуточное наблюдение специалиста.

– У нее нет никаких «особенностей», – угрюмо сказал Аспирин.

Обладатель белого халата проницательно прищурился:

– Правда? Вы в этом уверены?

Аспирин отвел глаза.

– Вот видите, – хозяин кабинета чуть слышно вздохнул. – Это очень непростой ребенок, очень.

– Но она хочет жить у меня!

– Мы стараемся учитывать пожелания детей. Но одиннадцатилетняя девочка с расстройством психики не может сама решать свою судьбу, вы понимаете?

Мужчина замолчал. Под его выжидательным взглядом Аспирин ощутил внезапный приступ тоски.

– И что мне делать? – вырвалось у него.

Хозяин кабинета с удовольствием кивнул:

– Алексей Игоревич…

Аспирину моментально вспомнился босоногий наставник Алены с глазами-сверлами. Тот тоже звал его по имени-отчеству.

– Алексей Игоревич, пожалуйста, вызовите завтра врача из детской поликлиники.

– Врача?

– Да. Чтобы он пришел, скажем, завтра с девяти до двенадцати и осмотрел Алену.

– Она здорова…

– Точно? Два месяца назад она перенесла бронхит, и у нее только что была травма головы! Вот видите, Алексей Игоревич, как вы наплевательски относитесь к здоровью ребенка!

Аспирин не нашелся, что сказать.

* * *

В тот вечер выпал первый снег.

Аспирин сидел за компом и заканчивал материал для «Люли-Леди» – бездумно. За годы, отданные гламурной журналистике, внутри него сформировался и заматерел робот-автомат для написания чужих исповедей. Сейчас он сочинял от имени сорокалетней женщины, у коротой молодая соперница увела мужа, но «Брошкина» не опустила руки, а, наоборот, занялась собой: косметолог, тренажерный зал, сауна, солярий… (Аспирин вздохнул и почесал переносицу). Скоро прямо на улице с этой женщиной совершенно неожиданно познакомился мужчина, который оказался главой крупнейшей торговой фирмы. Они полюбили друг друга. Тем временем бывший муж этой женщины заболел, молодая бросила его, и муж вернулися назад с повинной. «Сколько раз я представляла себе, что он приползет назад на пузе, как побитый пес… И вот он приполз, и униженно умолял меня простить его, как он выразился, «ошибку»… А я смотрела на него и не могла удержаться от жалости: ведь этого человека я любила много лет, с ним связана моя молодость, он отец моих…»

Аспирин остановился. Детей надо ввести в сюжет раньше. Как они горько плакали, когда папа ушел из семьи… Не так: младшая дочка плакала, а старший брат ее утешал. А бизнесмена они сначала не приняли, зато потом приняли, как родного, но когда вернулся их собственный отец, больной и униженый, они ответили ему презрением. Нет, старший сын ответил презрением, а сестра разнюнилась. Так?

Аспирин вздохнул, сохранил файл и загнал его в директорию «черновики». Пресноватая получалась история: много слез, мало страсти. Вот если бы кто-то кому-то подсыпал яду в кофе, плеснул кислотой в лицо, довел до самоубийства… Правда, тогда история приобрела бы криминальный оттенок, а в «Люли-Леди» криминал не приветствовался.

А если так? Женщина много лет любила мужчину и как

должное принимала то, что он почему-то не торопится вести ее в ЗАГС. А потом оказалось, что у него семья, жена, дети, и бросать их он не собирается. Тогда она, переступив через любовь, дала ему от ворот поворот, но на прощанье прокляла: «так не доставайся же ты никому». И через полчаса после их разговора мужчина погиб на дороге, разбился, и женщина теперь и сама подумывает о самоубийстве…

Получилось в меру драматично, в меру трогательно, с мистикой и без криминала. Аспирин откинулся на спинку кресла и взял себя двумя руками за волосы.

Алена играла. По комнате стелилась, как туман, холодная сумрачная мелодия. Аспирин поднялся, выпил на кухне воды, приоткрыл дверьв гостиную; Алена стояла перед раскрытым пианино, не сводя глаз с разложенных на пюпитре нот.

Мельком взглянула на Аспирина. Он пристроился на стуле в углу.

– Чего тебе? – спросила Алена, опустив смычок.

На ней были спортивные штаны – и все та же футболка с двумя драконами, застиранными до полупрозрачности. Вместо повязки – нашлепка пластыря на макушке. Растрепанные светлые волосы, которкий «хвостик», схваченный резинкой.

– Слушай, – начал он неуверенно. – Сыграй мне… эту самую песню. Хоть кусочек. Только на обыкновенный струнах, пожалуйста, на простых!

Он заискивающе улыбнулся. Алена, подумав, взяла канифоль из раскрытого футляра. Запахло древесной смолой. Полетела белая пыль. Алена водила канифолью по волосу смычка, и процесс доставлял ей явное удовольствие.

Аспирин пересел на диван. Алена встала посреди комнаты, властным жестом подняла скрипку. Вскинула смычок. Прикрыла глаза.

Аспирин положил руки на колени, готовясь слушать.

– Я с середины, – нервно сказала Алена.

– Давай.

Она заиграла.

Поначалу Аспирин просто сидел, вслушиваясь, пытаясь понять, какое действие оказывает на него мелодия. Алена выводила на память сложнейшие пассажи, технически недоступные девчонке ее лет и опыта, иногда сбивалась и фальшивила, но проживала каждую ноту так темпераментно и вместе с тем естественно, что Аспирин замер на своем диване, боясь спугнуть.

В какой-то момент он ощутил себя витающим вокруг люстры – и глядящим сверху вниз на девочку со скрипкой и на самого

себя. Он поверил, что именно таким должно быть действие мелодии – на мгновение.

– Погоди… это же Моцарт!

Она опустила скрипку. Ухмыльнулась, не скрывая удовольствия:

– Обманули дурака на четыре кулака… Да ладно, ты обиделся, что ли? Не обижайся.

Он вернулся к себе, так и не решившись заговорить с ней. В душе у него было беспомощно и пусто. Девочка, сбежавшая из интерната, ангел, свалившийся с неба – все перепуталось, ни во что не верилось до конца, одно было ясно: если так будет продолжаться, он, Аспирин, сойдет с ума…

Он приоткрыл форточку, впустив две или три тут же растаявшие снежинки. Там, снаружи, Ирина бегала вокруг дома по своим собственным закольцованным следам.

* * *

Круг за кругом – в этом мерном движении было что-то от фанатичных Алениных упражнений. Разлетался мокрый снег из-под кроссовок.

Аспирин пристроился рядом:

– Больше ста кругов я не выдержу. Сидячий образ жизни.

Ирина повернула голову. Хотела что-то сказать, но, видимо, решила сберечь дыхание.

– А вы занимались легкой атлетикой?

– В юности.

– Я сразу понял. Экономные движения профессионала.

За углом дорога шла немного в гору. Аспирин засопел; мимо автостоянки, мимо автобусной остановки, снова за угол – и вниз. Аспирин разогнался. Ирина не изменила темп. У следующего поворота Аспирин притормозил, отдышался и позволил Ирине себя догнать.

– Я каждый вечер вижу, как вы бегаете.

– К сожалению, не каждый, – отозвалась она ровно. – У меня дежурства.

– У меня тоже работа. Да я и не стал бы ни за какие коврижки заниматься бегом. Это скучно.

Она промолчала. Они пробежали по двору, свернули, дорога пошла в гору. Падал мокрый снег, норовил залепить глаза. Летели брызги из-под подошв.

– У меня даже кроссовок нет, – сказал Аспирин, бухая ботинками.

Они пробежали мимо автостоянки, автобусной остановки, за угол и вниз. И снова по двору; изо рта у Ирины вылетали рваные облачка пара.

Дорога пошла в гору. Аспирин чуть отстал, потом в два прыжка догнал Ирину, взял за плечи и развернул к себе.

Снежинки блестели у нее на лице. В глазах отражались далекие освещенные окна.

Он по-медвежьи обнял ее, тонкую, напряженную, совершенно ничью. Ее губы растрескались, будто пустыня, он вылизывал их, как собака – чужую рану.

С неба валило, как из распоротой подушки. И снег не таял.

* * *

Он проснулся в темноте и сразу понял, что Ирина тоже не спит.

Было уже утро. Ворчали водопроводные краны, работал лифт. Хлопнула дверь подъезда. Аспирин втянулся под одеяло, как улитка в домик: не хотелось утра. Хотелось покоя.

Ирина не пошевелилась. Он нашел в темноте ее плечо, покрытое гусиной кожей.

– Тебе что, холодно?

– Нет… Пора вставать.

– Не пора, – пробормотал Аспирин.

Ирина отстранилась. В темноте выбралась из-под одеяла, выскользнула из комнаты, он успел увидеть ее силуэт на фоне дверного проема. Потом дверь закрылась.

Он проснулся окончательно.

* * *

– Доброе утро, – сказала женщина лет сорока, высокая, ростом с Аспирина. – Я доктор.

На ней был форменный костюм с эмблемой на груди. Аспирин никогда не поверил бы, что врачам из районной поликлиники выдают такие «прикиды».

– А ты Алена Гримальская? – женщина профессионально оскалилась. – Здравствуй.

Алена играла гамму, и быстрый взгляд поверх смычка, которым она окинула форменную женщину, не сулил ничего хорошего. Женщина хотела было подойти – но, сделав крохотный шажок, передумала и уселась в кресле напротив, делая вид, что

внимательно слушает Аленины упражнения. Аспирина покоробило: он предпочел бы, чтобы докторша сделала девчонке замечание, мол, взрослый человек с тобой здоровается, а ты… Но докторша слушала и скалилась, то есть вела себя именно так, как, в представлении Аспирина, ведут себя специалисты по детским психическим расстройствам.

А если девчонка, не останавливаясь, сейчас сыграет какой-нибудь «страх»? Или (у Аспирина волосы встали дыбом) «похоть»?!

Он занервничал не на шутку, но в этот момент Алена доиграла гамму. Красивым жестом сняла смычок. Положила скрипку в футляр, уселась на диван, прижала к груди Мишутку – молчаливого свидетеля этой сцены.

– Этот твой медвежонок? – сладко спросила женщина.

У Аспирина будто крыло мелькнуло перед глазами – он вспомнил, как почти вот так же, в схожей ситуации спросила о Мишутке Ирина. Только Ирина не побоялась подойти, Ирина вообще ничего не боялась, ей надо было помочь больному ребенку, и она, в отличие от форменной тетки, спрашивала без малейшего подтекста…

Он вспомнил, совершенно некстати, какой бесконечно ласковой оказалась Ирина в постели. У него раздулись ноздри: он вспомнил запах Ирининой кожи. Вспомнил ее грудь – кончиками пальцев, как пианист, а форменная тетка тем временем поманила Алену к себе:

– Ну, давай посмотрим, как заживает твой шов…

Алена секунду поколебалась, потом подошла, оставив Мишутку на диване.

Женщина осмотрела и ощупала ее голову. Покивала, пробормотала что-то себе под нос, попросила Алену показать горло. Выслушала легкие.

– Ты не боишься уколов? – спросила веселым голосом.

Алена подняла брови. Женщина бодро рылась в своем докторском чемоданчике. Аспирин стоял совсем близко; на секунду она и докторша встретились взглядами.

От страха и отвращения у него онемели мизинцы на обеих руках.

– А зачем укол? – невинным голосом поинтересовалась Алена.

– Да ну, совсем не больно, быстренько, – ворковала женщина, наполняя шприц. – Шов заживает не очень хорошо, есть опасность нагноения, я вколю тебе замечательный швейцарский препарат, и ты уже завтра забудешь, где у тебя что болело…

– У меня уже и так ничего не болит, – сообщила Алена. – И в

поликлинике нам сказали, что у меня заживает, как на собаке… Правда, папа?

Она смотрела Аспирину в глаза и впервые называла его «папой». Это был сигнал – не то угроза, не то упрек, не то просьба о помощи. Аспирин стоял посреди комнаты и не знал, что делать. Драться с этой докторшей, что ли?

– В поликлинике, – женщина пренебрежительно ухмыльнулась, – такого препарата раньше не было, его только вчера привезли. – Неужели ты боишься? Это же совсем не больно.

Алена перевела взгляд с Аспирина на докторшу и обратно.

– Простите, – хрипло сказал Аспирин. – Можно вас на минуточку?

– А можно потом? Я уже приготовила шприц, – немного раздраженно отозвалась форменная тетка.

– Я хотел бы уточнить, что за препарат, – сказал Аспирин. – У Алены… аллергия. На некоторые лекарства.

– Вот как? Только не на этот препарат. На него не бывает аллергии.

– Могу я посмотреть этикетку?

Женщина уставилась на него с нескрываемым раздражением:

– Вы что, медик? К чему эти споры?

– Не надо мне никаких уколов, – сообщила Алена. – Кто вы такая, чтобы ко мне приставать?

Женщина быстро глянула на Аспирина. Тот развел руками: ничего, мол, не могу поделать; женщина взглядом смерила расстояние. Шприц подрагивал в ее руке, как жало.

Аспирин задержал дыхание.

Одновременно случились несколько событий. Тетка прыгнула на Алену, будто кобра, Аспирин кинулся, желая удержать руку со шприцем, соседи сверху включили стереосистему и по комнате разлился низкий рык, похожий на раскат отдаленного грома.

Женщина стряхнула с себя Аспирина и отскочила к самой двери. Алена сидела, прижимая к себе медвежонка, и Мишуткины пластмассовые зенки глядели на докторшу и больше ни на кого. Аспирин готов был поклясться.

От ударов соседской «бочки», от металлических басов дрожали стены и качалась люстра. Докторша раздувала ноздри; Аспирин представил, как Мишутка вырывается из Алениных рук и, вырастая на глазах, вскидывает когтистые лапы. Как брызги крови пачкают потолок, синий форменный костюм становится бурым, лохмотьями повисает кожа и крик захлебывается…

Докторша поймала его взгляд. Гудели басы за перекрытиями – как раскаты отдаленного грома. Докторша перевела взгляд с Аспирина на Мишутку, потом на Алену…

И ушла. Ретировалась, едва не забыв саквояж.

* * *

– Значит, ты решил меня сдать?

Алена канифолила смычок, как ни в чем не бывало. Аспирин нервно расхаживал из угла в угол, руки до сих пор тряслись, и мизинцы немели.

– Что за тетка? Это ты ее позвал?

– Знаешь что, – Аспирин остановился. – Бери скрипку… Иди, играй им. Страх, чесотку, понос, да что угодно. Они будут приходить и приходить, а ты им будешь давать концерты. Вперед. Они меня будут сажать, ты меня будешь отмазывать, пока в окошко не заглянет снайпер с вертолета и не пристрелит нас обоих.

Алена рассмеялась:

– Снайпер? Ой, не могу!

– Послушай, – он сцепил пальцы. – Ты все-таки моя дочь или это брехня?

Алена прошлась по скрипке смычком, легонько подстроила струну «ми».

– Ты мне ответишь или нет?!

– Успокойся, – она посмотрела на него поверх смычка, как недавно на докторшу. – Никому ты, в самом деле, не нужен, никто тебя не похитит, не посадит, не обидит… А себя я сумею защитить. Не трясись.

И она заиграла гамму.

– Да нет же! – рявкнул он, перекрикивая скрипку. – Ничего ты не сумеешь! Звони своему гуру… своей крыше… этому босому хмырю. Иначе они возьмут тебя, когда ты будешь спать, или на улице, или в музыкальной школе… Вколют снотворное и увезут, и я ничего не смогу поделать!

Алена играла, не обращая на него внимания. Аспирин, как побитая собака, поплелся к себе, и просидел в Интернете до самого вечера, заливая мутным потоком информации и злость, и растерянность, и страх.

А вечером, не в силах ничего с собой поделать, спустился этажом ниже и позвонил в соседскую дверь.

* * *

День за днем валил снег.

Их квартиры, расположенные одна над другой, были когда-то близнецами. За десять с лишним лет каждая изменилась в соответствии со вкусами хозяина. Теперь Аспирину казалось, что он существует в двух параллельных реальностях, и дорога между ними – два лестничных пролета; возвращаясь к себе, он вздыхал с облегчением и грустью.

Машины увязали в сугробах, коммунальные службы увязали в проблемах, город мучился непроходимостью. Дети вопили от счастья, барахтаясь в снегу и швыряясь снежками. Алена, поскрипывая сапожками, ходила в музыкальную школу, из-за плеча у нее выглядывала припорошенная снегом плюшевая голова.

Первые дни Аспирин страшно нервничал. Он боялся, что Алена вдруг возьмет и не вернется. Но она возвращалась, как ни в чем не бывало, ужинала и бралась за скрипку, и на вопросы Аспирина отвечала односложно: нет. Ничего особенного. Никто не подходил, ни о чем не спрашивал. Все по-старому.

Ожидание краха затягивалось. Аспирину казалось, что он застыл в падении, как снежинка-мутант, что он парит в невесомости, и от того желудок подкатывает к горлу.

Форточки Ирины на четвертом этаже были приоткрыты. Оттуда вытекал, струясь на морозе, теплый домашний воздух. Аспирин принимался лихорадочно что-то решать, но время уходило, приходилось собираться либо в клуб, либо в редакцию, либо еще куда-то, куда никак нельзя было не пойти. И он выходил из дома и удирал в иную реальность, где было шумно, весело, где его, Аспирина, надрывно любили. Он снова становился самим собой, легким, ироничным, равнодушным. И верил, что это уже навсегда.

А в полночь зажигался свет у нее в спальне, тусклый зеленоватый свет за плотно задернутыми шторами, и Аспирин, возвращаясь из клуба, будто с Марса, глядел на это окно и летел на огонь, как счастливая бабочка.

И никто, разумеется, не знал, сколько будет продолжаться этот странный и снежный роман – пока он не кончился одним махом в первый день календарной зимы. Аспирин задержался в клубе. Возвращаясь домой в пятом часу утра, он поднял глаза – и увидел, что все окна Ирины на четвертом этаже темные, и нигде-нигде не горит огонь.

Он долго стоял под падающим снегом и смотрел на дом, но ни одно окно не светилось. В ту ночь крепко спали младенцы и больные, никто не поднимался выпить водички и никто не сочинял стихи. Пустовала скамейка у подъезда. Аспирин стоял, чувствуя, как выветривается алкоголь, ни о чем не думая и ни о

чем в тот момент не сожалея. Снег шел все реже и наконец перестал. Тучи как-то очень быстро, суетливо раздвинулись, и на зимнем небе проступили звезды.

Декабрь

– Милые мои, вот и зима пришла! То есть мы все заметили ее раньше, когда трудились с лопатками и совочками, извлекая машины из сугробов… А теперь она пришла уже конкретно, под предлогом календаря, а это уже не шутки! Скоро вьюга завоет – у-у-у! Страшно, да? А не бойтесь! Помните – с вами «Лапа-радио», мягкая лапа, способная защитить от мороза! Оставайтесь с нами! Звоните нам, пишите эс-эм-эски, а мы поставим для вас самую теплую зимнюю музыку, музыку, которую вы заслужили!

Ирина так и не позвонила. И Аспирин не звонил ей. Они, слава Богу, не подростки, чтобы докапываться, кто кого бросил.

– У нас есть звонок от Виты… Здравствуйте, Вита! Кого будем радовать? Кому сегодня будем передавать привет?

Вчера Алена все-таки играла на городском отчетном концерте. Аспирин подвез ее в центр, к старому дому культуры, где плоская сцена жила воспоминаниями о былых президиумах. Зал был почти полон – в основном учителями и родственниками выступавших. Когда девочка лет шестнадцати объявила, что сейчас первоклассница Алена Гримальская сыграет «Мелодию» Глюка из балета «Орфей и Эвридика», по рядам пробежал еле слышный ропот: зрители удивлялись.

Вышла Алена в черной юбке и белой рубашке, купленных накануне, без выбора и почти без примерки. Прищурившись, посмотрела в зал; Аспирина вдруг прошиб озноб. Он вообразил, что девчонка успела поменять струны и вместо «Мелодии» заведет сейчас песню, поднимающую мертвых.

Обошлось. Алена, оказывается, высматривала его, Аспирина, а высмотрев, успокоилась. Подняла скрипку. Заиграла.

Зал обмер.

Алена играла, как другие рассказывают о пережитых прекрасных днях. Не себе – слушателям; ни тени самодовольства, ни намека на замкнутость, ни скованности, ни спеси. Всем, кто сидел в зале, в этот момент было ясно, что если бывают на свете счастливые и свободные люди – они выглядят именно так, как вот эта девочка в слишком длинной юбке и чуть мятой белой рубашке. И когда она закончила – зал еще минуту сидел в потрясении, пока не взорвался наконец гулом голосов, хлопками, кто-то из школьников даже свистнул, но его призвали к порядку.

Алена поклонилась – без похвальбы и без смущения, и, не оглядываясь, ушла за кулисы.

В течении концерта произошел сбой – люди никак не могли успокоиться. Кто-то поднимался с мест, кто-то кого-то одергивал, толстый мальчик в блестящей блузе почему-то ревел в три ручья. Девочка-ведущая никак не могла объявить следующий номер. За кулисами собралась толпа.

Алена стояла, не выпуская из рук скрипку. Над ней нависала уже знакомая Аспирину учительница, Светлана Николаевна, она только что не руки расставила, защищая свое сокровище, а с трех сторон подбирались, как акулы, лысоватый дядечка и две тетки, постарше и помоложе.

– А я вам в пятый раз объясняю, что она не собирается менять педагога!

– Зачем эти эксцессы? Поговорить…

– Какой первый класс, кого вы хотите обмануть? Девочка, сколько лет ты занимаешься музыкой?

– Прежде всего с родителями…

– Тише, пожалуйста! Ребенок выступает!

На сцене и вправду кто-то скрипел, тщетно пытаясь заглушить шум в зале.

Светлана Николаевна первая заметила Аспирина, и глаза у нее сделались, как у вратаря накануне пенальти:

– Алексей Игоревич! Разрешите вас поздравить – в последние дни мы с Аленой, вы знаете, дополнительно занимались…

– Пошли, – тихо сказала Алена, Аспирин скорее понял ее, чем услышал.

– Всем огромное спасибо, – сказал он вежливо, но очень твердо. – Ребенок болен. Нам надо срочно в больницу на процедуры.

Одной рукой он подхватил Аленин футляр, лежавший на колченогом стуле, другой взял девчонку за локоть и, разрезая собой толпу, двинулся к деревянным ступенькам, ведущим со сцены.

Они провожали его плотоядными взглядами. Каждый в этот момент решил, что Алена все равно никуда не уйдет – адрес школы известен, домашний телефон записан в журнале, и вычислить маленького гения – пара пустяков. Что они станут обещать ей? Конкурсы в Вене, турне по Франции, золотые реки, бриллиантовые берега?

Раскидывая колесами грязный снег, виляя и пробуксовывая, Аспирин отъехал от клуба. Алена расслабленно валялась на заднем сидении, на ее лице лежал отблеск далекого теплого света.

– Аленка, – сказал Аспирин. – А может, ты и вправду кого-то из них послушаешь? Ванесса Мэй рядом с тобой – девочка…

Она не ответила. Он неверно истолковал ее молчание и воодушевился:

– А в самом деле… Это же будущее. Огромные залы. Счастливые люди. Афиши по всему миру: «Алена Гримальская»…

– И ты бы на «Лапа-радио» завел новую рубрику: «Горячая гримальская *А-ленина*»…

Аспирин осекся.

– Не обижайся, – она села ровнее. – А если бы тебе все это предложили – залы, афиши, толпы поклонников, – ты бы согласился?

– В одиннадцать лет – согласился бы точно.

– А тебе не предлагали?

Он притормозил перед светофором. Под колесами хлюпала жижа, запруженная улица ползла со скоростью двадцать километров в час.

– Я никогда не был вундеркиндом, – признался Аспирин.

– Не в том дело, – Алена задумчиво поковыряла в носу. – По-твоему, смысл творчества – чтобы кто-то хлопал в ладоши?

– Я ни слова не сказал о смысле творчества, – холодно заметил Аспирин.

Минут десять оба молчали. Сновали взад-вперед «дворники», смывали жидкую грязь с ветрового стекла.

– А я, пожалуй, не буду больше ходить в школу, – сказала вдруг Алена. – Слишком много возникает проблем… Как учиться, я и сама уже поняла.

Аспирин поймал в зеркале ее глаза – и чуть не столкнулся с проезжавшим мимо «Мерседесом».

* * *

– Поздравляю, – сказал Вискас. – Такой успех! И как поживает юное дарование?

– А ты откуда знаешь? – промямлил Аспирин.

– Да как же, – Вискас привольно откинулся на спинку стула. – Весь город, можно сказать, гудит…

Аспирин поморщился.

– Не вру, – заверил Вискас. – Прикинь, у жены моей есть приятельница, так вот, дочка ее сестры училась скрипке в классе у Светланы Николаевны. Выпустилась пару лет назад. Очень дружат. Такой вот тесный мир.

Аспирин промолчал.

– Как ты с ней? – спросил Вискас совсем другим, деловым тоном. – Как она с тобой? Ладите?

– Душа в душу, – мрачно сообщил Аспирин.

– Это хорошо… Постарайся не раздражать ее. Почаще соглашайся. Балуй, потакай. Тревожусь я за тебя, Лешка.

– С чего бы это?

– С того, что ты в ее полной власти. И медведь, теперь еще и скрипка. Она вообще когда-нибудь спит? Девчонка, в смысле?

– Зато медведь не спит никогда. Можешь быть уверен.

Вискас оскалил зубы:

– Шутник… А что ж она в школу не ходит, уже два урока пропустила?

– Завязала.

Вискас нахмурился:

– Не понял?

– Ушла в завязку, – зло объяснил Аспирин. – Бросила. Теперь вообще, боюсь, она из дома не выйдет.

Вискас смотрел на Аспирина, как шахматист на доску. Клубы табачного дыма плавали между ними десятком сизых усталых червей.

– Береги себя, – сказал Вискас наконец, и в его глазах Аспирин разглядел почти подлинное сочувствие.

* * *

– Алена!

Он только что вернулся с эфира. Облепленные снегом ботинки оплывали, как свечи.

– Алена… Тряпку принеси!

Оставив ботинки в луже у порога, он заглянул в кухню. В мойке стояла одна-единственная тарелка, с прилипшим к донышку лепестком вареного лука. В ванной и туалете было темно и пусто, а в гостиной сидел на диване Мишутка, пялился на Аспирина пластмассовыми гляделками.

У Аспирина подкосились ноги. Как они ее выманили? Какими обещаниями? Как?!

Он обессиленно опустился в кресло. Пустая квартира, обезалененная, не об этом ли он так долго мечтал?

Спотыкаясь, он побрел на кухню и хлебнул коньяка. Потом сел за компьютер и взялся играть в «Минера». Простая офисная игра оказалась эффективной, как наркотик. Аспирин успел пять или шесть раз погибнуть на нарисованном минном поле, прежде чем коньяк подействовал, наконец, и сквозь туман в больной

голове проступили контуры статьи.

О том, как некие спецслужбы похищают людей. Как похитили гениальную девочку-скрипачку, ставшую знаменитой после единственного выступления на единственном концерте. Настрочив пять тысяч знаков, Аспирин перевел дыхание: статья получалась пресной, и он, как профессионал, не мог этого не замечать. Подумаешь, ребенка похитили. Велика важность…

Он удержался, чтобы не грохнуть кулаком по клавиатуре. Взял себя в руки. Девочка должна быть гением экстрасенсорики и телекинеза, а похищать ее должны не просто какие-то «спецслужбы», а мировая сеть глубоко законсперированных чистильщиков астрала… Или пришельцы? Нет, пришельцы – это вчерашний день…

Размышляя, он все ближе и ближе подбирался к краю вертящегося стула, и, когда в дверном замке повернулся ключ, стул вдруг выскользнул из-под Аспирина и отъехал назад, будто издеваясь.

К счастью, свидетелей смешного падения не было, и копчик не пострадал.

Стоя в луже, натекшей из-под Аспириновых ботинок, Алена стягивала заснеженные сапожки. Вокруг правого глаза темнел огромный синяк.

– Они тебя били?!

– Кто?

Алена говорила устало и совершенно спокойно. Аспирин снова взял себя в руки.

– Где ты была?

– Я упала, – она едва шевелила губами. – Грохнулась мордой об этот проклятый автомат.

– Автомат?!

– Который напитки продает, – она криво улыбнулась. – А ты о чем подумал?

* * *

На этот раз она преуспела – сыграла почти без ошибок почти пятьдесят минут. Правда, признавалась Алена, темп был медленнее, чем надо. Аспирин представлял себе, как она стоит в переходе, где пересекаются два человеческих потока, и играет, играет, играет…

– А люди что?

– По-разному. Из-за того, что темп поплыл у меня, и мелодия получилась вялой. Кто-то ругался… Кто-то просто проходил, не

глядя. Какая-то бабка орала полчаса, потом устала и ушла. А потом…

Алена раскрыла футляр. Аспирин обмер: на месте скрипки лежала кучка щепок.

– Ничего, – успокоила Алена. – Ерунда. Струны-то целы.

Она вытащила из футляра гриф и принялась сматывать струны с колков.

– Как это? – спросил Аспирин.

– Пришел старый мент, – объяснила Алена, – не выдержал, и…

– Он тебя ударил?!

– Да говорю же – нет. Просто, пока мы с ним дрались за скрипку, я немножко оступилась и мордой об эту железную дуру… автомат, в смысле.

– Вы дрались с ментом за скрипку, – пробормотал Аспирин.

– Там был еще один… дяденька в штатском. Он меня от мента защитил. Но тот все равно отобрал скрипку, да как шарахнет о стену. Я сперва… ну, был момент, когда я струхнула. А когда увидела, что струны целы – ну, у меня от сердца отлегло. Все в порядке.

– Дяденька в штатском?

– Потом я собрала, что осталось, сложила в футляр и пошла домой, – Алена вытерла нос тыльной стороной ладони. – Я боялась, что Мишутка будет волноваться.

Она плюхнулась на диван, обняла медведя, ласково потрепала за ушко:

– Соскучился, маленький? Я же сказала, что скоро вернусь.

– Они могли тебя забрать! Без него… И без скрипки… Запихнули бы в машину – и все!

– У тебя мания преследования, – она скупо улыбнулась, прижимая к себе мишку. – Не бойся, Леша, меня не так-то просто куда-то запихнуть… Ты меда купил?

– Меда?

– Ну я же просила тебя купить мед для Мишутки! Что он будет сегодня есть?!

В ее голосе было столько обличительной силы, что Аспирин, понурившись, побрел на кухню – шарить по полкам.

* * *

– Ребенок больше не будет заниматься в музыкальной школе.

Светлана Николаевна, учительница музыки, стояла перед Аспирином на лестничной площадке. Это было страшно

невежливо с его стороны – не пускать ее в дом. А с ее стороны – вежливо вот так являться домой к полузнакомому человеку, который ясно дал понять, что не хочет тебя видеть?

– Алексей Игоревич, вы не правы. Это будущее вашего ребенка…

– Светлана Николаевна, еще одно слово – и я спущу вас с лестницы.

Она отступила. В этот момент он в самом деле похож был на человека, способного исполнить угрозу.

– Просьба в дальнейшем не беспокоить, – сказал он, закрепляя успех.

Она развернулась и бросилась по лестнице вниз, едва удерживая слезы. Аспирин остался стоять, и секунду спустя услышал вскрик этажом ниже: два женских голоса вскрикнули одновременно.

– Ой!

– Да что вы…

Он перегнулся через перила.

Ирина стояла на лестничной площадке. Топот убегающей учительницы гулко доносился снизу, из подъезда. Ирина смотрела ей вслед почти с ужасом. Они столкнулись, понял Аспирин. Хорошо еще, что порывистая Светлана Николаевна не сбила соседку с ног…

Ирина подняла глаза и увидела его.

Секунда. Холодный сквозняк подъезда.

Потом они разошлись, не сказав друг другу ни слова.

* * *

Преддверие Нового года всегда приносило нехилый дополнительный заработок. Корпоративные вечеринки начались уже в середине декабря, и Аспирин устраивал праздник попеременно чиновникам, бизнесменам, каким-то продвинутым лицеистам и опять чиновникам, и так почти без перерыва. Он уставал, как собака, зато семейный бюджет поправился и даже, пожалуй, разжирел.

Вместо погибшего инструмента Аспирин купил по объявлению другой. Эта новая скрипка превосходила покойницу по всем статьям: разница в звучании слышалась невооруженным ухом. Алена была довольна.

Приближалось католическое Рождество. Проезжая на машине мимо елочного базара, Аспирин вдруг притормозил. Вот уже много лет он не опускался до возни с елкой – Новый год

проходил где угодно, только не дома. Но у самого края ограды из жердей стояла (вероятно, с рекламной целью) огроменная темно-зеленая ель. Откуда ее привезли, какой «Зеленый патруль» оплачет ее кончину – Аспирин не стал себя спрашивать. Он вышел из машины, и торговец, как водится, заломил цену – ель была его гордостью, до праздников еще оставалось время, а покупатель вовсе не выглядел бедняком. Аспирин вытащил кошелек, как барон на рабском рынке, велел связать ель веревкой и «присобачить» к багажнику.

Втаскивая елку в лифт, он проклял свой глупый порыв. Хотел уже выбираться и тащить колючую тяжесть по лестнице, но тут зеленая верхушка наконец-то вместилась в коробку и пришлась по габаритам, как родная. Вздохнув с облегчением, Аспирин нажал на «пять», и в эту самую секунду в лифт – в незагроможденное елкой пространство – впрыгнула женщина.

Аспирин успел увидеть, как спокойствие на лице Ирины сменяется паникой, а паника – решимостью. Лифт полз наверх; Ирина нервно поправила челку, две вертикальные складки на лбу сделались виднее.

– Я думала, нам надо поговорить…

Лифт приехал на пятый этаж. Аспирин не успел пошевельнуться – Ирина нажала кнопку девятого.

– Я думала… нам надо поговорить. Я думала – это нормально, когда люди разговаривают.

Аспирин уныло подумал, что ошибся в ней. В женщинах он ценил прежде всего легкость – и при встречах, и при прощаниях. Они с Ириной доставили друг другу радость и разошлись по обоюдному – он так думал – согласию. Неужели она закатит сцену?!

Лифт приехал на девятый. Ирина, секунду поколебавшись, нажала кнопку с цифрой «два». И лифт снова поехал; Аспирин двумя руками удерживал тяжелую елку, ладони его были в смоле, иголки норовили ткнуться в щеку.

– Я понимаю, в твоем кругу… так, наверное, и делается. Когда люди, будто кошки… когда им все равно, вместе они или…

Она была очень красная. Ей было стыдно за каждое слово, но удержаться она уже не могла. Замкнутые в тесном пространстве, в компании огромной колючей елки, они ездили вверх и вниз, будто экипаж маленького, забытого и обреченного космического корабля.

– Я тебя презираю, Алеша. Мне бы хотелось, чтобы ты это знал.

Лифт приехал на второй. Ирина, всхлипнув, нажала кнопку девятого, спохватившись, выставила руку в дверь, и створки не

сошлись. Ирина выскочила из лифта и кинулась по лестнице вверх. Аспирин, не думая, еще раз нажал почему-то кнопку девятого.

А через минуту, выгружая ель на своем этаже, он услышал, как внизу бранится консьержка тетя Света:

– Эй, кто там в лифте балуется?!

* * *

– Зачем это? – удивилась Алена.

Аспирин положил елку на пол в прихожей. Тут же о нее споткнулся. Чуть не упал, хотел поддать дерево ногой, но в последнюю минуту все-таки удержался.

– Что-то опять случилось?

– Ничего.

– Да ладно, я же вижу… Зачем ты елку приволок?

– Если тебе не нравится, выброси в окно, – сказал Аспирин и закрыл за собой дверь спальни-кабинета.

Пять минут было тихо. Потом Алена заиграла снова.

Он лег, не раздеваясь, и закрыл глаза. И через несколько минут провалился в параллельную реальность: ему казалось, что он лежит в спальне с зеленоватыми занавесками, и что на пыльном подоконнике несет вахту старая настольная лампа. И что Ирина спит рядом.

И он протянул к ней руку, счастливый, что все так хорошо разрешилось и не было, оказывается, тех суетливых дней, когда они считали друг друга чужими людьми. Рука провалилась в пустоту, но Аспирин не захотел просыпаться. Не открывая глаз, попробовал еще раз – дотянуться…

И пришел в себя.

Шторы были серые, комната – другая, никакой лампы не было в помине. Полоска света выбивалась из-под двери.

Щурясь, он выбрался в коридор: по всей квартире пахло хвоей, и елка не валялась, связанная, на полу в прихожей. Она стояла в гостиной в большом ведре, огромная, влажная, и занимала собой чуть не полкомнаты.

Под елкой сидел на расстеленной наволочке Мишутка. Глядел на Аспирина.

– Где у тебя игрушки хранятся? – Алена впервые за много дней казалась довольной. – В смысле, елочные?

Аспирин показал ей картонный ящик, затерянный в глубине шкафа, перекочевавший еще с родительской квартиры, не открывавшийся минимум лет десять. Алена стерла с картонки

пыль и подняла крышку. На свет один за другим стали появляться сосульки и шарики; у Алены порозовели щеки. Она разглядывала блестящие штучки и строила рожи своему смешному отражению, потом отыскала красный с блестками колпак и напялила на Мишутку – словом, вела себя, как и положено девочке, впервые открывшей ящик с елочными игрушками. Аспирин невольно вспомнил, как и сам сиживал перед этим ящиком, перебирая сокровища, предвкушая праздник. А рядом, на полу или на диване, сидели отец или мама. Или оба вместе; Аспирину казалось, еще секунда – и ощущение детства повторится. Еще мгновение…

– Вы поругались с Ириной? – ни с того ни с сего спросила Алена, и наваждение рассеялось. Воспоминания ушли.

– Почему ты так решила?

– Мне показалось.

– Мы не ругались. Просто, знаешь ли, у взрослых бывают сложные взрослые проблемы, отношения…

– Ну ты же с ней спал, – со снисходительной улыбкой сообщила Алена. – Вам обоим нравилось. Почему же вы расстались?

Аспирин выронил сосульку, и она разбилась. Шипя и ругаясь сквозь зубы, он побрел на кухню за веником.

Алена опередила его – явилась с пылесосом. Он смотрел, как она вычищает ковер – и заодно диван, и пространство под музыкальным центром.

– Мы с Ириной чужие люди, – сказал он, когда пылесос наконец замолчал. – А кроме того…

Алена подняла крышку пианино. Взяла аккорд. Аспирин вздрогнул.

– А кроме того, тебе и так хорошо, Лешенька. Ты стильный, веселый, популярный, уверенный в себе. К тебе до старости будут липнуть женщины – ни в бабках, ни в бабах недостатка не будет. Зачем тебе распахивать землю, поливать и полоть, и собирать урожай, если ты можешь пойти на карнавал – и тебя засыплют сладкими плодами с головы до ног?

Ее руки порхнули над клавишами. Пробежала мелодия, будто белка, прыг – и нету, только ветки качаются.

– Кучеряво выражаешься, – выдавил Аспирин.

– Но по сути – верно?

– А тебе-то что?

– Ничего, – она пожала плечами.

– Ну так и заткнись!

Он ушел к себе, кипя от злости и умирая, как мальчик, от горькой обиды. Алена играла с ним – то, прикинувшись

настоящей девочкой, провоцировала в нем отцовские чувства. То вдруг сбрасывала маску и с циничной ухмылкой тыкала пальцем в больное место. Дернул его леший притащить домой эту елку…

Он посмотрел на часы и понял, что опаздывает в клуб. И, лихорадочно собираясь, пообещал себе, отработав – напиться.

Январь

– Да, Валя, мы вас слушаем! Валя, говорите, вы в эфире!

– Алло…

– Да-да, все вас слышат, я напоминаю: мы играем в словечки, и наша фишка сегодня – любовь в новогоднюю ночь! Валюша, вы встретили свою любовь за новогодним столом?

– Да…

– Как его зовут?

– Игорь…

– Вы хотите, чтобы праздник продолжался, правда? У вас есть шанс выиграть ночь в пятизвездочном отеле «Фламенго», одну ночь, память о которой переживет века! Для того, чтобы вам с Игорем выиграть эту ночь, надо правильно ответить на вопрос, получить игровой номер и принять участие в розыгрыше! Вы готовы?

(Под Новый год Аспирин, как всегда, работал и вернулся домой часов в девять утра, трезвый, угрюмый, с ноющей болью в затылке. Во дворе, усыпанном прогоревшими останками фейерверков, курили собачники, а их питомцы, дог и ройтвеллер, кружили по снегу, как два вечных двигателя.

Окна Ирины оставались темными.

Отперев входную дверь, он первым делом заглянул в гостиную: Алена спала в обнимку с Мишуткой. Под елкой стояла тарелка с остатками пирожного, стакан из-под сока и скрипка в раскрытом футляре.

Аспирин снял куртку и стянул ботинки. Постанывая от облегчения, сунул ноги в шлепанцы и побрел на кухню. Открыл холодильник, вытащил бутылку темного пива. Пена хлынула через край граненой кружки, Аспирин припал к источнику, как верблюд.

– С Новым годом, – пробормотал сам себе, когда кружка опустела. – С новым счастьем).

– …Вы готовы, Валюша?

– Да…

– Внимательно слушайте: пентюх – это… модель компьютера? Сексуальное извращение? Неуклюжий человек? Ваш ответ?

(Когда он снова вошел в комнату, она уже не спала. Лежала, обхватив медвежонка, и смотрела на Аспирина воспаленными голубыми глазами.

– Привет, – сказал он шепотом. – С Новым годом.

– Я вот что подумала, – сказала она, не утруждая себя условностями. – Я ведь не успею с тобой попрощаться, Леша.

– Как это?

Она улыбнулась:

– Когда я найду брата и мы уйдем… у нас не будет времени зайти к тебе и сказать «до свидания».

– А ты что, уже скоро его найдешь?

– Скоро, – она прикрыла глаза. – Я сегодня ночью… сыграла все правильно. До последней нотки. На обыкновенных струнах, простых. Но значит, смогу и на *его* струнах.

Аспирин подошел ближе. Покосился на медведя. Осторожно присел на дальний край дивана.

– Послушай, – сказала Алена. – Ты меня тогда привел к себе в квартиру… Почему? Почему ты меня не оставил там, на улице?)

– …Валюша, время истекает. Ваш ответ?

– Компьютер…

– А вот и нет! Компьютор – это не пентюх и не пень, а все-таки «Пентиум», а пентюхом в тверской и рязанской области всегда называли толстого, неуклюжего увальня с большой, извините, попой. Как жалко, Валя, вы не угадали, привет Игорю, мы сыграем с вами в следующий раз. А у нас на проводе уже… кто? Как вас зовут?

– Лена!

– Леночка! У вас такой бойкий веселый голос, вы точно ответите на мой вопрос. Слушайте: что такое пенус? Пенус, это… Часть тела мужчины? Мыльное моющее средство? Или это – почему-то – болото? Ну-ка!

– Конечно, это часть тела мужчины!

– А вот и нет! То, что вы подумали, это пенис, Леночка. А пенус – это поросшее травой болото, где косят сено только в засушливые годы, и называется оно так в архангельской области, ну кто бы мог подумать… Так, борьба за ночь любви в пятизвездочной гостинице с бассейнами, садами, ресторанами и прочими несметными радостями продолжается, вы пока соберитесь с мыслями, друзья, вспомните любовь, которая явилась к вам в новогоднюю ночь, и послушате Бритни Спирс!

(Он сидел на краю дивана с кружкой пива в руках, капал пеной на выходные штаны и глядел на девочку с медведем. А на него в ответ смотрели две пары требовательных глаз: пластмассовые и живые.

– Ты хочешь сказать, что для такого мерзавца, как я, было бы естественно оставить ребенка на улице?

Алена молчала.

– Ну да, – Аспирин поставил на пол пивную кружку. – Если бы не… обстоятельства, я, наверное, прошел бы мимо. Я каждый день вот так прохожу. И все проходят. И не потому, что я сволочь или все сволочи. А потому, что такова жизнь. Иначе надо идти в монастырь… или санитаром в больницу. Если по-честному.

Алена молчала.

– Я не могу любить людей вообще, – сказал Аспирин. – Я могу любить конкретного человека – какое-то время. И я, видишь ли, не терплю, когда вторгаются на мою территорию. Взрослые, дети, женщины… Это мой частный мир. Моя экологическая система. Ее легко разрушить. Я ее берегу – из чувства самосохранения.

– А кого ты сейчас любишь, Алеша?

– Сейчас – никого, – жестко сказал Аспирин. – Любовь – это не мыло для каждодневного пользования.

Она опустила глаза и крепче обняла Мишутку. А он поднял кружку, отхлебнул густого холодного пива и почувствовал себя гораздо лучше. Во всяком случае, он ей не врал).

– …Мы продолжаем разговор о любви, о любви в новогоднюю ночь, ни для кого не секрет, что именно под Новый год многие юные и неискушенные впервые узнают вкус этого меда, который взрослые называют любовью… А у нас есть звоночек, мы слушаем, говорите, как вас зовут?

– Алена.

– Алена, добро пожаловать, мы играем в словечки… Алена?!

Секунда молчания – телефонная пропасть в эфире. Тихо гудящий космос.

– Я решила… сегодня, – тихо сказал знакомый голос. – Я увожу его – и ухожу сама. Прощай, Алеша.

– Погоди, – сказал он, в ужасе глядя на микрофон. – Погоди-погоди, послушай…

Короткие гудки. Режиссерша Юлька быстренько разорвала соединение и махнула Аспирину рукой: продолжай, мол.

– В вами «Лапа-радио», – сказал Аспирин хрипло. – Мы продолжаем… но нам надо прерваться и послушать музыку. Музыку! – он злобно зыркнул на Юльку, потрясавшую телефонной трубкой. – Самую веселую на свете, комфортную и дружественную музыку… Прямо сейчас!

* * *

По сумрачным прямоугольным трубам все так же перетекала толпа, мяукали механические котята в картонных коробках, палили очередями автоматчики. Аспирин спешил, на кого-то налетая и извиняясь, заранее зная, что Алены нет в переходе. Ни единого звука, нарушавшего привычный ход вещей, ничего, кроме шелеста подметок, мяуканья и треска; может, она еще не играла, еще не успела начать свою песню?!

У автомата, продающего напитки, не было ни души. Аспирин остановился (на него налетели сзади), но перевести дыхание не успел: в темном углу, привалившись к жестяному боку автомата, стоял знакомый скрипичный футляр.

Он кинулся вперед. На влажном асфальте не осталось следов: если бы не футляр, он бы поверил, что Алена не исполнила задуманное. Или выбрала для решающего концерта другое место. Или опоздала. Или пошутила. Или не пришла.

Футляр был пуст. Аспирин беспомощно огляделся. Люди проходили мимо, ни один не повернул головы.

…Сперва он со скандалом прорывался с эфира. Потом застрял в пробке. Потом бросил машину в каком-то дворе и спустился в метро, а поезда шли переполненные, Аспирин, сам не зная как, пропустил свою станцию… Но ведь *та* песня должна звучать почти три часа, он бы все равно успел!

Он вертел в руках канифоль и воображал, как из толпы навстречу играющей Алене вдруг выходит ее брат… как он выглядит? Они берутся за руки и шагают сквозь стену… или куда? И сейчас они там, в мире без страха и смерти, Алена исполнила то, к чему так стремилась, она даже попрощаться успела, и он, Аспирин, может утешиться и вздохнуть с облегчением…

Он закрыл футляр и поставил его в угол у автомата. Потом снова взял в руки: ему на ум пришла жутковатая ассоциация. Он подумал, что этот футляр – как одежда утопленника на пустом берегу. Не решаясь выпустить из рук то последнее, что осталось от Алены, он отошел к аптечному киоску.

– Добрый день, я ди-джей Аспирин. Вы не слышали, что тут случилось?

– Да шумели чего-то, – охотно откликнулась провизорша. – Драка была, или что. Или пикет. Из будки не разобрать. Тут у нас вечно: то цыгане, то хлопцы с гитарой, то какая-то девчонка сумасшедшая на скрипке играла.

– А сегодня? Тоже играла?

– Говорю же: не знаю. Народ толкался очень, шумели, и валидол у меня почти весь продался.

– Когда это было?

– Да с полчаса назад… Разошлись вот недавно. Аспирин берете, что-то еще?

И протянула упаковку таблеток.

Вертя в руках свежекупленный аспирин, он добрался до выхода, где стояли, демонстративно не глядя друг на друга, бабка с семечками в корзине и пара молодых ментов – высокий и маленький. Менты были похожи на зимних голубей – всклокоченные, мрачные и растерянные.

– Мужики, – быстро спросил Аспирин. – Тут девка со скрипкой была?

Высокий посмотрел угрюмо. Маленький – с подозрением.

– Документы, – зачем-то сказал высокий. Аспирин вытащил из внутреннего кармана паспорт:

– Гримальский Алексей. Ди-джей Аспирин.

Менты переглянулись.

– Так что, девчонка со скрипкой была-таки?

– Прибацаная девка, – признался маленький.

– Куда она потом делась? Ее забрали? Кто, как они выглядели?

– Заберешь такую, – маленький смотрел в сторону. – Кто-то ее крышует конкретно. А ты ей кто такой?

– Я ее отец, – сказал Аспирин.

– Чего?!

– Я ее отец, – Аспирин прокашлялся. – У меня и свидетельство есть. Она… ну, у нее с головой не все в порядке. Куда ее забрали, куда мне за ней ехать, ну скажите!

– Ушла она, – неприязненно сказал высокий.

– Куда?!

– Домой. А куда еще?

– Так ведь дома ее нет!

– А ты проверь, – сказал маленький. – Сейчас не лето, по паркам бомжевать. Замерзнет, жрать захочет – и придет. Никуда не денется. Так, а ну быстро собираем шмотки!

Последняя фраза относилась не к Аспирину, а к торговке носками, волшебным образом возникшей по соседству. Маленький мент оказался почти гипнотизером – Аспирин вдруг ясно увидел Алену, усталую, озябшую, переступающую порог квартиры со скрипкой под мышкой. А ведь и в самом деле – куда ей деваться?!

Он поднялся из перехода и, привалившись плечом к мокрому дереву, набрал номер на мобилке.

Никто не отвечал. Длинные гудки.

* * *

– Алена!

Увидев темные окна, он понадеялся, что она, может быть, легла спать и потушила свет. Но диван был пуст, и плед аккуратно сложен поверх подушки. Высыхала в углу елка. Стопками возвышались диски на музыкальном центре, на пианино лежали ноты, в основном ксерокопии.

Он положил футляр на край дивана – и огляделся еще раз, вспомнив нечто очень важное.

Мишутки не было!

Аспирин обыскал квартиру. Нащупал пистолет на антресолях. Потом сел на кухне, оперся локтями о вычищенный до блеска стол и задумался, как на экзамене.

Она ушла навсегда – с Мишуткой.

Но прежде, чем уйти навсегда, ей надо было сыграть *его* песню – от начала и до конца. В переходе.

А если Мишутка был с ней в переходе – Алену никто ведь не мог обидеть?

То есть безнаказанно не мог.

Но лужи крови и милицейского оцепления в переходе не было? Значит, на Алену не бросались с зонтиками наперевес?

Или она уговорила медведя потерпеть?

Или Мишутки все-таки не было в переходе?

Аспирин прошелся по квартире взад-вперед, а потом позвонил Вискасу.

– Привет, Гримальский, – сказал Витя Сомов непривычно злым голосом. – Ну, где она?

– Я не знаю, где она! Я тебя хотел спросить, где она!

– Ее бездарно просрали, – сказал Вискас после паузы. – Она объявлена в розыск… Не волнуйся, найдут.

* * *

В метро было по-прежнему душно и людно. В переходе текли, как ни в чем ни бывало, человеческие реки, но аптечный киоск был уже закрыт, и торговец механическими котятами исчез.

Аспирин остановился перед автоматом, торгующим напитками. Порылся в карманах. Заказал мокаччино и, пока автомат гудел и подмигивал, пытался поймать мысль, едва наметившуюся – и опять ускользнувшую.

«Пока мы дрались за скрипку, я немножко оступилась и мордой об эту железную дуру… автомат, в смысле…»

Забыв о своем мокаччино, Аспирин шагнул вперед и заглянул в щель между автоматом и стеной.

Протянул руку.

В щель был втиснут школьный ранец.

* * *

Он вернулся домой в двенадцатом часу ночи.

На кухне светилось окно – Аспирин чуть с ума не сошел. Не дождался лифта, кинулся по лестнице, отпер дверь – оказалось, что квартира по-прежнему пуста, это он сам, уходя, не выключил свет. Растяпа.

…Аленин ранец за что-то там зацепился, Аспирин мучился с ним полчаса, пыхтя и провоцируя любопытство прохожих, а когда вытащил добычу из щели за автоматом – пожалел о содеянном. Потому что в ранце ничего не было, кроме свернутого в три погибели, запертого клапаном Мишутки.

У Аспирина опустились руки. Он стоял в двух шагах от брошенного портфеля с игрушкой и медленно, шаг за шагом осознавал: нет, она не ушла в прекрасное далеко. Прекрасного далека нет и, скорее всего, не было; случилось что-то совсем другое.

Он ушел и вернулся. Он не знал, что делать с портфелем и с запертым в нем… монстром? Да ладно: плюшевой игрушкой. Здесь, в переходе, пропахшем сигаретами, сыростью и специфическим запахом метро, правдивая история Алены и Аспирина представлялась редкостным бредом. И не прекрасное далеко вырисовывалось на горизонте, а первомайский интернат для детей с пороками развития, приемник-распределитель для несовершеннолетних, а в худшем случае – какой-нибудь педофильский притон.

– Как ты мог ее бросить? – шепотом спросил Аспирин у медведя. Медведь, естественно, не отвечал.

Разумеется, Алена не оставила бы Мишутку по своей воле. Значит, была тут чужая воля. Могучая и злобная.

Он вспомнил босого человека в сером свитере и камуфляжных штанах. Интересно, зимой он тоже ходит босиком?

Мимо текла толпа. Шелестели подметки по асфальту. Аспирин стоял, чувствуя, как уходит время. Где-то там Алене – теперь он был уверен в этом – грозит беда.

Он перезвонил Вискасу, но, кроме мата, почти ничего не услышал.

– Ищут ее! – орал Вискас. – Ищут, понятно?

Поднял с земли портфель. Мишутка был совсем легкий; на этот раз Аспирин не дал себе времени на раздумья. Домой,

домой…

Портфель он поставил под елкой. Мишутка не смотрел на него. Он был игрушка, тряпичная и мертвая. Аспирин ногой задвинул ранец поближе к стене.

Стрелки на часах сошлись – и замерли. Маятник мягко затормозил, все сокращая и сокращая амплитуду.

Двенадцать часов. Полночь.

* * *

– Алло.

– Алло… добрый вечер. Это Алексей.

Пауза.

– Что случилось?

– Алена ушла. Она… потерялась. С ней что-то… Ее нет нигде. Я подумал… может, она у тебя?

Пауза.

– Нет. Я ее давно не видела… Погоди. Что с ней могло случиться? Когда она ушла?

– Сегодня днем. Она мне позвонила в эфир, сказала, что уходит навсегда и прощается. В том переходе остались футляр, портфель и… Мишутка. Она с ним никогда не расставалась.

– Ты звонил в милицию?

– Звонил! Сказали завтра занести заявление, утром… фотографию… Ира, у меня даже нет ее фотографии! Ни одной!

– Подожди… Я сейчас поднимусь.

* * *

«Тут везде смерть, желтые листья падают… мертвые…»

А если она потеряла память и не помнит ни Аспирина, ни его адреса? Опять пришла из ниоткуда, упала с неба и очутилась в подворотне, только на этот раз без Мишутки?

Тянулась самая длинная в его жизни, сама холодная и темная ночь.

А что было до того, как Алена очутилась в той подворотне? Откуда взялись полосатые носочки, чистые, новенькие? Кто подарил ей футболку с надписью «Krakow. Learning to fly»? Не в интернате же выдают такое?

Может быть, у нее уже была семья. Которая уже почти полгода ищет ее, звонит в больницы и морги, теребит милицию, печатает фотографии в газетах… если, конечно, тем людям

повезло больше и у них остались Аленины фотографии. А может, там ее и звали по-другому?

– На, – Ира протянула ему таблетку на ладони.

– Что это?

– Валидол.

– Спасибо.

Он взял таблетку, на секунду коснувшись ее руки. Вспомнил снегопад, окно, светящееся зеленым, вспомнил – и сразу забыл.

Шел седьмой час утра – и пятый час тягостных поисков. Ирина не оставляла его ни на минуту – ни в душном милицейском отделении, ни в холодном морге, ни на улицах под мокрым снегом, ни в приемных многочисленных больниц.

– Что все-таки она сказала? Как вы поругались?

– Мы не ругались. Она давно собиралась уйти. Но я не верил, что у нее получится.

– Во что не верил? Уйти? Погоди, почему?

Слова повторялись и повторялись, разговор шел по кругу, и Аспирин, странное дело, находил в этом облегчение. Ему нужно было, чтобы Ира сидела рядом и задавала заведомо дурацкие вопросы.

Эта ночь была населена врачами и санитарами, их пьяными окровавленными пациентами, ментами, охранниками, проститутками, бомжами – но никто из них не видел Алену и не встречал ее. И это, наверное, к лучшему: Аспирин содрогался, представив, чем могла бы обернуться подобная встреча.

– У нее есть друзья? Подруги? Неужели ни одного?

– Она даже в школу не ходила… не ходит.

– Это безобразие, Алеша, это просто кошмар. Почему?

В девять утра Аспирин позвонил по межгороду. В первомайском интернате для детей с дефектами развития никто не брал трубку.

– Ты хотел рассказать, как она у тебя появилась, – тихо напомнила Ирина.

Аспирин помотал головой:

– Не сейчас. Потом.

Он перезвонил домой, но и там, разумеется, никто не подходил к телефону.

– Может, она потеряла ключи? – предположил он неуверенно. – Стоит под дверью…

Ирина покачала головой:

– Не думаю.

Медленно светало. Снова пошел дождь пополам со снегом. Аспирин включил «дворники»:

– Отвезти тебя домой?

– А ты?

– А я буду искать. Знаешь что? Ты… не могла бы посидеть пока у меня дома, вдруг она перезвонит? Или вообще кто-то перезвонит на домашний?

Ирина задумалась.

– У тебя, наверное, работа? – спохватился Аспирин.

– Ничего, – сказала Ирина. – Я решу этот вопрос… Хорошо. Поехали.

* * *

В квартире ничего не изменилось. Футляр от скрипки, школьный ранец под елкой, из-под клапана торчит голова плюшевого медведя. Аспирин и слова не успел сказать – Ирина наклонилась и подняла Мишутку. Расправила слежавшуюся шерсть на морде:

– Бедняга… Потерпи. Она вернется.

Аспирин проглотил слюну:

– Ну… я поехал. Если будет кто-то звонить, ты мне сразу на мобилку… хорошо?

Она кивнула и вдруг прижала Мишутку к груди – почти Алениным жестом.

Аспирин вышел во двор. Выкурил сигарету, сидя в машине и поглядывая на окна. Что-то мешало, как песчинка в глазу, будто камушек в ботинке. Ирина, Мишутка… Ирина…

Он раздавил окурок в пепельнице и снова поднялся на пятый этаж.

– Извини… давай я этого медведя с собой возьму.

Ирина не удивилась.

– Возьми, – отозвалась серьезно. – На удачу.

Он неловко взял Мишутку за переднюю лапу.

– Без глупостей, – шепотом сказал в лифте. – Только без глупостей, ты…

И поморщился, вообразив себе, каким идиотом выглядит со стороны.

* * *

Был четверг – рабочий день, но телефон интерната не отвечал, хоть тресни. Аспирин совсем уверился, что телефон неправильный – когда в половине двенадцатого дня трубку на том конце наконец-то подняли. Крикливая женщина никак не

могла понять, чего от нее хочет Аспирин. Кого-то звала, кого-то не могла найти, требовала перезванивать еще и еще раз; перевирала фамилию («Глиманьская? Иманьская?») и наконец сообщила, что ответить на вопрос Аспирина может только директор, а он будет в понедельник.

Отключая трубку, он не испытывал даже разочарования – только усталость.

Он ходил по Макдональдсам. Всматривался в лица. У него осталось смутное воспоминание, что в Макдональдсе Алене понравилось.

Правда, у нее нет денег…

Но ведь у нее есть скрипка! Она может заработать себе хотя бы на булку… С другой стороны, Аспирин никак не мог представить себе Алену, бродящую по городу, играющую в переходах, жующую в Макдональдсах, не желающую возвращаться домой хотя бы ради Мишутки…

Или она в самом деле все забыла?

Он спустился в переход и почти сразу услышал «Мелодию» Глюка.

Он ломанулся сквозь толпу. Он не знал, обнимать ее? Или бить? Или делать вид, что ничего не случилось?

Он завернул за угол и остановился. Девушка лет двадцати играла равнодушно и размеренно, перед ней в скрипичном футляре лежали деньги – и диски с фотографией на обложке. Аспирин несколько минут стоял рядом, переводя дыхание. К нему подкатился кудрявый парень с приятной, немного слащавой улыбкой:

– Не желаете купить диск?

Аспирин отказался.

Начались вторые сутки с тех пор, как Алена позвонила ему в эфир. Казалось, прошли уже годы. Аспирин выпил кофе в подземной кофейне, съел бутерброд и немного покурил.

Выкинул опустевшую пачку из-под сигарет.

После полуночи перезвонил Вискас:

– Хорошие новости: среди мертвых ее точно нет. Во всяком случае, среди тех мертвецов, которых нашли и оприходовали в последние сутки. Крупных аварий тоже не было, в криминальных эпизодах она не фигурирует… Сучка, забилась где-то и прячется. Или на полпути в интернат. Может быть, уже завтра объявится.

– Что мне делать? – спросил Аспирин.

– Езжай домой и поспи, – посоветовал Вискас. – Все равно от твоих конвульсий никакого толку.

* * *

Аспирин бросил машину во дворе. Окна не светились – ни в его квартире, ни в Ирининой.

Он отпер дверь своим ключом. Ирина спала на диване, свернувшись калачиком. Приподнялась на локте, заморгала, щурясь от света в прихожей:

– Ну что?

– Ничего.

– Ну и хорошо, – Ирина судорожно зевнула. – Отсутствие новостей – хорошая новость, так?

У Аспирина не было сил говорить. Он кивнул.

– Ты что-то ел?

– Да… Никто не звонил?

– Звонила дама по имени Евгения, была шокирована, что я отвечаю по твоему номеру. Звонил редактор журнала «Мачо». Больше никто.

– Спасибо, – Аспирин привалился плечом к стене. – Что делать, если мы ее не найдем?

– Мы найдем ее, Алеша, – сказала Ирина не очень уверенно. И повторила уже тверже: – Мы будем искать ее, пока не найдем.

* * *

Он проснулся и не сразу понял, где находится и что произошло. Потом, вспомнив, рывком сел на кровати.

Была ночь. Дом и двор спали, за окном висела полускрытая облаком луна. Дверь в комнате не закрывалась, в кухне горел свет. Аспирин посмотрел на часы – половина четвертого.

Значит, он проспал всего минут сорок.

Почему проснулся? Было ведь четкое ощущение: что-то произошло. Именно сейчас. Неужели с Аленой?!

Он дернул шнур торшера. Зажмурился. Повернул голову – и встретился глазами с пластмассовым взглядом Мишутки. Игрушечный медведь сидел на тумбочке рядом с кроватью, чуть наклонив голову и пристально вглядываясь в Аспирина.

Аспирин выругался. Протер глаза и выругался снова: откуда здесь… Господи! Он не помнил, приносил ли он Мишутку из машины или так и оставил на заднем сиденье. Он был не в себе, когда вернулся домой. Но неужели он притащил медведя в спальню и усадил на тумбочку в полуметре от своего лица?!

Он вспомнил, как запер дверь за Ириной – она ушла к себе. Ей тоже пришлось несладко. Но кто принес медведя в спальню?

– Алена! – крикнул Аспирин.

Он выбежал на кухню. Включил свет в гостиной. Снова

заглянул в ванную и в туалет, уже отлично зная, что там пусто. Входная дверь была заперта. Алена не возвращалась.

Медведь по-прежнему сидел на тумбочке. Глаза его тускло поблескивали при свете торшера. Аспирин уселся напротив; медведь смотрел пластмассово, тупо.

– Где она? – шепотом спросил Аспирин.

Медведь не ответил.

– Что ты за тварь? Ты, – Аспирин протянул руку, – вата. Плюш. Тряпка…

Он вздернул медведя за переднюю лапу. Мишутка повис, не делая попытки освободиться. Аспирин, крякнув, изо всех сил швырнул им об стену. Мягкий удар; игрушка повалилась на пол почти беззвучно. Аспирин посмотрел вниз и только теперь увидел, что на полу у кровати валяются диски, зарядник от мобилки, коробка от диктофона, газета – все, что лежало на тумбочке до того, как там воцарился плюшевый медведь. Как будто их сбросили, чтобы освободить место.

– Сука, – прошептал Аспирин и понял, что никогда больше не сможет спать.

* * *

Он ехал по городу наугад.

Четыре утра. Светофоры мигали желтым. Медведь лежал на переднем сидении – бросить его назад Аспирин в последний момент не решился. Медведь валялся, раскинув лапы, и в глазах его отражались проплывающие огни.

Запертые магазины. Опущенные жалюзи. Такси на перекрестке. Разнокалиберные елки, украшенные гирляндами, затянувшийся праздник. Дорога взялась ледком, и Аспирина несколько раз опасно заносило в сторону.

Он добрался до центра. Миновал его и тут только понял, что едет, как по наитию, в совершенно определенном направлении. И даже смутно представляет, что ждет его в конце пути – крутая темная улица и блочная девятиэтажка, дом два дробь четырнадцать.

Почему?!

Он поддал газу и тут же опасливо притормозил. На подмерзшей улице машина делалась неуправляемой. Дорога пошла под уклон, Аспирин крался, маневрируя, подтормаживая сцеплением. Спуск сменился подъемом, бешено завертелись колеса, машина забуксовала. Аспирин попятился, взял разбег и рванул вперед; густо завоняло выхлопом. Машина ползла вверх,

как муха по стеклу. Открылись огни на той стороне улицы, внизу. Аспирин перевел дыхание – и увидел дом два дробь четырнадцать.

Над входом горел тусклый фонарь в железной оплетке. Почти перегораживая вход, стоял запорожец на продавленных колесах, давно неподвижный, заваленный снегом выше крыши. Свет фонаря падал на вывеску: общежитие какого-то техникума, не пойми какого, официальный текст скрывался под нанесенными позже матерными комментариями.

Аспирин вернулся к своей машине. Поднял голову: в доме кое-где горели окна, где-то смеялись, где-то громко играла музыка. Дом был обитаем – уродливая серая коробка, пародия на человеческое жилье. Что здесь нужно Аспирину? Зачем он приехал?

Он замерз. Сел за руль, включил печку (мотор не успел остыть), выкурил сигарету. Мишутка лежал, раскинув лапы с демонстративным миролюбием.

– Какого черта? – шепотом спросил Аспирин.

Выбрался на грязный снег. Взял медведя под мышку. Запер машину и поставил на сигнализацию.

Входная дверь противно заскрипела. Аспирин вошел в вестибюль, пустой и страшный, с останками древней телефонной будки. Голая лампочка на шнуре освещала необитаемую вахтерскую конуру с выбитым окошком.

Поудобнее перехватив медведя, Аспирин поднялся на второй этаж. Оказался в полутемном коридоре, между рядами одинаковых деревянных дверей. Откуда-то доносились музыка и голоса – люди истерически веселились.

Что он здесь делает?!

Прижимая к себе медведя, он двинулся по коридору – туда, где ложилась на линолеум полоска света из приоткрытой двери.

Прямо за дверью урчал древний холодильник. Привалившись к нему спиной, сидел парень с выбеленными перекисью патлами. Держался за голову и покачивался, живя, по-видимому, напряженной внутренней жизнью.

Аспирин прошел мимо.

Их было много – каждый занимался своим делом, почти никто не обращал ни на кого внимания. Курили, ели из консервных банок, пили пиво и водку, нарезали лук на деревянной доске, выясняли отношения («Где мой баян?» – вопрошала девица лет семнадцати у бледного сонного парня, а тот устало мотал головой, отцепись, мол). Аспирин шел, почти наступая на чьи-то ноги и руки, молча оглядываясь, будто аквалангист на большой глубине.

– Дядя, ты куда? – спросила девчонка-подросток с синими кругами под глазами. – К Светке?

Аспирин неопределенно махнул рукой.

– А что это за чувырла у тебя, медведь, что ли? Дай подержать!

– Сейчас, – сказал Аспирин. – Скажи, тут была… девочка? Алена? Где она?

Его собеседница пожала плечами:

– Малолетка? Не знаю. Спроси у Дергача, я ничего не знаю… Слушай, а ты не мент?

Больше не слушая ее, Аспирин зашагал, переступая через сидящих и лежащих (мебели было мало, а людей – много), к двери в соседнюю комнату – он только сейчас заметил ее, она была почти полностью заклеена обрывками желтых газет. Толкнул – дверь не поддалась. Потянул на себя; в комнате было почти темно, кто-то храпел в углу, кто-то тяжело дышал совсем рядом. Аспирин пошире открыл дверь – комната была устлана матрацами, завалена барахлом и телами спящих, а в дальнем углу сидела, прижав колени к подбородку, девочка.

Он подошел, не веря себе. Склонился над сидящей. Заглянул в лицо.

– Алена!

Ресницы, слипшиеся от высохших слез, медленно поднялись.

– Алеша, – сказала она, всматриваясь в его лицо, будто пытаясь узнать после многолетней разлуки. – Алешенька… Это правда ты?

Он все-таки наступил кому-то на руку. Сопение сменилось руганью, но Аспирин не слышал. Он тащил девчонку к двери, подсознательно ожидая, что вот сейчас дверь захлопнется перед носом. Это западня, ему не дадут уйти, судьба не отдаст ему Алену.

И точно, в плечо ему вцепилась рука:

– Эй, дядя…

Аспирин, не слушая, развернулся и ударил говорящего в челюсть. С удивительной снайперской точностью.

Что-то загрохотало, кто-то упал. Аспирин, чуть не сорвав дверь в петель, вывалился в коридор – в одной руке Мишутка, в другой – Алена. Позади визжали, кто-то матерился и зловеще взрыкивал: «Дайте мне его! Дайте мне его!» Аспирин остановился, сунул медведя Алене, оттеснил ее за спину; в коридор вслед за ним вырвался парень в синей майке, с кухонным ножом в руке – к широкому лезвию прилипло колечко лука.

Глаза у парня были оловянные – без признака мысли. Аспирин стоял, перегораживая собой коридор, и смотрел в них,

как смотрит брандмейстер на догорающий дом.

– Убю! – нечленораздельно рыкнул парень и пошел на Аспирина. Хоть бы она догадалась уйти, подумал Аспирин сокрушенно; в этот момент глаза нападавшего прояснились.

Он смотрел Аспирину за плечо. Аспирин подавил желание обернуться. Сжал зубы, шагнул вперед, но противника перед ним уже не было – парень кинулся бежать по коридору, шлепая ногами в серых носках, поскальзываясь на гладком линолеуме. Остался только кусочек лука, отлепившийся с ножа и упавший на пол.

За приоткрытой дверью дрались и смеялись, ни на что не обращая внимания.

Аспирин наконец-то обернулся. Алена стояла, прислонившись к стене, изо всех сил обнимая Мишутку – обыкновенного плюшевого медведя с пластмассовыми глазами.

* * *

Ее не били и не насиловали, не пичкали наркотиками. Она просто сидела в уголке под батареей – отогревалась. Было холодно, и хотелось пить.

– Мишутка на меня обиделся. Я бросила его. Заперла его в портфеле и спрятала подальше, чтобы не мешал… а потом все случилось. И – я о нем даже не вспомнила.

– Что случилось? – не выдержал Аспирин. – Что случилось, почему ты ушла, где твой брат? Почему ты не вернулась домой?

– Алеша, – она улыбнулась. – Спасибо тебе, ты меня… нашел. А я потерялась. Совсем потерялась. Даже забыла, как меня зовут.

– Как? – Аспирин покрылся мурашками. Самые скверные его предположения подтверждались: у Алены прогрессирует серьезное психическое расстройство.

– Нет, – она покачала головой. – Я не сумасшедшая. У меня лопнула струна… Струна ми. Эта музыка… мир ее не выдерживает, что-то должно было лопнуть, то ли мир, то ли… Она совершенная, понимаешь, это все равно, что остановить время, – она вытащила из кармана кулек со свернутыми в колечко струнами. – Вот… Их теперь только три.

– А где скрипка? – механически спросил Аспирин.

– Не помню. Да и не надо. Не надо больше скрипки, Леша. Вообще ничего не надо. Все потеряло смысл. Он останется здесь навсегда. И я тоже. Никогда не смогу его вывести. Лопнула струна.

Она говорила и улыбалась, и от этой улыбки у Аспирина

стягивалась кожа на лице.

– Ерунда, – сказал он так спокойно, как мог. – Пусть этот твой… хозяин струн даст еще одну. Чтобы было по-честному. Техническая замена. Это ведь справедливо. Разве не так?

Алена мотнула головой, ничего не сказала, но Аспирин сразу понял: поблажек не будет. Никакой технической замены. Девчонка сидела перед ним, глядя снизу вверх сухими воспаленными глазами, и Аспирин чувствовал себя, как дилетант перед операционным столом. Вот лежит, истекая кровью, раненый человек, и надо помочь ему сию секунду – но неизвестно, как.

– А… – он понимал, что надо что-то сказать быстро и точно, и уверенно, без всяких аморфных «успокойся» и «все будет хорошо». – Послушай… Говорят, Паганини умел играть и на одной струне. У него все струны, понимаешь, порвались, так он на одной струне играл свой «Каприс». Чем ты хуже Паганини, скажи мне, а?

– На одной струне, – проговорила она, как сомнамбула. – Нет, Алешенька. Невозможно.

– Тогда, – Аспирин лихорадочно подбирал слова, – тогда натяни вместо «ми» нормальную струну. Простую. Пусть будет как трещинка на кувшине. Знаешь, против зависти богов. Ты помнишь? В старину, если гончар делал уж очень удачный кувшин, он оставлял там трещинку, изъян, чтобы боги не гневались… Что же, может, тогда ты сумеешь, и мир не лопнет…

Она перестала улыбаться. Аспирин испугался:

– Алена?

Она вдруг кинулась на Аспирина, обхватила шею и прижалась лицом к его щеке, так что на секунду сделалось больно, и Мишутка, зажатый между ними, врезался в грудь Аспирину твердым пластмассовым носом.

Часть третья

Февраль

* * *

– Ты чего?

Он проснулся минуту назад. Ирина лежала без сна, подперев щеку ладонью.

– Ничего, – она улыбнулась, не разжимая губ.

– Я храпел, да?

– Нет.

Он посмотрел на часы. Половина седьмого. Рановато, но ведь сегодня утренний эфир…

Аспирин сел на постели. Спустил ноги на пол. В последнее время в их совместных пробуждениях наметился слабый дискомфорт. Еле слышная фальшивая нота.

– Спать хочу, – пожаловался он. – А некогда. Ты поспи еще, ладно?

Она молчала.

Аспирин нащупал халат на спинке стула. Мягкий, удобный халат. И все так хорошо, спокойно, естественно… Если бы не этот взгляд и не это молчание.

– Если я прикажу своему генералу обернуться морской чайкой, и он не выполнит приказания, кто будет в этом виноват – он или я? – спросил он неожиданно.

– Это из «Маленького принца»? – спросила Ирина после паузы.

– Да… Ответ: «Вы, ваше величество. Потому что вы потребовали невозможного».

– Я требую невозможного?

Аспирин внутренне напрягся. Раннее утро – не время для подобных разговоров.

– Ты вообще ничего не требуешь, – он примирительно погладил ее по руке. – Я пошел, да?

– Иди, – она подтянула повыше одеяло. – Счастливого эфира, Леша.

– И тебе счастливо.

Ее дверь захлопнулась у него за спиной. Прямо в халате, закуривая на ходу, он поднялся наверх, к себе. Соседка с мусорным ведром (полным, по счастью, полным!) проводила его

многозначительным взглядом.

Он сел под форточкой на кухне. Затянулся. Прикрыл глаза. В чем-чем, а в проницательности Ирине нельзя отказать. Она права. Она требует невозможного. Ее завышенные требования подтачивают идиллию, как червь, и никто не знает, сколько еще осталось длиться этому соседскому роману: неделю? Месяц?

Ему тридцать четыре года. Ему нравится его статус. И отношения с женщиной ценны для него сами по себе, без дополнительных «скрепок». Или она это поймет, или… жаль. И правда, очень жаль. Таких, как Ирина, очень мало на свете женщин.

Алена спала. Он оставил ей размороженный фарш в микроволновке. Пусть пожарит котлеты.

* * *

На выходе из клуба какая-то девочка, свеженькая, милая, попросила автограф на листке блокнота. Он нарисовал ей человечка за пультом, подписал «Аспирин», и девочка чуть не растаяла от счастья.

Из машины он перезвонил парнишке, добывавшему для него диски, узнал, что есть свеженького и по пути домой заехал в магазин. В тесной подсобке его угостили кофе, и еще одна девчонка, кассир, попросила его расписаться на флаере какой-то вечеринки. Он купил винила и дисков на все наличные деньги, осторожно пристроил сумку в багажнике и поехал домой.

Алена мыла пол. Свирепо орудовала шваброй, под футболкой выступали острые лопатки. Аспирин снова поразился, какая она тощая.

– Ботинки сними, – сказала Алена, не здороваясь. – Я зря, что ли, стараюсь?

– А ты не старайся. Кто тебя просит?

Алена выпрямилась. Отбросила волосы со лба.

– Не люблю свинарник, – отчеканила, глядя Аспирину в глаза. Подумав, смягчилась: – Ты чего сияешь? Хорошие новости?

– А я сияю?

Аспирин посмотрел на себя в зеркало. Зрелище было обыкновенное – разве что глаза, если присмотреться, блестели ярче обычного.

– Ничего особенного, – сказал, стягивая ботинки. – Возьму, наверное, третью ночь в «Куклабаке». Нагрузочка та еще, особенно если считать субботний утренний эфир… Но какой кайф, когда тебе платят за любимое дело!

Алена улыбнулась – снисходительно и печально. Подхватила ведро, потащила в туалет, грязная вода загрохотала водопадом.

– Знаешь, я бы свалил с «Лапа-радио»… может, и свалю со временем, переберусь полностью в клуб.

– Какая разница? – спросила Алена из туалета.

– Огроменная. Клубный ди-джей, – Аспирин сунул ноги в тапочки, – исполнитель и творец. А на радио – так, коверный клоун, массовик-затейник.

– Не понимаю, – Алена вымыла руки, тщательно вытерла полотенцем. – Чего ты там творишь?

– Настроение, – Аспирин улыбнулся. – Понимаешь… Вот танцпол, – он поставил посреди стола пустую тарелку. – У него свое настроение, своя цель, свой состав: по возрасту, социальному положению, интересам…

Аспирин взял из вазочки печенье, из хлебницы – половинку булки, из холодильника – вареную морковку. Положил на тарелку; в порыве вдохновения добавил пару зубочисток.

– Это мой объект, он сложный. А я – манипулятор. Не злодей, не расчленитель, не политтехнолог: мне от них ничего не надо, я хочу им добра. Я хочу, чтобы им было хорошо и они стали лучше, понимаешь?

Алена уселась за стол. Выжидательно уставилась на тарелку.

– Каждая композиция – это настроение, – продолжал Аспирин, воодушевленный. – Когда мы слушаем музыку, мы его подхватываем… или не подхватываем, если оно нам чужое. Вот я начинаю скармливать им композиции – и при этом обрабатываю.

– Людей?

– И людей, и музыку тоже. Ритм идет по возрастающей – значит, впрыск адреналина. И еще множество фишек и примочек, до утра не расскажешь, но главное – я подхватываю их настроение и плавно, по своей воле, перевожу в другое. От спокойного к экстазу, от экстаза – к эйфории, от эйфории – к нирване… Понимаешь? Я ди-джей. Я профессионально чую, в какое состояние погружает музыка.

Аспирин говорил, вареная морковка танцевала на тарелке, повинуясь его воле, печенье подпрыгивало, а на булку и зубочистки уже не хватало рук.

– Выходит, ты – профессиональный манипулятор?

– Я музыкант, – Аспирин, опомнившись, сунул булку обратно в хлебницу. – Всякий музыкант – немного манипулятор. Тебе ли не знать.

– Нет, – тихо сказала Алена. – Музыкант… особенно если он композитор. Он берет кусок себя, и кровавый кусок… со вкусом жизни, любовью и страхом смерти. И он консервирует… нет, не

так, он переводит лучшие – или страшные – моменты своей жизни в другую… знаковую систему. Другой код. И посылает в пространство. Или записывает значками на бумаге. И ему при этом плевать, раскупают ли у бара спиртное, подрыгивают ли ноги у сидящих и вибрирует ли танцпол, – она двумя пальцами взяла вареную морковку и выбросила в мусорное ведро.

Аспирин сидел и не знал, что ей ответить. Ледяное спокойствие, ледяной взгляд, – она уже забыла, как рыдала у него на плече, забыла, как он вытащил ее из полнейшей задницы, как купил ей новую скрипку – уже третью, между прочим, как занимался психотерапией дни и ночи напролет…

– Ладно, – сказал он так равнодушно, как мог. – Я учту твое мнение о моей персоне.

Встал и вышел.

* * *

– Пособачился я со своим директором, – сказал Костя. – Прямо-таки разосрался. В долгах сижу, диск не могу распродать… Все говорят, круто. А доходит до дела – привет.

– Я ведь наемный работник, – осторожно сказал Аспирин. – Сам ничего не решаю.

– Леха, но ты ведь уважаемый человек. Может, поговорил бы с кем-то?

Аспирин пожал плечами:

– Ну, попробую… Только обещать ничего не могу, ты понимаешь.

– Ну, не обещай, – тоскливо сказал Костя. Вытащил диск с полуголой индианкой на обложке. Раскрыл, размашисто расписался на вкладыше, протянул Аспирину:

– На. Сколько кровищи он мне стоил… Никому нафиг не надо, выходит.

– Держись, – Аспирин повертел диск в руках, спрятать его было некуда.

Народ подтягивался. Была суббота, первая суббота после увольнения из клуба Фомы-соперника; Аспирин немного нервничал.

– Ну, я пошел.

– Удачи, – промямлил Костя.

Официантка поставила перед ним новую рюмку водки. Аспирин подумал: вот талантливый человек, жизнь посвятивший творчеству. И что с ним будет? Что его ждет?

Он поприветствовал чужую публику, как командир экипажа –

пассажиров перед взлетом. Сразу понял, что легкого хлеба не будет. Разнокалиберные клерки, уставшие после рабочей недели, ждали простых попсовых развлечений, продвинутая молодежь – экстрима, публика посолиднее желала провести вечер красиво и стильно, и еще крутились под ногами подростки, перепутавшие «Куклабак» с кислотной дискотекой. Аспирин уселся за пульт, чувствуя себя почти Гагариным на взлете. Поехали!

Он купил их не сразу – но купил. Смог. От простого – к сложному; атмосфера вечера, повыламывавшись для порядка, подчинилась умелым рукам и чуткому уху. Толпы мигрировали – от стойки к танцполу, с танцпола за столики и оттуда снова на танцпол, ноги сидящих подергивались в такт, бармен работал, как маслобойка. Аспирин совсем успокоился и расслабился, когда в ди-джейскую будку ввалился потный толстяк в съехавшем на бок галстуке.

– А ну, поставь «Владимирский централ»!

Аспирин в этот момент сводил два непростых трека. Микс получался отличный, долгий, восемь квадратов; Аспирин перевел кроссвейдер, отключил отыгравший трек – и тогда только посмотрел на визитера.

– «Владимирский централ»! – со значением повторил толстяк. – Слышишь?

– Простите, но здесь не принимают заказов, – вежливо сказал Аспирин.

– Ах ты сука!

Рука с растопыренными пальцами метнулась к воротнику Аспирина. В ту же секунду за спиной заказчика появился один из парней Вискаса, мгновение – и будка была пуста, только висел в воздухе запах перегара.

– Прости, – сказал Вискас, появляясь ниоткуда, как призрак. – Не успели его взять на подходе.

– Ничего, – Аспирин машинально поправил воротник.

– Так и повеяло старыми временами, – ностальгически вздохнул Вискас. – Пальцы веером, цепи, малиновые пиджаки… Тогда мы с ребятами… эх. Ты тогда был мал, не помнишь.

Аспирин невольно улыбнулся:

– Витя, как ты думаешь, сколько мне лет?

Вискас покачал головой:

– Молодо-зелено, сопляк ты еще… Радуешься, что Фому поперли?

– С чего бы? – удивился Аспирин. – Мы с ним были… ну, в общем, по-человечески. Я его подменял, он меня, ты же знаешь.

– Знаю, – Вискас рассеянно покивал. – Как дочка?

– Нормально.

Аспирин напрягся, ожидая продолжения разговора, но Вискас понимающе кивнул, хлопнул Аспирина по плечу и удалился в сторону барной стойки.

Остаток вечера прошел, что называется, чики-пики. Выстраивая трек за треком, сводя их и накладывая друг на друга, играя эффектами, будто жонглер тарелками, Аспирин вспомнил слова Алены о том, что настоящий композитор «консервирует» избранные моменты своей жизни и посылает их в пространство. Творческая личность как консервный завод, с ухмылкой подумал Аспирин, глядя на охваченный эйфорией танцпол. А я, значит, стою с консервным ножом и скармливаю вам весь этот «Вискас». Интересно, если бы я смог сейчас отправиться куда-то вместе с аппаратурой – вы сошли бы с площадки и потянулись за мной? Вереницей? Подергиваясь в такт?

Он тут же перестал об этом думать, потому что пара девчонок, близнецы, синхронно влезли на невысокую сцену и одинаковым движением сорвали топики с загорелых бюстов. Толпа взревела, раздались аплодисменты, девчонки танцевали, счастливые, Аспирин мельком взглянул на часы: не время ставить «медляк». Пусть еще поколбасятся.

Ему вдруг стало скверно. Молчание Ирины, разговор с Аленой, понимающий взгляд Вискаса – все эти мелкие придирки и замечания сложились, слепились в ядовитый блин, встали Аспирину поперек горла, и он только сейчас понял, что устал от жизни. Невыносимо устал. Смертельно.

Двигаясь, как муха в сиропе, он поставил «медляк». Дожить бы до утра. И не надо никакой «гусарской рулетки», хватит одной только усталости, упасть на пульт и замереть. И пусть кто-то другой решает все его проблемы…

– Аспирин?

Он повернул голову.

Девушке было лет двадцать, ярко-зеленые глаза, веснушки, костюмчик, стилизованный под матроску. Хулиганская улыбка. Аспирин мог поклясться, что никогда ее прежде не видел: таких не забывают.

– А ты кто? – спросил он, беззастенчиво ее разглядывая.

Она выпятила грудь, нарочно подставляясь под его взгляд:

– А я Касторка!

– Не наговаривай на себя, – сказал он, ловя себя на первом проблеске интереса.

Она рассмеялась.

– Слушай, – сказал Аспирин. – К тебе в сумку мой диск влезет? А то Костя, понимаешь, подарил…

– Ух ты! – девчонка с видом знатока повертела диск в руках. –

Давай, влезет, только я и себе такой хочу. Где Костя?

– Вон сидит… Потом к нему подойдешь, а то медляк пропустим!

И обнял ее прямо на пороге ди-джейской будки.

* * *

Ночь прошла легко и весело. Аспирин проснулся в чужой постели, чмокнул Надюху в веснушчатое плечо и, кутаясь в простыню, отправился в ванную. Надюхины родители катались на лыжах где-то в Швейцарии, в доме было просторно и чисто, и, нежась под горячими струями душа, Аспирин улыбался, будто у него гора с плеч свалилась.

– Что у тебя есть пожрать?

– Не знаю, посмотри в холодильнике…

Эту сессию она завалила и хотела перевестись на вечернее, но, по ее собственному выражению, «жопкин конкурс не прошел». Папаша встал на дыбы и построил не только преподов, но и саму Надюху:

– Слушай, ремнем грозился. По три раза бегала пересдавать! Они уже от меня шугались!

– Он тебя держит в ежовых рукавицах? – спросил Аспирин.

– Он мне место держит в своей конторе. У них знаешь, сколько юрист получает?

Вместе сварганили легкий завтрак, Надя сварила кофе.

– Я в «Куклабак» каждый день ходить буду.

– Ну, ходи…

– А я еще «Лапа-радио» слушаю.

– Ну и дура. Нечего портить вкус.

Надя обиделась:

– Снобишься, да? Вас всех эта попса кормит, а вы от нее нос воротите!

– Кому попса, кому мать родна, – Аспирин ухмыльнулся. – Где мой диск, который Костя подарил?

– А ты что, уже уходишь? – поразилась Надюха.

– У меня эфир в двенадцать.

Надюха встала, чтобы отнести посуду в раковину. Аспирин не удержался и легонько шлепнул ее по заду.

– Эй! – Надя отпрыгнула.

– Комарик сидел, – сказал Аспирин.

– Комарик?!

Она вытерла руки полотенцем. Подобралась к Аспирину, присела рядом на табуретку:

– Слушай, а ты научишь меня треки сводить? Я тоже хочу быть ди-джеем!

– Легко, – сказал Аспирин.

* * *

У него было полчаса, чтобы заскочить домой и переодеться. Талая вода за ночь подмерзла, и у самого подъезда Аспирин едва не шлепнулся. Отпер дверь; в квартире стояла непривычная тишина. Наверное, Алена спала.

Переменив рубашку, он в одних носках прошлепал на кухню и вытащил из холодильника бутылку пива. Мельком подумал, как хорошо было бы, если бы Алены вообще не было, если бы вся эта долгая и трудная история ему приснилась. Вот ведь, все налаживается: с работой отлично, с личной жизнью – прекрасно, деньги есть, пиво холодное, ну почему бы не жить и не радоваться?

В этот самый момент позвонили в дверь.

Ругаясь вполголоса, Аспирин побрел в прихожую. Заглянул в глазок: перед дверью стояла Ирина.

– Привет, – сказал он бодро. – Прости, я уже выскакиваю на эфир.

– Но ведь сегодня воскресенье, – удивилась Ирина.

– Правильно… Меня попросили подменить с утра, понимаешь… в двенадцать. Ни минутки свободной.

Ирина стояла, будто не слыша его слов. Светло-каштановые волосы были зачесаны назад, и на лбу ясно виднелись две вертикальные морщинки. Аспирин вдруг заметил, что она похудела.

– Я все пыталась тебя застать… Вчера звонила, и позавчера, а сегодня увидела, как ты подъехал…

– Ир, ну прости. Я вернусь с эфира и перезвоню, хорошо?

Она не отводила глаз. Аспирин под ее взглядом даже посмотрел в зеркало: что не так? Помада на воротнике? Но рубашка-то свежая!

Ее ноздри раздувались. Он готов был поклясться, что сейчас она чует, будто волчица, запах чужой женщины. При том, что Аспирин вымылся в душе, переоделся и вообще думал о другом.

– Ир, что ты хотела, ну правда, ни минутки…

Она вдруг увидел, как расширяются ее зрачки. Взрыв – две новорожденные черные дыры; он попятился:

– Что случилось?

Она разомкнула губы, но ничего не сказала. Повернулась и

двинулась вниз по лестнице. Хлопнула дверь на четвертом этаже. Тишина.

Аспирин сквозь зубы выругался. До эфира в самом деле оставалось всего ничего, да еще дороги скользкие…

Заспанная Алена стояла в дверях гостиной. Смотрела с интересом.

* * *

– Вот и февраль, мои дорогие, наступил самый короткий месяц в году, Новый год и Рождество уже забылись, зато на носу день святого Валентина, об этом все помнят! Скидки для влюбленных, туры для влюбленных, стиральные машины, Париж, Байкал, новые компы – все помечено сердечком, все для влюбленных, и «Лапа-радио» тоже для них… Сегодня мы слушаем песни о любви. Вы спросите, когда же мы слушаем другие песни? Никогда! Теперь, если у вас выдалась свободная минутка, если шеф отлучился из офиса, а верные сотрудники ему не заложат… быстренько набираем номер «Лапа-радио», отгадываем песню о любви, получаем флаер на вечеринку в клуб «Диггер» и слушаем песню! Ого, кто-то расторопный уже звонит… Как вас зовут?

– Игорь.

– Внимание, Игорь, вам предстоит угадать хотя бы одну из трех песен: где забирают, где отпускают и где играют! Время пошло… забирают-отпускают-играют, это три песни, какую вы называете?

– Э-э-э…

– Думаем все. Песня о любви: где забирают… есть идеи? О, короткие гудки, наш Игорь испугался чего-то, но вот у нас есть другой звоночек… кто это?

– Рита!

– Рита… Маргарита, окно открыто, как приятно вас слышать. Итак…

– Где забирают – это «Восемнадцать мне уже»!

– Браво! Браво, Рита, оставайтесь на линии, флаер в клуб «Диггер» теперь ваш. А мы все слушаем «Руки вверх» – «Забирай меня скорей, увози за сто морей, и целуй меня везде – восемнадцать мне уже»!

Аспирин снял наушники. В студии был душно.

– Юлька, скажи, пусть включат кондишн.

– Ты че? Мы тут мерзнем…

– А я тут задыхаюсь, как стрекоза в барокамере… Чего ты ржешь?

– Ты все-таки прикольный, Аспирин. Распишись мне на фотке для племянницы?

– А фотка есть?

Он забывал – и не мог забыть – широкие зрачки Ирины. Ну не женщина, а просто сыщик какой-то. Как она догадалась, что он был с другой бабой? Вот женись на таком детективном таланте, потом всю жизнь будешь оправдываться за каждый взгляд…

Нет, ясно было, что их отношениям не длиться вечно. Но разойтись-то можно по-человечески? Тем более, они соседи…

Он, сам того не желая, вспомнил ту январскую ночь. Ночь, когда пропала Алена. Когда они с Ириной были дороже друг другу, чем…

Чем кто?

Аспирин знал: Ира пыталась вызвать Алену на откровенность. Ее заботили и школа, в которую Алена не ходит, и скрипка, которую пришлось заново покупать, и, разумеется, ее заботило главное: что случилось в тот день, когда Алена ушла? Почему она это сделала? Ведь она знает, что отец места себе не находил, почти двое суток сходил с ума?

Отец – так она называла Аспирина в разговорах с Аленой. И он не мог понять, раздражает его это или нет. После истории с подозрительной докторшей Алена никогда не звала его «папа», и правильно делала, вышло бы фальшиво. Но «отец»… отец семейства, загруженный, задолбаный проблемами по самую макушку… Лучше бы Ирине не соваться в чужие дела, честное слово.

Он ждал, что Алена, по своему обыкновению, взглянет на Ирину абсолютным холодом голубых глаз, укажет нахалке ее место – как это случилось с консьержем Васей, как это бывало неоднократно с самим Аспирином. Но девчонка, к его великому удивлению, щадила соседку. Терпеливо объясняла: в школу она пойдет с будущего года, сейчас все равно нет смысла дергаться. А почему ушла… да зря, конечно. Не надо было. Больше она так поступать не будет, прости, пожалуйста!

Ирина покупала ей витамины, варежки, рейтузы. Ирина звонила ей каждый день, и Алена – Аспирин знал – иногда ей перезванивала. Ирина таскала девчонке диски, хотя в доме у Аспирина фонотека была в сто раз богаче. «Она в потенциале – офигительная мать, просто идеальная», не раз вспоминал он слова Алены. Все это замечательно и очень мило, но он-то, Аспирин, при чем?!

– «Лапа-радио» с вами, мы продолжаем нашу игру! Теперь вам предстоит угадать еще три песни о любви: в одной обманывают, в другой целуют, в третьей, к сожалению, обижают…

а что – любовь опасное дело, любовь зла! Итак… Вот, уже есть звоночек!

До конца эфира оставалось два часа. Аспирин потребовал кофе.

* * *

Он проснулся от звуков фортепиано. Спросонья показалось, будто он сидит в концертном зале и все зрители, стоя, аплодируют кому-то невидимому на сцене. Секундой спустя он погладил одеяло рядом с собой:

– Ира…

И тут же вскочил, как ошпаренный: что может быть ужаснее, чем назвать женщину в постели чужим именем?!

Но и Надюхи рядом не было. Аспирин окончательно проснулся и понял, что лежит в кровати один, у себя дома, и что за стенкой грохочет пианино – именно грохочет, как целый патетический оркестр.

– Блин… – пробормотал он сквозь зубы и поднялся.

Алена сияла. Усевшись на краешек стула, запрокинув голову, как пианист-виртуоз, она заставляла инструмент вопить от счастья – это было не всегда гармонично, но очень, очень эмоционально.

– Ты что делаешь! Люди же спят!

– Два часа дня, – Алена не оторвалась от своего занятия. – С добрым денечком, Алеша.

– Чему ты радуешься? – спросил он тоном ниже.

Она задержала руки над клавиатурой – и красиво, по концертному, сняла их с инструмента.

– Я радуюсь? – спросила невинным тоном. – Я тяжело работаю, пока ты шатаешься по клубам и лапаешь баб!

И она снова грянула по клавишам, а Аспирин, проглотив язык, поплелся на кухню.

…Надюха не пришла в клуб – позвонила и невнятно пожаловалась на родителей, на погоду, на ломоту в коленке и на то, что Аспирин «поросенок». Аспирин передал ей привет в эфире и поставил сладчайшую композицию с посвящением «девочке Наде».

* * *

Во вторник он вернулся с эфира голодный и злой. Алена

играла на скрипке – не гамму, не упражнение; звучала вполне себе пристойная, хоть и странноватая мелодия. Аспирин прислушался.

Через прихожую бежал, переставляя коленчатые лапы, довольно крупный паук.

Дом в запустении, уныло подумал Аспирин. Вот уже паутина во всех углах. Казалось бы, зима на дворе… чем они питаются, скажите на милость, если в доме ни одной мухи?

Паук, торопясь что есть сил, пересек наконец прихожую и нырнул под дверь гостиной. Аспирин повернулся, чтобы идти на кухню, но тут сверху, с антресолей, спустился на паутинке еще один паук, зацепился за дверную ручку, перебрался на стену и быстренько засеменил в том же направлении – в гостиную.

– Приходите, тараканы, я вас чаем угощу, – пробормотал Аспирин. – Нынче Муха-Цокотуха именинница?

Он приоткрыл дверь и заглянул к Алене. Она стояла лицом к окну, к Аспирину спиной, играла, покачиваясь всем корпусом, а на полу у ее ног собралось штук двадцать пауков, побольше и поменьше, они окружили ее почти ровным кольцом и вяло шевелились, будто в трансе.

Аспирин присмотрелся, не веря своим глазам. Потом отпрянул.

– Ты что?!

Мелодия оборвалась. Прошла длинная секунда, потом пауки, будто опомнившись, рванули кто куда и забились в щелки.

У Аспирина неприятно сосало под ложечкой.

– Это что еще?!

– Что? – поинтересовалась Алена, моргнув невинными ресницами.

– А ты не знаешь? – Аспирин сглотнул. Его мутило.

– Нет, – она потерла подбородок, то место, где ссадина-кровоподтек от скрипки превратилась со временем в жесткую мозоль.

Аспирин зарычал сквозь зубы. Разумеется, теперь можно сказать – померещилось, да что такое, подумаешь, паучка увидел… Но ведь не померещилось, он был в этом уверен!

– Сядь, – он кивнул на диван. Алена, послушная девочка, села, мимоходом похлопав по лапе тут же восседающего Мишутку. Аспирин прошелся по комнате. Пауков, разумеется, и след простыл.

– Что ты играла?

– Сен-Санс, – нахально соврала Алена. – «Лебедь».

– Ты думаешь, я «Лебедя» никогда не слышал?!

– А что?

Аспирин сплел пальцы:

– Слушай, я ведь могу психануть.

– Напугал ежа голой задницей. Да ты только и делаешь, что психуешь.

Он снова описал по комнате полный круг. Вспомнил Вискаса: «Постарайся не раздражать ее. Почаще соглашайся».

– Ладно, – сказал так кротко, как мог. – Яичницу будешь?

– Буду, – Алена поднялась, прижала скрипку к плечу. – Сядешь за стол – меня, пожалуйста, позови.

Март

С наступлением весны в Алену будто вселился бес. Она грохотала на фортепиано, слушала музыку без наушников, танцевала и прыгала, и при этом так топала, что Аспирин задавал себе вопрос: а как там у Ирины, внизу, не сыплется известка с потолка?

Иногда ему хотелось, чтобы Ирина позвонила и что-то такое сказала бы. Типа, перестаньте топать, у меня люстра падает. Но Ирина не позвонила, даже когда Алена взялась прыгать с дивана в половине двенадцатого ночи. Ирина делала вид, что соседей сверху вообще не существует.

Алена могла по часу сидеть в ванной. Она играла на скрипке, когда Аспирин спал, исчезала непонятно куда и невесть откуда появлялась – он молчал, самоустранившись. Однажды, заглянув под кровать в поисках завалившейся дискеты и встретив там невзрачного паучка, он содрогнулся так, что чуть затылок не расшиб о кроватную раму. Всякий раз, когда Алена заводила незнакомую странную мелодию, Аспирин напрягался и оглядывался вокруг: кто ползет?

Никто не полз.

Надюха по-прежнему обожала его, но ощущения давно потеряли остроту. Ее родители уехали на этот раз в Египет, вся огромная квартира опять была в распоряжении «молодежи», как Надюха называла себя с Аспирином, но он, вот беда, все меньше и меньше чувствовал себя молодым. Рядом с Надиной матроской (а у нее все «прикиды» оказались более-менее инфантильные и даже кукольные) он чувствовал себя в лучшем случае воспитателем детского сада. В худшем – старой развалиной.

И еще – он уставал. Прежде у него хватало энергии и на клуб, и на «Лапа-радио», и на тусовку, и на халтурку. Теперь три ночи в «Куклабаке» изматывали его, как тряпочку: болела голова, ныли и чесались уши, а лечиться приходилось коньяком. Проспав полдня,

Аспирин смотрел на себя в зеркало и отшатывался при виде опухшего, нездорового и немолодого чудовища.

– Авитаминоз, – серьезно говорила Надюха. – Аскорбинок пожуй.

Однажды, возвращаясь днем от гаража, Аспирин увидел Алену.

Она гуляла и раньше – бродила в одиночестве вокруг дома, поддавая ботинком ледышки, иногда останавливаясь и долго разглядывая то радужные бензиновые пятна на мокром асфальте, то какой-нибудь хлам у дороги, то лужу талой воды. Никогда Аспирин не видел ее в обществе других детей. И никогда Алена не выносила во двор скрипку.

Светило солнце. Алена шла, не разбирая дороги, со скрипкой у подбородка, и что-то еле слышно наигрывала – щипком. Казалось, она совершенно погружена в свои мысли. Аспирин остановился: картинка была, по меньшей мере, странная.

А за Аленой шел пацан. След в след, отстав шагов на двадцать. Пацану было лет четырнадцать-пятнадцать на вид, и Аспирину он показался почему-то знакомым.

Мог пацан идти просто так, по своим делам? Запросто; тем не менее у Аспирина не оставалось сомнений, что парень идет за Аленой, и именно за ней. А секундой спустя, всмотревшись в его лицо, Аспирин вспомнил: это был один из малолетних подонков, полгода назад застукавших Алену в подъезде. Один из тех, кого он, Аспирин, тщетно пытался воспитывать за гаражами.

Он напрягся, готовый бежать вслед, хватать и разбираться, но почему-то не побежал. Может быть потому, что у пацана был уж очень странный вид: он выглядел напуганным. Сбитым с толку, растерянным, но напуганным – больше, и с каждым шагом его широкое лицо с носом-картошкой становилось все бледнее и бледнее, а рот открывался, будто парень готовился заорать.

Но не орал. Разевал рот, как рыба, и шел, шагал за Аленой – след в след. А она вышла на улицу и двинулась к перекрестку; Аспирин пристроился следом за странной процессией. Он еще не знал, чего ждать, но предчувствие было скверное.

Прохожие смотрели на Алену с недоумением. Некоторые оборачивались вслед. Некоторые улыбались. Аспирин лавировал, не выпуская девчонку из виду.

Она добралась до перекрестка, когда зеленый свет для пешеходов уже начал мигать. Перешла дорогу – Аспирин мог поклясться, что водители глазеют на нее и удивляются. Зажегся красный для пешеходов, зеленый для машин, урчащая лавина хлынула через перекресток. Мальчишка замешкался на краю тротуара.

Алена остановилась и опустила скрипку. Она стояла и глядела на пацана, их разделяла оживленная улица. Аспирин не мог видеть мальчишкиного лица, но он отлично видел лицо Алены.

Она улыбалась.

Красивым концертным жестом она вскинула скрипку к плечу, и, как по мановению фокусника, в руках у нее появился смычок.

И тогда Аспирин кинулся вперед и рявкнул, перекрикивая шум улицы:

– Не смей!!!

* * *

– А если бы его сбили насмерть? Ладно… Пусть убийство для тебя дело хорошее и правильное… убийство негодяя. А тот человек, водитель, который бы его сбил – он как? Он что тебе сделал?

Алена тщательно протерла скрипку сухой тряпкой. Улыбнулась:

– Леша, при чем тут я? Какое убийство?

– Да я же видел своими глазами…

– Что ты видел? Я играла, а мальчик шел за мной?

– Покажи скрипку, – потребовал Аспирин.

– Зачем? Ты ведь все равно не различаешь, где обыкновенные струны, а где…

– Ага! Значит, ты натянула *его* струны?

– Только две, – призналась Алена. – Соль и ля.

– Соль и ля, – пробормотал Аспирин. Потом поднялся, прошел в прихожую и отпер входную дверь.

– Иди.

– Куда? – удивилась Алена.

– В переход. На площадь. Куда хочешь. Играй свою песенку, встречай брата и убирайтесь отсюда оба, чтобы я вас здесь не видел.

Алена поудобнее уселась на диване:

– Я не могу. Я еще не готова.

– Готова! – рявкнул Аспирин. – Я видел, что ты делаешь! Ты вела его, как на ниточке, будто крысу, я видел!

– Ты не понимаешь, о чем говоришь, – помрачнев, сказала Алена. – А слова «крыса» я чтобы от тебя вообще не слышала.

– Ты не уйдешь?

– Не уйду, – Алена закинула ногу на ногу. – Я, тебе, конечно, многим обязана, Алеша… Но не забывайся.

* * *

На четвертом этаже бледно светилось окно за зеленой занавеской. Аспирин сидел в машине, курил и смотрел на темный силуэт, иногда возникавший на зеленом полотне.

Как в кинотеатре. Как в театре теней. Как в полутемном аквариуме. Зато на пятом, в его квартире, ярко горели все окна, и сквозь приоткрытую форточку грохотала «Кармина Бурана».

Аспирину не хотелось выходить. На мусорном баке орали коты, взъерошенные, счастливые, мартовские.

Нет ничего, что связывало бы его с этой женщиной. Несколько снежных недель, летящие хлопья, запах ее подушки. Часть жизни, просто часть жизни, пройденный этап. Все, что имеет старт, должно иметь и финиш, иначе хоть какой выносливый бегун сдохнет на маршруте, так и не порвав ленточку…

Он заставил себя выйти из машины. Вошел в подъезд, нажал кнопку лифта. Консьержка тетя Света хитро прищурила глаза:

– Лешенька, Ира-то с четвертого квартиру продает. Срочно, говорит. Сегодня маклер приходил, и уже покупателей водили. Сейчас знаешь какие цены? Даже если срочно…

– Что? – Аспирин нахмурился. – С какого… Ира?!

– Ира. Квартиру-то ей родители разменяли, трехкомнатную, еще в те времена: на две двушки с доплатой. Ну, родителей уже нет в живых, а в их квартире брат живет с семьей. А Ира, говорит, тоже хочет с доплатой. Ставка-то у нее какая? Это раньше инженер хорошо получал…

– Никогда инженер хорошо не получал, – сказал Аспирин, тупо глядя в раскрытые двери лифта. – Даже песня такая есть.

Лифт помедлил, но поблажки делать не стал и закрыл двери, демонстративно погасив после этого кнопку. Аспирин яростно вдавил ее пальцем, лифт обиженно лязгнул и открылся снова, и в этот момент в подъезд вошли милиционер в зимней шинели и женщина в старом пальто. Только оказавшись с ним в лифте – нос к носу – Аспирин узнал участкового. Они уже виделись когда-то, только в тот раз участковый был в штатском.

А женщина была та самая инспекторша по делам несовершеннолетних, которой Аспирин когда-то пытался «сплавить» Алену.

* * *

– Девочка не ходит в общеобразовательную школу. Более

того, музыкальную школу она бросила тоже. Играет в переходах ради заработка.

– Это неправда, – вырвалось у Аспирина.

Инспекторша поджала губы. Участковый зачем-то посмотрел в окно: ярко-синее в мартовских сумерках.

– Разве она не играет в переходах? – удивилась инспекторша.

– Теперь не играет. И она делала это не ради денег.

– А ради чего?

– Ради удовольствия, – процедил Аспирин, чувствуя себя идиотом.

Участковый и женщина переглянулись.

– Вам что, нечего делать? – с тихой яростью спросил Аспирин. – Столько бездомных, брошенных детей, попрошаек, наркоманов… У вас так много времени, чтобы ходить ко мне и выяснять, для чего моя дочь играет в переходах? А нет такого закона, чтобы не играла!

– Алексей Игоревич, – тускло сказал участковый. – У нас есть официальное обращение из опекунского совета. Вас хотят лишить родительских прав – через суд.

– Что?!

– Если в суде будет доказано, что вы не обеспечиваете ребенку полноценный уход, питание, образование, или жестоко обращаетесь с девочкой…

– Жестоко?!

– У меня лежит заявление от ее учительницы, – сказала женщина. – Вы лишили ребенка возможности посещать музыкальную школу под угрозой физической расправы.

– Вранье!

Женщина пожала плечами:

– Я встречалась с учительницей, она уверяет, что вы угрожали спустить ее с лестницы и что у нее есть свидетели.

– Черт, – пробормотал Аспирин. – Это собачий бред, вы понимаете? Алена! Алена, а ну иди сюда!

Ничего не произошло.

Аспирин, ругаясь про себя, встал и отправился в гостиную. Алена лежала на диване, задрав ноги на стену, свесив почти до пола лохматую голову в наушниках. Весь пол в комнате был завален дисками, нотами, конфетными обертками и еще каким-то бумажным хламом. На клавиатуре раскрытого пианино лежал Мишутка – в точности повторяя позу хозяйки, задрав лапы на пустую подставку для нот.

Аспирин в раздражении выдернул шнур из розетки. Огоньки, плясавшие на панели музыкального центра, погасли. Алена открыла мутные глаза и медленно села на диване: мятый

спортивный костюм. Бледное до синевы, отрешенное лицо.

Без приглашения явились из кухни участковый и инспекторша. Молча остановились за спиной Аспирина; сжав зубы, он пересек комнату и снял с девчонки наушники:

– У нас гости. Ты бы причесалась.

– Ты бы отстал от меня, папаша, – предложила Алена громким ясным голосом. – Включи все, как было, и закрой дверь с той стороны.

Аспирин сдержался.

– Скажи, пожалуйста, я запрещал тебе ходить в музыкальную школу?

Она посмотрела – через его плечо – на стоящих в дверях визитеров.

– А что?

– Запрещал или нет?

Она повалилась на диван, задрыгала в воздухе ногами:

– Запрещал! Да! На цепь сажал, намордник надевал, заставлял жить в конуре, кормил сырыми костями! Гав-гав-гав!

Он взял ее за ворот трикотажной спортивной курточки и так дернул на себя, что затрещали нитки:

– Ах, так?! Тогда уходи отсюда. Вот они стоят, они забирают тебя в детприемник, прямо сейчас, убирайся!

Участковый и инспекторша не произнесли не звука. Алена снова посмотрела на них – через плечо Аспирина.

– Никуда они меня не забирают. Ты мой отец, ты обязан обо мне заботиться. Отпусти, больно!

За спиной послышался мягкий удар: Мишутка, соскользнув с клавиатуры, лежал теперь на полу.

Внутренне передернувшись, Аспирин выпустил девчонкин воротник. Не оглядываясь на Алену, не глядя на визитеров, вышел из гостиной и прикрыл за собой дверь. Через минуту грянула «Кармина бурана» – в динамиках, на полную мощность.

* * *

К полуночи растекшаяся жижа подмерзла до зеркального блеска. Аспирин шел по льду. Его отражение шло головой вниз, твердо соприкасаясь с ним подошвами и то и дело глядя на часы.

Весь город был полон часами. Циферблаты, электронные табло, струящиеся, подмигивающие, отмеряющие минуты до смерти: час ночи… полтретьего… без пяти четыре…

Он поскользнулся и упал. Ударился локтем и бедром. Поднялся, шипя не столько от боли, сколько от злости, горящими

ладонями стал отряхивать со штанов грязный колючий снег.

Пять утра. Закрываются клубы. Довольные, усталые, временно оглохшие люди разъезжаются по домам. Мимо Аспирина прошнырнули две-три машины с безнадежно тонированными стеклами.

– Какого дьявола? – спросил он вслух.

Никто не ответил.

* * *

– Просыпайся. Давай, вставай.

Если бы не Мишутка, привычно устроившийся под рукой хозяйки, Аспирин не постеснялся бы встряхнуть ее за плечо. На часах было полшестого, за окном стояла непроглядная тьма.

– Алена! Вставай, слышишь?

– Что случилось? – спросила она серьезно, без тени раздражения.

– Ничего. Я хочу знать, за что ты меня презираешь.

Она села на диване.

– За что я тебя… что?

– Презираешь. За что? После всего, что я…

Он хотел сказать «…для тебя сделал», но вовремя заставил себя заткнуться.

Алена судорожно вздохнула. Протерла кулаком глаза. Мигнула.

– Только не притворяйся, что не понимаешь, о чем я, – процедил Аспирин.

– Я понимаю, – ответила она с неожиданной серьезностью. – Ты прав.

Минуту они смотрели друг на друга, не говоря ни слова – Аспирин, промерзший, усталый, в грязных ботинках, в тяжелой зимней куртке со следами известки на плече. И Алена в мятой пижаме, бледная, заспанная, с Мишуткой на коленях.

– Я в самом деле тебя презираю, – сказала она наконец. – Потому что мой брат бросил… бросил все. Такое, о чем ты понятия не имеешь. Только ради того, чтобы оказаться на твоем месте, Леша. Чтобы иметь право сочинять новые песни. А ты живешь в мире, где возможно творчество, и тебе по барабану. Тебе все равно. Ты подтерся этим правом, ради которого мой брат… – ее голос дрогнул. – Подтерся, бросил в унитаз и даже не заметил. И как тебя не презирать?

И снова сделалось тихо.

– Но это неправда, – сказал Аспирин.

– Правда, – у Алены сухо блеснули глаза. – Ты сам знаешь.

Аспирин открыл рот – и закрыл его, не зная, что сказать. Повернулся и пошел в свою комнату. Лег на постель, потом вспомнил, что надо снять куртку. Тяжело, как больной медведь, побрел в прихожую, но вместо того, чтобы раздеться, снова вышел за порог.

Спустился во двор.

Окно на четвертом этаже светилось зеленым.

* * *

– Ира, пожалуйста, открой.

Тишина. Длинным эхом отдается звонок в притихшей квартире.

– Ира, мне очень надо с тобой поговорить! Я знаю, что ты дома…

Тишина. Аспирин провел ладонями по бронированной двери. Запертой двери. Он в тюрьме – или он тюремщик?

– Ира, открой!

Мелькнула тень за соседским глазком. Как глупо он, наверное, выглядит, стоя перед запертой дверью. «Стрекоза и муравей», честное слово. И мужчина в роли стрекозы.

Он повернулся. Побрел к себе. Аккуратно отпер дверь и двинулся прямо на кухню. Помедлил. Потом заткнул раковину пробкой, заклеил скотчем боковой слив и пустил воду – горячую и холодную. На полную мощность.

Сел за стол, оперся на локти и уставился в сереющее утреннее окно. На часах было почти девять.

Радостно брызгая, вода наполняла раковину. Аспирин вспомнил, как впервые ходил со всем классом в бассейн и как играли блики на стенах, выложенных белой керамической плиткой.

Вода поднялась вровень с бортами – и хлынула. Полилась со стола на пол, растеклась лужей, нырнула под мойку. Кран бил и бил в полную мощность, толстая струя врезалась в пляшущую теплую поверхность, Аспирин сидел за столом и смотрел в окно. Бежали минуты.

В дверях кухни молча остановилась Алена. Прижала к груди Мишутку. Все так же молча отступила, когда лужа на полу достигла ее босых ног.

Грянул дверной звонок. С дикой силой, как возмездие. Только тогда Аспирин неторопливо поднялся, подошел к мойке – по воде, как святой Петр. Закрутил краны. Звонок трезвонил и

дребезжал. Аспирин пошел открывать.

Она стояла на пороге – яростная фурия в длинном махровом халате:

– Идиот?! Что ты делаешь, сволочь! Уже на третий этаж пролилось, ты рехнулся, подонок!

Он молча смотрел. Под его взглядом она затихла, судорожно глотнула, схватила ртом воздух.

– Ты что…

– У меня страховка, – сказал Аспирин. – Я тебе оплачу. И этим, с третьего, тоже.

Она отступила. Окинула его взглядом с головы до ног – его и Алену, молча замершую за его спиной с медведем наперевес.

– Ира, – сказал Аспирин. – Не бросай меня, пожалуйста.

Она отступила еще на шаг. Обхватила плечи руками, будто от холода. И ушла, всплеснув полами халата – только тапочки прошлепали по ступенькам.

Дверь поскрипывала, раскачиваясь туда-сюда – от сквозняка. Аспирин стоял, слушая скрежет ключа в замочной скважине этажом ниже. Не то Ирина запирала дверь на семь оборотов, не то у нее вдруг испортился замок.

У него замерзли мокрые ноги. Прямо-таки окоченели. Он захлопнул дверь и вернулся в кухню.

Алена орудовала тряпкой. Выкручивала в ведро мутные потоки, промокала лужу – и снова выкручивала. Пробка лежала на краю раковины, рядом неопрятной серой ленточкой валялся отлепленный скотч.

Аспирин сел к столу, оперся локтями о столешницу и опустил голову на сплетенные пальцы.

– Это круто, – сказала Алена, не поднимая головы. – Но этого недостаточно, Леша. Этого недостаточно.

Апрель

– Здравствуйте, мои дорогие, у меня для вас длинное печальное известие. На самом комфортном, самом мягком и ласковом «Лапа-радио» – кадровые перемены, и вы больше никогда не услышите в эфире душевного Аспирина… Время идет, на смену старым лекарствам для души приходят новые лекарства – душевный Эффералган, душевный Колдрекс, душевный Иммодиум… Что вам Аспирин, послушаете других – и забудете! Нет? Вы не согласны? Вы, сидя в офисе, или в за рулем, или дома – возмущены? И правильно! Первое апреля – никому не верю, и вы не верьте никому, в особенности сегодня… Это была шутка,

для тех, кто в танке, повторяю – веселая первоапрельская шутка… Аспирин остается с вами, и в подтверждение этого поют «Тату»!

Он перевел дыхание и стянул наушники. Вчера Алена ушла из дома и не возвращалась полтора часа. Он опоздал в клуб, дожилаясь ее.

– Где ты была?!

Алена тяжело дышала. В опущенной руке у ее покачивался продуктовый кулек, за полиэтиленовой стенкой виднелась ребристая поверхность батона.

Другой рукой она прижимала к себе Мишутку. Как будто его собирались отнять.

– Не подходи, Леша.

Она разжала пальцы, батон в кульке упал на пол. Очень осторожно Алена отстранила от себя Мишутку. В ярком свете прихожей Аспирин увидел, как блеснула искра в шоколадной шерсти. Будто осколок стекла застрял у Мишутки около виска.

– Что это…

– Не трогай! Отойди!

В ее голосе был ужас. Аспирин попятился.

Двумя пальцами Алена ухватилась за осколок и с усилием выдернула его из медвежьей головы. Аспирин увидел иголку – длинную и полую изнутри. В полости темнела жидкость – капля, не больше.

– Что это?!

– Он меня прикрыл, – отстраненным голосом сказала Алена. – Мишутка. Он всегда меня прикрывает.

– Это… снотворное?

– Дай блюдце, – сказала Алена. – Скорее.

Игла звякнула, укладываясь на блюдце.

– Это вещественное доказательство, – Аспирин потянулся к телефону. – Как бы там ни было…

– Она ледяная, – все так же отстраненно сообщила Алена. – Она еще в Мишутке начала таять.

– Что?

Иголка на глазах оплывала в крохотной лужице воды. Темное вещество растекалось, теряя цвет.

– Нифига это не доказательство, – пробормотала Алена. – Если бы я могла понять, кто стрелял и откуда, я бы его… песней выцепила. Вывела бы… но я даже не поняла сначала. Вообще ничего. Если бы не Мишутка…

– Ты бы упала и заснула?

– Сядь, – Алена прижала к себе медведя. – Как ты думаешь… ему от этого ничего не будет?

– Кому?

– Мишутке.

– Ничего, он же плюшевый. К тому же, они наверняка рассчитали дозу…

– Рассчитали, – Алена жестко улыбнулась. – У меня мало времени, Лешка. Еще меньше, чем я думала.

Аспирин посмотрел на блюдце. Иголка растаяла без следа. Мутноватая вода на белом донце лежала почти правильным эллипсом.

– Мы что же… никому ничего не докажем? Отдать эту штуку на анализ…

Алена поморщилась:

– Ты наивный, да?

– Вот так, среди бела дня похищать детей!

– Леша, – сказала девчонка, опершись кулаками о столешницу. – Хотели бы меня похитить – давно бы похитили, не вопрос. Нет. Меня решили убрать.

Аспирин молчал.

– Каждый из них боится, что я достанусь другому. И что меня используют против… против кого-нибудь из них, кто поначалу меня разрабатывал.

– «Из них» – из кого? – тупо спросил Аспирин.

Алена мотнула головой:

– Я не знаю. Я не знаю, как тут у вас называются такие люди. Они долго топтались, ждали, не решались… Но я слишком опасная, понимаешь? Такого оружия вообще не должно быть. Ни в чьих руках.

Аспирин смотрел на медведя, восседавшего на кухонном стуле рядом с Аленой. Медведь смотрел в ответ – прямо и холодно. Как будто говоря: да, я прикрыл ее собой. А ты?

– Это яд, – сказала Алена. – И никаких следов… так, царапина, мало ли откуда у ребенка царапина?

– Я в такое не верю, – сказал Аспирин.

– Зато сочиняются новые песни, – она улыбнулась. – Складываются слова… Поднимаются новые стены, строятся новые города… Ужасный мир. Нет гармонии. А значит, есть путь. И есть то, куда он ведет… Я устала, – она вдруг зевнула. – Я… была… там, в центре, присмотрела одно место. Оттуда можно сыграть все, все до последней ноты, никто не остановит, и все услышат. У меня мало времени… Я сделаю это завтра. Нет, послезавтра… Нет. Я потом тебе скажу, когда я это сделаю…

С тех пор прошло два дня.

– …А теперь традиционный конкурс! Угадайка! Победитель получит два билета в подземный клуб «Диггер»…

Он был как бетономешалка, в брюхе которой преступным

попустительством рабочих наполовину застыл цемент. Впервые в жизни он не изливал слова, а выталкивал их, как тяжелые сгустки.

– Вас зовут? Ира… Какая удача. Сколько вам лет? Шестнадцать… Иро…чка. Вы конечно первым делом спросите, это живое или не живое?

Он посмотрел на часы.

Еще два часа эфира. За это время Алена вполне может исчезнуть навсегда.

* * *

– Вы видели?! Леша, что тут было! Что тут было!

У Аспирина ослабели колени.

– Что?

В следующую секунду он увидел Алену. Девчонка стояла у гаражей, привалившись плечом к железной стенке. Скрипка – под мышкой. Смычок – в опущенной руке. Двор полнился соседями, многие были в куртках поверх халатов, кое-кто вообще полуодет – как будто на улицу их выгнал внезапный и мощный пожар.

Аспирин в тревоге посмотрел на дом. Ничего вроде бы не дымилось; он снова взглянул на Алену. Та небрежно помахала ему рукой.

В толпе металась дворничиха с метлой. Ожесточенно сгребала в кучи влажный бурый мусор.

– Экологическую службу вызвать…

– Нет, аварийку! Значит, в доме трещины, может обрушиться. Вот когда крысы…

– Крысы бегут с корабля…

– Так то крысы!

– Может, кто-то потравил так хорошенько?

– Что, сразу всех?!

– Что здесь было? – Аспирин обернулся к тете Свете.

– Тараканы, – консьержка округлила глаза. – Кошмар, Лешенька. Вдруг из всего дома поперли тараканы. У кого где были… А больше всего из Полькиной квартиры, я видела! У нее, неряхи, мусор неделями на кухне стоит!

– Все сразу?!

– Да. Прямо как ручей такой, речка. На дорожке остановились. Соседи понабежали, никто не знает, что делать… хорошо, парень был на катке, на углу асфальт клал, так он катком развернулся и всех сразу, ну, придавил. Больше нет в доме тараканов, ни у кого. Оно-то хорошо, но вот что это за природное

явление?

Аспирин через весь двор посмотрел на Алену. Девчонка улыбнулась.

* * *

– Я же просил тебя не выходить из квартиры!

Алена стояла у окна. За месяцы, прожитые под одной крышей, он много раз видел, как она вот так стоит. Шел дождь, мелкие капли липли к стеклу и смотрели снаружи, как прозрачные рыбьи глаза.

Скрипка лежала на чисто вытертом кухонном столе. Мишутка сидел тут же, откинувшись на спинку стула, благосклонно глядя на Аспирина пластмассовыми зенками.

– Я же просил…

– Я вот что думаю, – сказала Алена сухо и собранно, будто продолжая давно начатый деловой разговор. – Может, это его право? Если человек решился на жертву ради чего-то, что ему кажется важным, это ведь его выбор, да? А тут прибегаю я и говорю – нет, пойдем домой, все переиграем заново… Я пришла его спасти, а он ведь меня не просил?

Она обернулась. Она явно ждала ответа. Аспирин замялся.

– Ты же знаешь, что ему плохо, – сказал первое, что пришло в голову.

Алена ухмыльнулась:

– Я *не* знаю. Когда у меня пальцы болят и кровь течет, мне тоже плохо, но мне хорошо, когда получается сыграть вариации в нормальном темпе… Если я спасу его – значит, он проиграл. И не будет никакой новой музыки.

– Значит, обойдемся без новой музыки, – сказал Аспирин.

Алена взглянула на него из-под ресниц, и он с ужасом увидел себя тараканом. Мелкой коричневой тварью, выползающей из щели в мусоропроводе.

– Да! – сказал он зло. – Потому что есть вещи поважнее, чем новые песни. Человеческая жизнь! И твоя в том числе!

– Моя жизнь ничего не стоит, – сказала она высокомерно. – Меня нельзя убить.

– Кровь из тебя льется точно так же, как из остальных.

– Да… И еще мне больно.

Обойдя Аспирина, она подошла к навесному шкафу и, привстав на цыпочки, достала с нижней полки варенье. Поставила на стол наполовину пустую банку. Усадила перед ней медведя, повязала ему на грудь чистое кухонное полотенце.

– Ешь, Мишенька. Ешь, маленький. Скоро уже пойдем.

Аспирин выглянул в окно; не обращая внимания на дождь, соседи обсуждали происшествие. В центре оживленного круга размахивала зонтиком консьержка тетя Света: «Что за природное явление?»

Они не понимают, подумал Аспирин. Девчонка вполне могла бы вывести из дома не тараканов, а жильцов. Могла бы сыграть им радость, потом похоть, потом, на закуску, страх. И все бы плясали, потом совокуплялись в песочнице, а потом разбежались, испачкав штаны. И никто бы не улизнул. И он, Аспирин, тоже.

– Вот молодец, Мишенька. Хорошо поел, молодец…

Алена убрала со стола пустую баночку из-под варенья. Салфеткой протерла медведю и без того сухую морду. Критически оглядела свои руки, слизнула с пальца сладкое пятнышко. Потянулась за скрипкой.

Аспирин стоял, повернувшись спиной к окну. Смотрел, как она пощипывает струны, подкручивает колок, берет смычок из раскрытого футляра…

– Ты чего так смотришь? – удивилась Алена.

Он криво ухмыльнулся.

– Что, ты по правде боишься? – она нахмурилась. – А я думала, ты прикалываешься.

– Хорошенькие приколы, – выдавил он, отводя глаза.

Алена взглянула на него поверх смычка:

– Иногда мне тебя жалко, Аспирин. Иногда – нет.

– Зачем ты вывела тараканов?

– А может, мне хотелось оставить в этом мире память о себе? Доброе дело?

– Доброе дело, – Аспирина передернуло. – Тот парень, небось, весь свой каток облевал.

– А ты думаешь, крыс выводить приятнее?

– Я о крысах вообще не сказал ни слова.

– Ну вот и молчи…

И она заиграла. Стоя посреди кухни, глядя в пространство, она завела сладковатую, нежную мелодию, Аспирину показалось, что он уже где-то слышал ее. Потом он опустился на стул, подпер голову ладонью и вспомнил, как они с родителями варили уху в большом котле, прямо на берегу реки, потрескивал костер, и в полузатопленной лодке отражались звезды…

Мелодия оборвалась.

Аспирин поднял затуманенные глаза. Тряхнул головой. Алена смотрела со странным выражением.

– Ты чего? – пробормотал он, вдруг покрывшись холодным потом.

– Прости, Алеша, – сказала Алена тихо. – Может, тебе и надо помочь, но я не могу. Я не знаю, что тебе такое сыграть, а если бы и знала – не сумела бы. Это, наверное, очень трудная песня.

* * *

Дождь полил сильнее. Сгустились сумерки. Аспирин долго слонялся по комнате, потом вытащил ноутбук из сумки, сел к столу и написал заголовок: «Из дома ушли тараканы. Чего нам ждать?»

Ему сразу стало легче, как от хорошего коньяка. Он уселся удобнее и застрочил, роняя на пол сигаретный пепел.

По мере того, как разрастался файл, на душе у Аспирина становилось все спокойнее и яснее. «Известно, что некоторые животные покидают дом накануне стихийных бедствий. Но нигде и никогда не был описан массовый исход тараканов! Что напугало наших бесстрашных шестиногих соседей? Что заставило их покинуть теплые щелки – одновременно, как по команде? Тараканы живучи, неприхотливы, однако очень восприимчивы к тонким колебаниям нейропсихического поля…»

Он писал по наитию, почти не сверяясь с Интернетом. Выдвигал и развенчивал гипотезы, от простых и пошлых, вроде инопланетного вмешательства, до элегантных и вычурных: «Моми – вьетнамские обрядовые булочки в форме женских гениталий, они используются в ритуалах плодородия, но рецепт изготовления так сложен, что наша хозяйка, решившаяся приготовить экзотическое блюдо в домашних условиях, рискует навсегда погрузить свою квартиру в бездны дурной энергетики…»

Он закончил в одиннадцать вечера. Поставил точку. Перевел дыхание.

Алена занималась за стеной. Скрипка ныла, как от зубной боли.

* * *

– Она тебе полностью задурила голову, – сказал Вискас. – Бред заразителен.

Они с Аспирином сидели в конторе «Куклабака». Полчаса назад в клубе разгорелся скандал; неожиданное Аспириново желание сходить в отпуск возмутило администрацию до глубины души, и единственным, кто подержал Аспирина в этот трудный момент, был Витя Сомов.

– Поезжай к родителям. Погуляй по Лондону. Если она попробует не пустить тебя… Придется принимать решительные меры.

– Куда уж решительнее, – промямлил Аспирин. И, почти против воли, рассказал о ледяной иголке.

Вискас слушал внимательно, вонючая сигарета в его пальцах подрагивала.

– Это бредятина, Леша, – сказал он мягко, когда Аспирин замолчал. – Это замечательно для «Запретной правды» или еще какого-нибудь глянцевого листка, где тебе платят бабки. А в жизни нет никаких ужасных «спецслужб», которые стреляют в детей ледяными иголками. Это фантазии больной девочки, и этими фантазиями она заразила тебя по самое не балуйся.

Аспирин молчал.

– Взять тебе билеты? – все так же мягко спросил Вискас.

– Я ее не оставлю. Может, она и сумасшедшая, но она моя дочь.

Вискас вздохнул и раздавил сигарету в пепельнице.

– Твоя дочь… Ты все эти месяцы ходишь по ниточке. И ведь до сих пор неизвестно, кто за ней стоит. Подумай, а?

Аспирин молчал.

* * *

– А сделка-то накрылась, – шепотом сообщил консьерж Вася. – Покупатель потребовал аванс вернуть, и она, прикинь, вернула!

– Кто? – спросил Аспирин, прекрасно зная ответ.

– Да Ира! Он как прочитал твою писанину про тараканов – не, говорит, не буду покупать квартиру в таком доме… Смотри, Леша, тебе еще за это выскажут. И адрес написал, надо же! Из других домов теперь ходят, спрашивают. Одна тетка из первого парадного забрала детей и к родителям переехала. Правда, у нее муж алкаш, так что тараканы тут и ни при чем, вроде бы…

– Ни при чем, – сквозь зубы подтвердил Аспирин, нажимая кнопку «пять».

* * *

– Ирина звонила, – сообщила Алена, как только он переступил порог.

Ключ застрял снаружи в замочной скважине. Аспирин дернул

его раз, другой, рискуя сломать.

– Просила передать, что ты скотина и ведешь себя по-скотски, – продолжала Алена ровным голосом. – Зря ты написал этот бред про тараканов.

– Спасибо, – прошипел Аспирин.

– Короче, Ирина…

– Я понял!

Он захлопнул за собой дверь кабинета. И почти сразу задребезжал звонок. Аспирин вспомнил, что ключ-то так и остался снаружи – в скважине нижнего замка.

На лестничной площадке стояли участковый милиционер – и незнакомая женщина.

Несколько секунд хозяин и визитеры молчали, глядя друг на друга. Потом Аспирин протянул руку и с натугой выдернул из двери предательский ключ.

– Алексей Игоревич, – официальным тоном начал участковый, в этот момент женщина всхлипнула, глядя мимо Аспирина, в глубину прихожей.

– Доченька! – слезно завопила она и, отодвинув Аспирина с дороги, кинулась на Алену и заключила ее в объятия. – Родненькая!

Алена не сопротивлялась, но и не отвечала на ласки. Стояла покорным столбиком, чуть отстраняясь, когда иссиня-черные завитые волосы касались ее лица.

* * *

Любовь Витальевна Кальченко вернулась из заграничной командировки и обнаружила, что ее дочь Алена Алексеевна исчезла из интерната в неизвестном направлении. Администрация школы проделала все необходимые в этом случае действия – в частности, уведомила опекунов и милицию, и на этом поиски на время прекратились: интернат – не детективная контора, а пропавших детей пусть ищут те, кому это положено по роду занятий.

Очень скоро стало известно, что Алена Алексеевна Гримальская уехала из Первомайска и живет теперь с отцом, известным и богатым бизнесменом. В интернате за девочку потихоньку порадовались, но заявления из милиции отзывать, конечно же, не стали. Все равно ни у милиции, ни у школы не было денег на депортацию Алены Алексеевны обратно в интернат.

Любовь Витальевна пришла в ужас, и, как ни держали ее в

Первомайске семейные и профессиональные проблемы, взяла билет на поезд и поспешила на поиски дочери. И вот теперь сидела перед столом, накрытым Аленой, и конца-края не было неестественному, до ужаса фальшивому чаепитию.

Участковый, как ни вертел головой, не мог ухватить жанр происходящего: мелодрама? Криминальный триллер? Бытовая разборка?

Любовь Витальевна красила волосы самой глубокой черной краской, какую только можно представить. Крупные локоны украшали ее большую голову, ниспадая до плеч. Любовь Витальевна носила красный трикотажный джемпер, яркая помада того же тона подчеркивала полные губы, а ресницы, облитые тушью, дерзко загибались вверх и вниз, так что каждый глаз был похож на хищный цветок росянку. Аспирин смотрел на нее через стол и все пытался вспомнить… Ведь не так много лет прошло! Какой была эта женщина, когда они познакомились? Ведь не мог же он переспать с бабой – и забыть ее навсегда, будто память резинкой подтерли?

Или мог?

Он пил в те времена… но никогда не допивался до беспамятства. Он был легкий, веселый, девчонки липли к нему, он помнит Светку, Ленку, Виту… А Любу не помнит. Вот хоть убей.

Алена нарезала магазинный кекс, очень удачно обнаружившийся в хлебнице. На ее лице не было ни радости, ни разочарования, ни удивления, ни страха перед внезапно изменившейся судьбой. Только сосредоточенность, как во время музыкальных занятий.

Как же так, думал Аспирин. Ведь появление этой… Любы все окончательно расставляет по своим местам. Никто не падал с неба в поисках заблудшего брата. Никто не являлся из далекого идеального мира, чтобы потом опять туда вернуться. Но медведь? Но скрипка? Но тараканы?!

Он покосился на Мишутку, забытого на подоконнике. Медведь смотрел в потолок бессмысленным игрушечным взглядом. Аспирин поднялся, чтобы позвонить Вискасу.

– Погоди, – тихо сказала Алена. И что-то такое было в ее голосе, что Аспирин моментально уселся на место.

За столом сделалось тихо. Любовь Витальевна перевела взгляд на Аспирина. Он поперхнулся чаем.

Она-то, похоже, помнила его прекрасно, но воспоминания не были ни теплыми, ни ностальгическими.

– А ты растолстел, Алексей. Что же, хорошо живешь, оно и видно…

Аспирин смотрел в глаза, подведенные черными стрелками, и по-прежнему не мог вспомнить ничего. Наверное, так чувствуют себя люди, страдающие амнезией.

– Ну ладно, – Любовь Витальевна поднялась. – Алена, собирай вещи, нам еще на электричку успеть. Сегодня у Ивановны перетопчемся, а завтра…

– Я не поеду, ма, – тихо сказала Алена.

Участковый тоскливо поморщился. Любовь Витальевна даже не удивилась.

– Поедешь. У меня из-за тебя язва открылась, хожу, чуть не падаю. Так, бери все, что он тебе купил, одевайся…

Алена отошла к окну. Глубоко засунула руки в карманы спортивной курточки:

– Я не пойду. Я останусь здесь.

Любовь Витальевна встала – закачался стол. Неторопливо и уверенно, как носорог, двинулась к Алене. Ухватила ее за плечо.

– Ты, дрянь такая, еще придумай, что отцу скажешь. Еще жопа от ремня синяя будет, и правильно, не буду тебя защищать, поганку. Пошли!

И она поволокла Алену в коридор – все так же неторопливо и вместе с тем неудержимо, как и полагается настоящей матери.

Аспирин снова взглянул на Мишутку – тот сидел на подоконнике с видом совершеннейшей игрушки. Старой. Не очень чистой. Беспомощной. Участковый, глядя в сторону, поднялся из-за стола, отодвинул нетронутую чашку с чаем:

– Алексей Игоревич, у меня к вам будет разговор…

– Потом, – сказал Аспирин.

В прихожей раздраженно взревела Любовь Витальевна.

– Ах ты…

– Я не пойду!

– Пойдешь!

Звук пощечины.

Аспирина будто облили кипятком. Он вылетел в прихожую, поскользнулся и чуть не упал. Алена извивалась в руках матери, та попеременно то хлестала дочь по щекам, то пыталась натянуть на нее зимнюю куртку.

– Ах ты дрянь, распустилась… Как распустилась, сволочь! Ну подожди…

Аспирин перехватил руку Любовь Витальевны. Резко рванул на себя. Женщина охнула и выпустила Алену.

– Алексей Игоревич, – предостерегающе сказал участковый.

Любовь Витальевна сузила глаза:

– Убери руки. Защитничек. Где ты был, когда я над коляской ревела – одна? Когда я в секонд-хенде вонючие ботинки покупала,

чтобы было в чем ребенка в садик вести? Где ты был? В Париже?

Алена прижалась лопатками к зеркалу. Переводила взгляд с матери на Аспирина и обратно. Щеки ее горели, она едва сдерживала слезы.

– Не надо эмоций, – сказал участковый. – Все решает закон. По закону вы, Любовь Витальевна, имеете полное право…

– Я никуда не пойду, – сказала Алена шепотом.

Любовь Витальевна шагнула вперед, но Аспирин успел раньше и оказался между ними как раз в тот момент, когда рука женщины потянулась к Алениному уху.

– Это мой дом. Если вы не уйдете, я вызову милицию.

– Да ну? – Любовь Витальевна с вызовом посмотрела на участкового.

Аспирин распахнул входную дверь:

– Уходите.

Любовь Витальевна уперлась руками в бока:

– Или что?

– Или я спущу вас с лестницы, – пообещал Аспирин, мельком взглянув на участкового. Тот хмыкнул:

– Привычное это дело для вас, я погляжу… Любовь Витальевна, можно вас на минуточку?

– Я никуда не уйду без нее!

– Нет, вы уйдете, – тихо сказал Аспирин.

Она смерила его взглядом, от которого завял бы, наверное, даже самый уверенный в себе кактус. Аспирин не выдержал и потупился.

– Век бы тебя не видать, – тихо сказала Люба из Первомайска. – Дерьмо ты, а не мужик.

* * *

– Леша?

Он сидел за включенным компьютером. Глядел поверх экрана – в окно, где мотались под ветром мокрые деревья, где нависали над крышами тучи. Близилась перемена погоды. Большая перемена.

– Леша, ты котлеты будешь?

– Скажи мне честно. Она твоя мать?

Пауза.

– Да.

– Значит, ты мне врала? Все-все врала? Нет у тебя никакого брата?

Она уселась рядышком, на край кровати.

– Помнишь, я тебе говорила… Реальность переваривает меня. Я встретила тебя… и соврала, что я твоя дочь. И так получилось, что это правда.

– Правда, – тускло повторил Аспирин. – Значит, вот она какая, Люба из Первомайска… Поразительно. Потрясающе. И что, ее муж бьет тебя ремнем?

– Пока нет, – Алена неопределенно пожала плечами. – Пока только грозился.

– Какой я идиот, – тихо сказал Аспирин. – Значит, ты уедешь в Первомайск… А она подаст на меня в суд – на алименты.

Алена чуть усмехнулась:

– Ну, ты можешь не доводить дело до суда…

– Разумеется, – сказал он чужим голосом. – Только, ты учти, официальные доходы у меня не такие большие…

– Ты пойдешь со мной? – спросила Алена.

Он повернул голову:

– Куда?

* * *

Они шли по блестящим от дождя улицам. Ветер дышал теплом: наконец-то наступила весна. У Алены за спиной был школьный ранец, из него торчала мягкая медвежья голова. В правой руке – футляр со скрипкой. Левой она вцепилась в руку Аспирина.

Смеркалось. По тротуару шли люди, у каждого из них могла оказаться в рукаве игра со снотворным, с наркотиком, с чем угодно. На каждой крыше мог прятаться снайпер с ледяными иголками в обойме. Аспирин сперва напряженно оглядывался, а потом перестал: паранойя. Навязчивый бред преследования.

– Если ты увидишь, что что-то идет не так… или если тебе просто станет страшно – бросай все и уходи, – ровным голосом посоветовала Алена.

– Тысячи людей играют в переходах на чем угодно, – так же ровно отозвался Аспирин. – Поют и танцуют. И ничего им не делается.

– Мы не пойдем в переход, – сказала Алена. – Помнишь? Я говорила тебе – я нашла место получше…

Они спустились в метро и через полчаса вышли из него – в центре. Небо почти совсем потемнело, но от фонарей, подсветки и реклам было светло, как днем.

– Здесь, – Алена остановилась перед входом в ресторан. Летняя терраса была пуста, внутри, за стеклянной дверью,

плавали в рассеянном свете фигуры официантов, острыми айсбергами топорщились салфетки на столах. На втором этаже имелся застекленный балкон, опоясанный широким полукруглым карнизом. На балконе стоял единственный длинный стол, приготовленный, по-видимому, для скорого банкета – полностью накрытый и совершенно безлюдный.

– Ты хочешь поужинать? – глупо спросил Аспирин.

– Один вопрос, – Алена смотрела вверх. – Почему ты со мной пошел?

– То есть?

– Почему сейчас ты здесь, со мной, а не дома?

– Потому что я за тебя боюсь, – помолчав, признался Аспирин.

– А почему? – она с вызовом вскинула подбородок. – Что со мной может случиться?

Аспирин огляделся. Прохожих было много, но никто из них не смотрел на девочку со скрипкой, никто не узнавал прославленного ди-джея Аспирина.

– Не знаю, – сказал он устало. – Я не сказал бы, что ты такая… что с тобой ничего не случается. Обычно…

Она не дослушала. Поправила ранец и двинулась ко входу в ресторан. Аспирин – за ней.

В гардеробе им помогли снять куртки. Швейцар за вежливостью прятал удивление: Аспирин и Алена представляли собой странную пару. А трио, если считать Мишутку, еще более необычное.

– Нам наверх, – сказала Алена, и Аспирин послушно двинулся к лестнице.

– Прошу прощения, наверху сегодня спецобслуживание – банкет…

Алена шла, не оглядываясь. На шее у нее болталась ставшая привычной подушечка.

– Простите, это одна минута, – сказал швейцару Аспирин. – Алена! Здесь занято…

– Я знаю, – она не замедлила шага. – Помоги мне, пожалуйста, открыть окно.

– Что?!

– Вот это, – они были уже на балконе. Алена взялась за ручку большого окна в пластиковой раме: за стеклом, совсем близко, светились фонари и текла вечерняя толпа. – А, погоди, оно легко открывается…

Окно в самом деле открылось – снаружи пахнуло весенним холодом. Алена раскрыла на полу футляр, подхватила скрипку, взяла смычок и прежде чем Аспирин успел ей помешать,

скользнула в щель.

Ранец с Мишуткой застрял на секунду. Алена дернулась. Высвободилась. Уверенно ступила на карниз.

– Да ты что?

Она чуть повернула голову:

– Прощай, Лешка. Теперь я выведу его – или…

И, не договорив, она приставным шагом двинулась по карнизу. Ранец мешал ей – царапал застежками стекло.

– Заберите ребенка!

– Да что же это?!

– Прекратите немедленно!

Сразу несколько официантов и метрдотель собрались вокруг Аспирина, говоря одновременно и ничего не решаясь сделать. Балкон застеклен был глухими рамами, окна открывались только на торцах, справа и слева, и Алена, подумал Аспирин, знала об этом заранее.

Дойдя до центра балкона, Алена остановилась. Снизу на нее уже смотрели, уже показывали пальцами, не зная, что это – хулиганство или рекламный трюк.

Алена настраивала скрипку. Мишутка, по-прежнему упакованный в ранец, смотрел сквозь стекло на Аспирина, и Аспирин не мог понять выражение пластмассовых глаз.

– …Вы отец?

– Я? – спросил он удивленно. – Да… А что?

Метрдотель выругался длинно и очень нецензурно. Дамы в вечерних платьях, медленным потоком поднимавшиеся снизу, уставились на него с недоумением.

– Что здесь происходит?

– Немедленно уберите ребенка! – крикнул мужчина в черном костюме с золотым галстуком. – Вы что! А если она упадет?!

В этот момент Алена заиграла.

Все замолчали. Одновременно – все. И те, кто был в тот момент на балконе, и те, кто глядел снизу, с улицы. Мелодия началась с тихого отчетливого звука, заключившего слушателей в моментальный стоп-кадр. Вечерняя улица, девочка на карнизе – живая? Циркачка? Тень? Чугунные фонари справа и слева. Скрипка в руках девочки и улица под ее ногами. И – специально для Аспирина – плюшевая морда медвежонка, уткнувшегося носом в стекло.

Звук набирал силу. По толпе прошло быстрое движение – люди одновременно отшатнулись. И Аспирин отшатнулся, стоя в нескольких шагах у Алены за спиной, за стеклом, в остром запахе мясных закусок, поднимавшемся от накрытого стола.

Алена играла и играла. Скрипка ревела в ее руках, как

доисторическое чудовище. От этого звука, одновременно завораживающего и жуткого, Аспирин покрылся мурашками от макушки до пяток.

А девчонка, не дрогнув, вела мелодию – если то, что издавала сейчас скрипка, можно было назвать мелодией, если оно имело хоть какое-то отношение к музыке. У Аспирина заслезились глаза, как от яркого света. Он видел свое отражение в стекле – искаженное, сломанное отражение. Замельтешили тени. Мелькнули иссиня-черные волосы бывшей Любы из Первомайска, откуда-то взялось лицо спившегося композитора Кости, засмеялась в глаза Надюха в матросском костюмчике, молча глянула Ирина, и Аспирину больше всего на свете захотелось, чтобы скрипка замолчала, но она играла, играла, как будто проклятую девчонку вообще ничто не могло остановить!

Всеобщее оцепенение взорвалось. Метрдотель пытался выбраться на карниз сквозь приоткрытое окно – но он был в четыре раза больше Алены и с таким же успехом мог бы штурмовать ушко цыганской иголки. Снизу орали и швыряли бутылки; одна из них разбилась о чугунный столб фонаря. Запрокинутые лица белели в свете фонарей, чернели распахнутые рты. Алена играла.

Вокруг Аспирина началось невообразимое.

Мужчина в черном костюме с золотым галстуком подхватил массивное кресло – от натуги пиджак треснул у него под руками – и, тяжело размахнувшись, ударил в стекло – в Алену. За секунду до удара Аспирин успел навалиться на него и оттолкнуть; ничего в тот момент не соображая, он действовал инстинктивно, как ласточка над океаном. Тяжеленное дубовое кресло пробило стекло и рухнуло вниз. Девчонка не сбилась ни на сотую долю такта; осколком ей оцарапало скулу. Две красные капли набухли и медленно двинулись по бледной щеке, как дождевые капли по стеклу. Алена играла.

Внизу кричали, кто от злости, кто от боли. Кто-то кого-то уводил сквозь толпу, поддерживая за плечо; Аспирин видел перекошенные злобой лица, и совершенно спокойные, любопытствующие лица, и лица испуганные; за углом взвыла милицейская сирена.

– Да уберите вы ее! Уберите!

Мужчина в элегантном светлом пиджаке ринулся на карниз сквозь пробоину, оставленную креслом. Потянулся к Алене, поскользнулся и упал, повиснув на руках. Завизжала женщина, кинулась на помощь, но ни ее крики, ни галдеж толпы внизу не могли заглушить чудовищную мощь Алениной скрипки.

Мужчина разжал окровавленные пальцы и соскользнул вниз

со второго этажа. Алена играла, ни на кого не глядя. Аспирин вспомнил ее слова: «Если ты увидишь, что что-то идет не так… или если тебе просто станет страшно…»

Из разбитого окна тянуло сырым промозглым холодом.

Толпа внизу стала плотнее. Потом заволновалась. Потом раздалась в стороны, и по узкому коридору на улицу въехала пожарная машины с выдвижной лестницей.

Алена играла. Мишутка смотрел на Аспирина. На балконе за разбитым стеклом теперь было почти пусто: вечерние дамы отступили вниз, увлекая за собой кавалеров. Метрдотель, застрявший в щели окна, все еще пытался выбраться. Мужичок лет пятидесяти жевал, присев на дальнем конце стола, кусочек ветчины. Бутылка водки перед ним была пуста уже наполовину.

Алена играла.

Скрежетнув, механическая лестница двинулась вверх. На верхнем ее краю Аспирин увидел пожарного в брезентовом костюме – тот глядел на Алену, как если бы она была не ребенком со скрипкой, а пылающим химическим заводом. Аспирин шагнул вперед, еще не зная, что будет делать, но в этот момент Алена завершила первую часть на самой высокой ноте. Последовала крохотная пауза; казалось, пожарный растерялся, но тут Алена глубоко вздохнула – прыгнули плечи – и заново провела смычком по струнам.

Звук был глубокий, вкрадчивой, от него перехватывало дыхание. Пожарный замер – повис в воздухе – в полуметре от Алены. Теперь Аспирин не видел его глаз – в пластиковом щитке, прикрывавшем лицо пожарного, отразилась неоновая вывеска.

Алена играла. Метрдотель выбрался, наконец, из окна, сел на покрытый ковролином пол и вдруг заплакал. У Аспирина у самого комок подкатывал к горлу – мелодия, источаемая Алениной скрипкой, подействовала на него, как жестокий романс на сентиментальнейшую из барышень. Он прижал ладони к щекам – и увидел себя летящим над бесконечным, усеянным цветами полем. Низко-низко, вровень с цветами, потом круто вверх, в облака, так что счастливо захватило дух…

Он пришел в себя от холодного прикосновения стекла. Он стоял за Алениной спиной, расплющив лицо о прозрачную преграду, и смотрел, как пальцы в заусеницах бегают по грифу, как летит белая канифольная пыль, подсвеченная синим светом вывески. Толпа внизу стала больше; кто-то раскачивался, как сомнамбула на приеме у экстрасенса. Кто-то смотрел, не мигая. Пожарный сидел, свесив ноги, на краю выдвижной лестницы и смотрел на Алену, подперев голову кулаком.

Алена играла, приподнявшись на носки на самом краю

карниза. Звуки нежно вибрировали, от этой вибрации тряслись и дребезжали стекла. Аспирин прижался к окну, рискуя выдавить его, желая слушать музыку не только ушами, но и телом, и всей кожей; в этот момент Алена снова сделала коротенькую паузу, и когда заиграла снова, мелодия была совсем другой.

Толпа заволновалась, затопталась, забурлила – и вдруг бросилась врассыпную. Почти никто не кричал – если не считать двух-трех сдавленных воплей под самым балконом. Аспирину тоже захотелось бежать: наверное, так чувствует себя кошка накануне большого землетрясения. Красная машина выпустила тучу вонючего выхлопа и, завывая от ужаса, умчалась вместе с пожарным на выдвижной лестнице.

В отдалении затрещали выстрелы. Над улицей рассыпался фейерверк – желтые, зеленые, синие огни. Сколько времени прошло, подумал Аспирин, дыша ртом. Десять минут, час?

На балконе было пусто. Как ни в чем не бывало, стояли бутылки с дорогим вином, медово отсвечивали пузатые коньяки, лежала на боку рюмка – мужичок, поедатель ветчины, давно оставил поле боя. Сбежал и метрдотель. Опустела улица внизу – битое стекло в щелях булыжной мостовой, чьи-то очки, чья-то потерянная сумка. Алена играла – ни для кого. Мишутка, прижавшись мордой к стеклу, смотрел жестоко и требовательно.

Аспирин закусил губу, борясь с паникой. Бежать, куда глаза глядят… «Если тебе станет страшно…»

Он попятился. Отступил еще. Цепляясь за поручни, спустился вниз по лестнице. Не бежать! Только не бежать! Медленно, медленно, медленно…

За стойкой гардероба никого не было. Без присмотра висели кожаные пальто и цветные весенние шубы, и дешевая детская куртка. Дверь на улицу стояла распахнутой настежь.

Аспирин понимал, что поддастся музыке рано или поздно. Хватаясь за портьеры, за спинки стульев, за створки дверей, он сражался с паникой не за победу – за предпоследний спокойный шаг. И еще один предпоследний.

Выбравшись на улицу, он поднял голову. Алена стояла, вытянувшись в струнку, смычок взмывал и опускался. Аспирину померещились огоньки на пульте – взлетают и опадают зеленые столбики частот…

Он шагнул назад, оступился и упал, измазавшись в грязи. Не поднимаясь, лежа, посмотрел на Алену. И ему показалось, что Алена смотрит – сверху – ему в глаза.

Мелодия оборвалась.

Аспирин шарил руками по мокрому булыжнику, пытаясь подняться, осознавая с ужасом: оглох! Оглох!

И только через несколько секунд он понял, что мелодия все еще звучит. Просто перешла в иное качество. Взлетела, как электрон, на другую орбиту.

Все изменилось.

Скрытый смысл музыки, тот, о котором Аспирин всегда только догадывался, теперь стал явным, вышел на поверхность. Быть живым – вот что это значит. Бояться смерти. Радоваться. Жить. Аспирин поднял голову. Ему показалось, что за спиной у Алены стоит многотысячный оркестр, взмывают и опускаются смычки – до самого горизонта.

Улица больше не была пустой. Из подворотен, из темных углов выходили люди. Без страха и суеты – как будто всем им назначено в этот час свидание, они долго ждали его и наконец пришли. Они стояли молча, плечом к плечу, в тесноте, и только пустой пятачок под ногами Алены, у самого входа в ресторан, оставался пустым, и ближайший фонарь заливал его кругом резкого белого света.

Аспирин поднялся.

Мелодия стала жестче, Аспирин читал ее, как текст. Теперь Алена не увещевала и не звала – приказывала явиться сию секунду, выйти из толпы, оказаться в светящемся кругу. Люди стояли кольцом, завороженные. Шагнуть вперед, к Алене, навстречу странному свету никто не решался.

Алена играла. Скрипка звучала все громче, все резче становился зов. Аспирин, не выдержав, оглянулся: где он? Где тот, для кого все делается? Беглец из рая, творец-неудачник?

Люди стояли неподвижно. Толпа становилась все плотнее, никто не входил в освещенный круг.

Скрипка взревела. Рев оборвался коротким металлическим звуком. Рваная струна виноградным усом заплеталась на фоне бледного девчоночьего лица, но Алена, не останавливаясь ни на миг, повела мелодию дальше, повела уже на трех струнах, и Аспирин не знал, какие из них обычные, а какие – *его*.

Люди молчали и слушали, но никто не выходил на зов.

Аспирин вертелся, оглядываясь, расталкивая людей, все ближе подбираясь к карнизу. Она упадет, она упадет…

Новый звук лопнувшей струны. Рядом кто-то охнул.

Алена играла теперь на двух. Песня рвалась, в нее вплетались фальшивые ноты. Никто не входил в пустой круг. Алена играла, рваные струны вились вокруг ее руки, мелодия уже не была завораживающей и даже не была мелодией – это был вызов, разъяренный приказ…

Третья и четвертая порвались почти одновременно. Сделалось тихо-тихо. Девочка на карнизе постояла секунду, как

изваяние, и мягко повалилась вперед – будто статуя, сброшенная с пьедестала.

Аспирин успел.

* * *

Он дотащил ее до дома на руках. Раздел, обтер зачем-то уксусом, уложил на диван. Мишутка безучастно сидел на полу. Скрипка осталась там, на мостовой.

У Алены отнялись руки, но она вовсе не казалась убитой или потерянной. Наоборот – она улыбалась.

– Сделать тебе чаю?

– Нет, Леша. Ни к чему.

– К чему, к чему… ты хочешь пить.

– Нет. Я умираю.

– Перестань! Ты сама говорила, что не можешь умереть.

– Теперь могу… Он бы пришел, Лешка. Мне не хватило всего пары минут.

– Я видел…

– Я знаю. Я бы его вывела, это точно. Уже открылась дверь… Но он не пришел. Я не смогла.

– Ты смогла, – Аспирин вливал ей чай почти насильно. – Ты смогла. Ты играла на двух струнах!

Алена тихо засмеялась:

– Этот мир такой тоненький… Я проделала в нем окошко. Окошко в оболочке. Рана, если честно. Он стал сопротивляться. Он порвал мне струны. Ваш мир. Ему, наверное, было больно. Я знала, что долго не продержусь.

Аспирин взялся за телефон – и отложил трубку. Звонить… кому? Любе из Первомайска? Все, случившееся сегодня, казалось ему бредом. Раздвоением реальности.

– Тебе надо отдохнуть. И все можно начать сначала.

– Нет, нельзя. Я проиграла. Я честно пыталась, но я проиграла, Лешка, у меня нету больше струн.

– Что же, – спросил он нерешительно, – теперь ты… будешь просто моей дочкой? Да?

Она закрыла глаза:

– Прости, Леша. Мне больше бессмысленно жить. Я уже не буду – никем.

Он взял ее за плечи.

– Слушай. Мне плевать. Если ты… да перестань, это истерика! Ты моя дочь, на остальное мне положить с прибором. Твой отчим тебя пальцем не тронет, а твоя сумасшедшая

матушка…

Грянул дверной звонок.

– Скину с лестницы, – сказал Аспирин сквозь зубы. – И пусть потом жалуется, кому хочет.

Широким шагом он прошел в прихожую и, не глядя в глазок, распахнул дверь.

– Добрый вечер, Алексей Игоревич.

Из коридора дохнуло холодом. Ледяным. Зимним. Аспирин стоял, разинув рот, уставившись в глаза-буравчики – голубые с прозеленью, безмятежные и безжалостные.

Аспирин дернул кадыком. Опустил взгляд. Гость стоял босиком на линолеуме, камуфляжные штаны подвернуты, длинные узкие ступни – чистые и белые, будто из алебастра.

– Я пришел за Аленой.

– А я вас не звал, – хрипло сказал Аспирин, не двигаясь с места.

Гость чуть улыбнулся:

– Что поделаешь, Алексей Игоревич. Я, бывает, являюсь без приглашения.

И он шагнул через порог. Аспирин отступил. У него ослабели колени.

Из гостиной, где лежала Алена, не доносилось ни звука.

– Погодите, – быстро сказал Аспирин. – Одну минуту.

Гость повернул голову:

– Да?

– У меня к вам два слова, – выдавил Аспирин. – Идемте на кухню, там… замечательный коньяк…

Гость улыбнулся шире. Покачал головой:

– Нет, Алексей Игоревич. Не сегодня.

И вошел в гостиную.

Аспирин кинулся за ним. Обошел по большому кругу, чуть не опрокинув этажерку с дисками. Встал между гостем и Аленой.

– Привет, мелкая, – сказал босоногий, не обращая на него никакого внимания.

Алена медленно открыла глаза. И, к удивлению и ужасу Аспирина, вдруг улыбнулась.

– Ты пришел.

– Ну конечно.

– Ты меня не бросил.

– Ну разумеется.

– Ты был прав, – Алена снова опустила ресницы. – У меня ничего не вышло. Я не смогла.

Зависла пауза. Аспирин стоял, напружинившись, как вратарь. Он ждал, что босоногий попробует подойти к Алене, и не был

уверен, что решится остановить его, но все-таки ждал, удерживая дрожь в коленях.

Босоногий что-то сказал. Короткая звонкая фраза.

Алена содрогнулась. Открыла глаза.

– Что ты сказал?

Гость повторил. Помолчав, с оттяжкой произнес по-русски:

– Ты смогла. Он услышал. Пришел в сознание. Вспомнил себя.

Сделалось тихо. Потом Алена глубоко вздохнула. Ее бледно-зеленые щеки вдруг порозовели – так резко, будто на них плеснули раствором марганцовки.

– Его выбор, – негромко сказал босоногий.

Алена выдохнула. Покачала головой:

– Я… устала.

– Я знаю. Пошли.

Он сунул руку за пазуху и вытащил длинный кожаный футляр. Раскрыл. Белый металл вспыхнул под лампой. Аспирину померещились блестящие хирургические инструменты.

– Нет! – он отступил к дивану, загораживая собой девчонку.

– Алеша, – слабо сказала Алена.

– Вы ее не… уходите!

Гость вытащил из футляра флейту, разобранную на две половинки. Соединил. Вставил мундштук.

– Разреши нам поговорить, – быстро сказала Алена.

Босоногий пожал плечами:

– Да сколько угодно. Говорите.

– Алеша, – Алена смотрела ясно, как в день их первой встречи. – Дай мне… Мишутку.

Он помедлил. Потом протянул руку, взял медведя – легкого, ватного – и подал Алене.

– Ты… понимаешь, – сказала она, прижимая Мишутку к груди. – Мне надо уйти.

– Не понимаю. Куда?

Она улыбнулась:

– Домой. Я все равно мечтала вернуться… Это правильно. Это хорошо. Ты за меня не бойся, я все сделала, что могла… И у меня получилось.

– А брат остается? – тупо спросил Аспирин.

Она чуть сдвинула брови:

– Да. Понимаешь… Оказывается, я приходила не затем, чтобы его вывести. Помнишь, я тебе рассказывала? Мой брат забыл себя. Он ничего-ничего не мог сделать.

– А теперь он вспомнил?

– Да.

– Почему же не пришел?

Алена улыбнулась снова:

– Потому что… Он же творец. Ему надо жить в несовершенном мире.

Аспирин помотал головой, пытаясь осознать ее слова. Оглянулся на босоногого. Тот сидел на подлокотнике кресла, задумчиво протирая флейту замшевой тряпочкой.

– *Он* тебя заберет?

– Да. Это правильно, ты не бойся!

– А если я не хочу? Не хочу? Я могу тебя не отдать?

Босоногий, не прекращая своего занятия, покосился с интересом.

– Есть вещи, которые не отменяются, – тихо сказала Алена. – Я перед тобой… виновата, в общем. Ты прости.

Гость поднялся – легко и бесшумно, головой почти упираясь в потолок.

– Алексей Игоревич… Посидите пока на кухне, ладно?

– Нет. Что вы будете с ней делать?

– Я заберу ее и потом вернусь к вам на пару слов. О-кей?

Аспирин посмотрел на Алену. Девчонка улыбалась – немного натянуто.

– Нет, – сказал Аспирин, чувствуя, как трясутся губы. – Я… вам не доверяю.

– А жаль, – гость шагнул вперед, аккуратно пригнувшись под люстрой. – Жаль, что я не заслужил вашего доверия.

– Алеша, – сказала Алена шепотом. – Прости, пожалуйста, но я просто не могу остаться!

Она приподнялась на локте и протянула ему руку – правую, в которой совсем недавно держала смычок.

Ладонь была такой холодной, что Аспирин почти обжегся.

– Спасибо… Алеша. Спасибо. Постарайся…

Она не договорила. Ее рука выскользнула из ладони Аспирина, как тонкая ледяная змейка. Алена откинулась на подушку, прижимая к себе Мишутку.

– Идите, – повелительно сказал босоногий.

Пятясь, Аспирин вышел.

Дверь в гостиную закрылась.

* * *

Он не помнил, как добрался до кухни. Зубами вытащил пробку из бутылки коньяка. Хлебнул.

В потайном ящике стола нашел обойму.

Вытащил пистолет из-под обувной полки, зарядил.

Из гостиной доносились звуки флейты. Еле слышно, будто сквозь толстый слой пенопласта. У Аспирина мороз продирал по коже.

Флейта смолкла. Аспирин, сидевший на корточках перед обувной полкой, выпрямился и шагнул к двери в гостиную.

Дверь распахнулась прежде, чем он успел коснуться ее. Босоногий отступил. Аспирин, с пистолетом в опущенной руке, ворвался в комнату, заранее зная, что он там увидит.

Но не увидел ничего.

Смятая подушка. Плед. Пианино. Стойка с дисками. Негде спрятаться, но Алены нет. Совсем.

Аспирин заглянул за диван. Отбросил плед. Развернулся и поднял пистолет.

Гость стоял перед ним, опустив руки. Трясущееся дуло почти касалось его высокого желтоватого лба.

– Где она? – хрипло спросил Аспирин.

Босоногий поднял глаза на пистолет.

– Из этого ствола в двухтысячном убили милиционера. Сегодня… нет, завтра, когда стемнеет, примотайте к нему кирпич и утопите где-нибудь в пруду. Только идиот станет держать такую дрянь в квартире.

Аспирин сжал зубы. Пистолет опускался все ниже, пока рука не повисла совсем.

– Где ее свидетельство? – тихо спросил босоногий.

Аспирин молчал.

– В ящике стола, – ответил гость, будто сам себе. – Принесите.

Не выпуская пистолета, Аспирин вышел в кабинет. Выдвинул ящик. Аленино свидетельство лежало поверх всех бумаг, и, когда Аспирин взял его в руки, вдруг переломилось пополам.

Аспирин выронил пистолет.

Ламинированная бумажка, жесткая, почти неуязвимая, растекалась у него между пальцами. Вот две половинки стали прозрачными, вот округлились острые уголки, посыпалась пыль. «Грима… ена… Алексе…»

Аспирин смотрел на свои ладони. Пустые.

– Вам не о чем беспокоиться, – тихо сказал гость за его спиной. – Все, кто ее видел, о ней забудут. Уже завтра – не вспомнят.

Аспирин обернулся:

– А… мать?!

– И мать, разумеется. Хотя мать вас меньше всего должна беспокоить. Вот бытовуха всякая – консьержи, соседи, учителя…

эти ваши, бестолковые охотники за аномалами…

– А я? – тихо спросил Аспирин.

Босоногий задумчиво поднял бровь. Потом, не отвечая, повернулся и пошел к двери.

Аспирин остался стоять. Глядел ему вслед.

Гость остановился. Обернулся через плечо:

– Алексей Игоревич, подойдите, пожалуйста.

Аспирин подошел, не чувствуя под собой ног.

– Ваша соседка, Ирина, на четвертом месяце беременности – от вас. Вас посвятить никак не соберется – вы, пардон, не готовы слушать. Родится девочка. Если вам интересно.

Аспирин разинул рот, как рыба.

– И ничего не бойтесь, – сказал гость тоном ниже. – Ничего не надо бояться. До свидания.

Он развернулся и вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Аспирин долго стоял, упершись лбом в прохладный дерматин.

Потом вышел из квартиры, спустился на четвертый этаж и позвонил в ее дверь.

КОНЕЦ